КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ XVII.

Февраль.

1887 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го января 1887 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1887 г.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

ХУДОЖНИКЪ.

(Продолженіе) [1].

Первыя письма моего пріятеля однообразны и похожи на подробный и монотонный дневникъ школьника, и только для меня они интересны, ни для кого больше. Въ послѣдующихъ письмахъ началъ проявляться и складъ, и грамотность, и содержаніе, какъ напримѣръ слѣдующее девятое его письмо.

Сегодня въ девятомъ часу утра свернули мы на валъ картину «Распятіе Христово», и я съ натурщиками отправилъ ее въ лютеранскую Петропавловскую церковь. Карлъ Павловичь поручилъ мнѣ сопровождать ее до самой церкви; черезъ четверть часа онъ и самъ пріѣхалъ, при себѣ велѣлъ натянуть опять на раму и поставить на мѣсто. Такъ какъ она не была еше покрыта лакомъ, то издали и не показывала ничего, кромѣ темнаго матоваго пятна. Послѣ обѣда пошли мы съ Михайловымъ и покрыли ее лакомъ. Вскорѣ пришелъ и Карлъ Павловичъ; сначала онъ сѣлъ на передней скамейкѣ, но, недолго поглядѣвши, перешелъ на самую послѣднюю. Тутъ и мы подошли къ нему и тоже сѣли. Долго онъ сидѣлъ молча и только изрѣдка приговаривалъ: «вандалъ! ни одного луча свѣту на алтарь. И для чего имъ картины?»

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1887 г., январск. кн., стр. 1—35.

— Вотъ если бы, сказалъ онъ, обращаясь къ намъ и показывая на арку, раздѣляющую церковь: если бы во всю величину этой арки написать картину распятія Христа, то это была бы картина, достойная Богочеловѣка.

О, если бы хоть сотую, хоть тысячную долю могъ я передать вамъ изъ того, что я отъ него тогда слышалъ. Но вы сами знаете, какъ онъ говоритъ. Его слова невозможно положить на бумагу, они окаменѣютъ. Онъ тутъ же сочинилъ эту колоссальную картину со всѣми мельчайшими подробностями, написалъ и на мѣсто поставилъ. И какая картина! Николая Пуссена «Распятіе»—просто суздальщина, а про Мартенса и говорить нечего.

Долго онъ еще фантазировалъ, и я слушалъ его съ благоговѣніемъ; потомъ онъ надѣлъ шляпу и вышелъ, а вслѣдъ за нимъ и я съ Михайловымъ. Проходя мимо статуй апостоловъ Петра и Павла, онъ проговорилъ: «куклы въ мокрыхъ тряпкахъ, а еще съ Торвальдсена»!—Проходя мимо магазина Даціаро, онъ вмѣшался въ толпу зѣвакъ и остановился у окна, увѣшаннаго раскрашенными французскими литографіями. Боже мой, подумалъ я, глядя на него, и этотъ самый геній, который сей часъ только такъ высоко парилъ въ области прекраснаго искусства, теперь любуется приторными красавицами Греводока. Непонятно! А между прочимъ правда. Сегодня первый разъ я не былъ въ классѣ, потому что Карлъ Павловичъ не пустилъ меня: усадилъ насъ съ Михайловымъ за шашки, двоихъ противъ себя одного, и проигралъ намъ коляску на три часа. Мы поѣхали на острова, а онъ остался дома дожидать насъ ужинать.

P. S. Не помню, въ прошедшемъ письмѣ писалъ ли я вамъ, что я въ сентябрьскій третной экзаменъ переведенъ изъ первыхъ въ натурный классъ за «Бойца».

Если бы не вы, мой незабвенный, и чрезъ годъ меня бы не перевели въ натурный классъ. Я началъ посѣщать анатомическія лекціи профессора Буяльскаго; онъ теперь читаетъ остовъ. И тутъ вы причина, что я знаю наизустъ остовъ. Вездѣ и вездѣ вы мой единственный, мой незабвенный благодѣтель. Прощайте!

Всѣмъ существомъ моимъ преданный вамъ N. N.

Я намѣренъ досказать исторію моего пріятеля собственными его письмами, и это будетъ тѣмъ болѣе интересно, что въ письмахъ своихъ

онъ часто описываетъ занятія и почти вседневный домашній бытъ Карла Павловича, котораго онъ былъ и любимымъ ученикомъ, и товарищемъ. Для будущаго біографа К. Брюлова я со временемъ издамъ всѣ его письма, а теперь помѣщу тодько тѣ, которыя непосредственно касаются его занятій и развитія на поприщѣ искусства и развитія его внутренней высоконравственной жизни.

Вотъ уже октябрь мѣсяцъ въ исходѣ, а Штернберга все нѣтъ, какъ нѣтъ. Я не знаю, что мнѣ дѣлать съ квартирою: она меня не обременяетъ, я плачу за нее пополамъ съ Михайловымъ; я почти безвыходно нахожусь у Карла Павловича, только ночевать прихожу домой, а иногда и ночую у него, а Михайловъ и на ночь домой не приходитъ. Богъ его знаетъ, гдѣ онъ и какъ живетъ. Я съ нимъ встрѣчаюсь только у Карла Павловича, да иногда въ классахъ. Онъ очень оригинальный, добраго сердца человѣкъ. Карлъ Павловичъ предлагаетъ мнѣ совсѣмъ къ нему перейти жить, но мнѣ и совѣстно, и боюсь вамъ сказать. Мнѣ кажется, что я свободнѣй при своей квартирѣ, а во вторыхъ мнѣ ужасно хочется хоть нѣсколько мѣсяцевъ прожить вмѣстѣ съ Штернбергомъ, потому собственно, что вы мнѣ такъ совѣтовали, а вы мнѣ дурного не посовѣтуете.

Карлъ Павловичъ черезвычайно прилежно работаетъ надъ копіей съ картины Доминикино «Іоаннъ Богословъ». Копію эту заказала ему академія художествъ. Во время работы я читаю. У него порядочная своя библіотека, но совершенно безъ всякаго порядка; нѣсколько разъ мы принимались дать ей какой нибудь толкъ, но только все безуспѣшно. Впрочемъ недостатка въ чтеніи нѣтъ. Карлъ Павловичъ обѣщался сдѣлать рисунокъ Смирдину для его «Ста литераторовъ», и онъ служитъ ему всею своею библіотекою. Я прочиталъ уже почти всѣ романы Вальтеръ Скотта и теперь читаю «Исторію крестовыхъ походовъ» Мишо. Мнѣ она нравится лучше всѣхъ романовъ, и Карлъ Павловичъ тоже говоритъ. Я начертилъ эскизъ, какъ Петръ Пустынникъ ведетъ толпу первыхъ крестоносцевъ черезъ одинъ изъ германскихъ городовъ, придерживаясь манеры и костюмовъ Печи; показалъ Карлу Павловичу, но онъ мнѣ строжайше запретилъ брать сюжеты изъ чего бы то ни

было, кромѣ библіи, древней греческой и римской исторіи. «Тамъ, сказалъ онъ, все простота и изящество, а въ средней исторіи безнравственность и уродство». И у меня теперь на квартирѣ, кромѣ библіи, ни одной книги нѣтъ. Путешествіе Анахарсиса и Исторію Греціи Галиса я читаю у Карла и для Карла Павловича, и онъ всегда слушаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ. И если бы вы видѣли, съ какимъ вниманіемъ, съ какой сердечною любовью кончаетъ онъ свою копію. Я просто благоговѣю передъ нимъ, да и нельзя иначе. Но что значитъ волшебное, магическое дѣйствіе оригинала? Или это просто предубѣжденіе, или время такъ очаровательно стушевало эти краски, или Доминикино... Но нѣтъ, это грѣшная мысль, Доминикино никогда не могъ быть выше нашего божественнаго Карла Павловича. Мнѣ иногда хочется, чтобы скорѣе унесли оригиналъ.

Какъ то разъ за ужиномъ зашла рѣчь о копіяхъ, и онъ сказалъ, что ни въ живописи, ни въ скульптурѣ онъ не допускаетъ истинной копіи, т. е, возсозданія, и что въ словесной поэзіи онъ знаетъ одну единственную копію, это «Шильонскій узникъ» Жуковскаго, и тутъ же прочелъ его наизустъ. Какъ онъ дивно стихи читаетъ! Ей Богу, лучше Брянскаго и Каратыгина! Кстати о Каратыгинѣ. На дняхъ зашли мы случайно въ Михайловскій театръ; давали «Тридцатъ лѣтъ или жизнь игрока», пересоленная драма, какъ онъ выразился. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ онъ ушелъ за кулисы и одѣлъ Каратыгина для роли нищаго. Публика бѣсновалась, сама не зная отчего. Что значитъ костюмъ для хорошаго актера!

Тальони уже пріѣхала въ Петербургъ и вскорѣ начнетъ свои волшебные полеты. Онъ однакожъ что-то ея не жалуетъ. Ахъ, если бы скорѣе Штернбергъ пріѣхалъ! Я не видавши полюбилъ его. Карлъ Павловичъ для меня слишкомъ колоссаленъ и, не смотря на его доброту и ласки, мнѣ иногда кажется, что я одинъ. Михайловъ прекрасный благородный товарищъ, но ничѣмъ не увлекается, никакая прелесть, кажется, его не чаруетъ. А можетъ быть я его не понимаю. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Я въ восторгѣ! Давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый мною Штернбергъ наконецъ пріѣхалъ. И какъ внезапно, нечаянно!

Я испугался и долго не вѣрилъ своимъ глазамъ, думалъ, не видѣніе ли? Я же въ то время компоновалъ эскизъ: «Іезекіиль на полѣ, усѣянномъ костями». Это было ночью, часу въ второмъ. Я углубился въ «Іезекіиля» и двери забылъ запереть на ключъ. Вдругъ двери растворяются и является въ шубѣ и теплой шапкѣ человѣческая фигура. Я сначала испугался и самъ не знаю, какъ проговорилъ: «Штернбергъ!»—«Штернбергъ», отвѣчалъ онъ мнѣ, и я, не давъ ему шубу снять, принялся цѣловать его, а онъ отвѣчалъ мнѣ тѣмъ-же. Долго мы молча любовались другъ другомъ, наконецъ онъ вспомнилъ, что ямщикъ у воротъ дожидается, и пошелъ къ ямщику, а я къ дворнику—просить принести вещи въ квартиру. Когда все это было сдѣлано, мы вздохнули свободно. И странно! Мнѣ казалось, что я встрѣтилъ стараго знакомаго, или, лучше сказать, вижу васъ самихъ передъ собою. Пока я распрашивалъ, а онъ разсказывалъ, гдѣ и когда онъ васъ видѣлъ, о чемъ говорили и какъ разстались,—пока все это было, и ночь минула. Мы тогда только разсвѣтъ замѣтили, когда увидѣли упавшую отъ подсвѣчника ярко голубую тѣнь.

— Теперь, я думаю, можно и чаю напиться, сказалъ онъ.

— Я думаю—можно, отвѣчалъ я, и мы пошли въ «Золотой Якорь».

Послѣ чаю уложилъ я его спать, а самъ пошелъ сказать о моей радости Карлу Павловичу, но онъ тоже спалъ. Дѣлать нечего, я вышелъ на набережную и не успѣлъ пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ встрѣтилъ Михайлова, тоже, кажется, всю ночь не спавшаго; онъ шелъ съ какимъ-то господиномъ въ пальто и въ очкахъ.

— Левъ Александровичъ Элькинъ, сказалъ Михайловъ, указывая на господина въ очкахъ.

Я сказалъ свою фамилію, и мы пожали другъ другу руку. Потомъ я сказалъ Михайлову о пріѣздѣ Штернберга, и господинъ въ очкахъ обрадовался, какъ прибытію давно жданнаго друга.

— Гдѣ же онъ? спросилъ Михайловъ.

— У насъ на квартирѣ, отвѣчалъ я.

— Спитъ?

— Спитъ.

— Ну, такъ пойдемъ въ «Капернаумъ», тамъ вѣрно не спятъ, сказалъ Михайловъ.

Господинъ въ очкахъ въ знакъ согласія кивнулъ головою, и они, взявшись подъ руки, пошли, и я въ слѣдъ за ними.

Проходя мимо квартиры Карла Павловича, я замѣтилъ въ окнѣ голову Лукьяна, изъ чего заключилъ, что маэстро уже всталъ. Я простился съ Михайловымъ и Элькиномъ и пошелъ къ нему. Въ корридорѣ я встрѣтилъ его со свѣжею палитрою и чистыми кистями, поздоровался съ нимъ и возвратился назадъ: теперь я не только въ слухъ, и про себя читать былъ не въ состояніи. Походивши немного по набережной, я пошелъ на квартиру. Штернбергъ еще спалъ, я тихонько сѣлъ на стулъ противъ его постели и любовался его дѣтски непорочнымъ лицемъ; потомъ взялъ карандашъ и бумагу и принялся рисовать спящаго вашего, а слѣдовательно и моего друга. Сходство и выраженіе вышло порядочное для эскиза, и только я очертилъ всю фигуру и назначилъ складки одѣяла, какъ Штернбергъ проснулся и поймалъ меня на мѣстѣ преступленія. Я сконфузился, онъ это замѣтилъ и засмѣялся самымъ чистосердечнымъ смѣхомъ.

— Покажите, что вы дѣлали? сказалъ онъ.

Я показалъ; онъ снова засмѣялся и до небесъ расхвалилъ мой рисунокъ.

— Я когда нибудь отплачу вамъ тѣмъ же, сказалъ онъ смѣясь и, вскочивъ съ постели, умылся и, развязавши чемоданъ, началъ одѣваться.

Изъ чемодана изъ-подъ бѣлья вынулъ онъ толстый портфель и, подавая его мнѣ, сказалъ:

— Тутъ все, что я сдѣлалъ прошлымъ лѣтомъ въ Малороссіи, кромѣ нѣсколькихъ картинокъ масляными красками и акварелью. Посмотрите, если время позволяетъ, а мнѣ нужно кое-куда съѣздить.

— До свиданья! сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.—Не знаю, что сегодня въ театрѣ, я ужасно за нимъ соскучился. Пойдемте вмѣстѣ въ театръ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! сказалъ я: только вы зайдите за мною въ натурный классъ.

— Хорошо, зайду, сказалъ онъ уже за дверями.

Если бы не пришелъ за мною Лукьянъ отъ Карла Павловича, мнѣ обѣдъ и на мысль не пришелъ-бы; мнѣ даже досадно было, что

для Лукьяновскаго ростбифа я долженъ былъ оставить портфель Штернберга.

За обѣдомъ я сказалъ Карлу Павловичу о моемъ счастіи, и онъ пожелалъ видѣть Штернберга. Я сказалъ ему, что мы условились съ нимъ быть въ театрѣ. Онъ изъявилъ желаніе сопутствовать намъ, если даютъ что нибудь порядочное. Къ счастью, въ тотъ день на Александрійскомъ театрѣ давали «Заколдованный домъ». Въ концѣ класса Карлъ Павловичъ зашелъ въ классъ, взялъ меня и Штернберга съ собою, усадилъ въ свою коляску, и мы поѣхали смотрѣть Людовика XI. Такъ кончился первый день.

На другой день по утру Штернбергъ взялъ свой толстый портфель, и мы отправились къ Карлу Павловичу. Тотъ былъ въ восторгѣ отъ вашей однообразно-разнообразной, какъ онъ выразился, родины и отъ задумчивыхъ земляковъ вашихъ, такъ прекрасно-вѣрно переданныхъ Штернбергомъ. И какое множество рисунковъ и какъ все прекрасно! На маленькомъ лоскуткѣ сѣренькой оберточной бумаги проведена горизонтально линія; на первомъ планѣ вѣтряная мельница, пара воловъ около телѣги, наваленной мѣшками; все это не нарисовано, а только намекнуто, но какая прелесть! очей не отведешь. Или подъ тѣнью развѣсистой вербы у самаго берега бѣленькая, соломою крытая хатка—вся отразилась въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Подъ хаткою старушка, а на водѣ утки плаваютъ,—вотъ и вся картина, и какая полная, живая картина!

И такихъ картинъ или лучше сказать живо трепещущихъ очерковъ полонъ портфель Штернберга. Чудный, безподобный Штернбергъ! Не даромъ его поцѣловалъ Карлъ Павловичъ.

Невольно вспомнилъ я братьевъ Чернецовыхъ. Они недавно возвратились изъ путешествія по Волгѣ и приносили Карлу Павловичу показать свои рисунки: огромная кипа Ватманской бумаги, по нѣмецки аккуратно перышкомъ исчерченная. Карлъ Павловичъ взглянулъ на нѣсколько рисунковъ и, закрывши портфель, сказалъ (разумѣется не братьямъ Чернецовымъ): «Я здѣсь не только матушки - Волги, и лужи порядочной не надѣюсь увидѣть». А въ одномъ эскизѣ Штернберга онъ видитъ всю Малороссію. Ему такъ понравилась ваша родина и унылыя физіономіи земляковъ вашихъ, что онъ сегодня за обѣдомъ построилъ уже себѣ хуторъ на берегу Днѣпра, близъ Кіева, со всѣми угодьями

въ самой очаровательной декораціи. Одно, чего онъ боится и чего никакъ устранить отъ себя не можетъ,—это помѣщики или, какъ онъ называетъ ихъ, феодалы-собачники.

Онъ совершенное дитя, со всею прелестью дитя! И сегодняшній день мы заключили спектаклемъ. Давали Шиллеровскихъ «Разбойнинковъ». Оперы почти не существуетъ, изрѣдка появится или «Робертъ» или «Финелла». Балетъ или, лучше сказать, Тальони все уничтожила. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ мы живемъ вмѣстѣ съ несравненнымъ Штернбергомъ, и живемъ такъ, какъ дай Богъ, чтобы братья родные жили. Да и какое же онъ доброе, кроткое созданіе! Настоящій художникъ! Ему все улыбается, какъ и онъ всему улыбается. Счастливый, завидный характеръ! Карлъ Павловичъ его очень любитъ. Да и можно ли, знавши, не любить его!

Вотъ какъ мы проводимъ дни и ночи: по утру въ девять часовъ я ухожу въ живописный классъ (я уже дѣлаю этюды масляными красками и прошедшій экзаменъ получилъ третій номеръ), Штернбергъ остается дома и дѣлаетъ изъ своихъ эскизовъ или рисунки акварелью или небольшія картины масляными красками. Въ одиннадцать часовъ я или захожу къ Карлу Павловичу, или прихожу домой, и завтракаемъ съ Штернбергомъ, чѣмъ Богъ послалъ; потомъ я опять ухожу въ классъ и остаюсь тамъ до трехъ часовъ. Въ три часа мы идемъ обѣдать къ мадамъ Юргенсъ, иногда и Карлъ Павловичъ съ нами, потому что я почти каждый день въ это время заставалъ его у Штернберга; онъ часто отказывался отъ роскошнаго аристократическаго обѣда для мизернаго демократическаго супа. Истинно необыкновенный человѣкъ! Послѣ обѣда я отправляюсь въ классы, а къ семи часамъ въ классы приходитъ Штернбергъ, и мы или идемъ въ театръ, или, не много погулявши по набережной, возвращаемся домой, и я читаю что-нибудь вслухъ, а онъ работаетъ, или я работаю, а онъ читаетъ. Недавно мы прочитали «Вудстокъ» Вальтеръ Скотта. Меня чрезвычайно заинтересовала сцена, гдѣ Карлъ II Стюартъ, скрывающійся подъ чужимъ именемъ въ замкѣ стараго баронета Ли, открывается его дочери Юліи Ли, что онъ король Англіи, и предлагаетъ ей при дворѣ

своемъ почетное мѣсто наложницы. Настоящая королевская благодарность за гостепріимство. Я начертилъ эскизъ и показалъ Карлу Павловичу. Онъ похвалилъ мой выборъ и самый эскизъ и велѣлъ изучить Павла-де-ля-Роша.

Штернбергъ недавно познакомилъ меня съ семействомъ Шмидта. Это какой-то дальній его родственникъ, прекрасный человѣкъ, а семейство его—это просто благодать Господня. Мы часто по вечерамъ бываемъ у нихъ, а по воскресеньямъ и обѣдаемъ. Чудное, милое семейство! Я всегда выхожу отъ нихъ какъ будто чище и добрѣе. Я не знаю, какъ и благодарить Штернберга за это знакомство.

Еще познакомилъ онъ меня въ домѣ малороссійскаго аристократа, того самаго, у котораго вы съ нимъ встрѣтились прошедшее лѣто въ Малороссіи. Я рѣдко тамъ бываю, и то собственно для Штернберга: не нравится мнѣ этотъ покровительственный тонъ и подлая лесть его неотесанныхъ гостей, которыхъ онъ кормитъ своими роскошными обѣдами и поитъ малороссійскою сливянкой. Я долго не могъ понять, какъ это Штернбергъ терпитъ подобныя картины. Наконецъ дѣло открылось само собой. Однажды онъ возвратился отъ Тарновскихъ совершенно непохожъ на себя, т. е. сердитый; долго молча ходилъ по комнатѣ, наконецъ легъ въ постель, всталъ и опять легъ, и это повторилъ раза три, наконецъ успокоился и заснулъ. Слышу, во снѣ онъ произноситъ имя одной изъ племянницъ Тарновскаго. Тутъ я началъ догадываться, въ чемъ дѣло. На другой день Виля мой опять отправился къ Тарновскому и возвратился поздно ночью въ слезахъ. Я притворился, будто не замѣчаю этого. Онъ упалъ на диванъ и, закрывъ лицо руками, рыдалъ, какъ ребенокъ! Такъ прошло по крайней мѣрѣ съ часъ; потомъ поднялся онъ съ дивана, подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, поцѣловалъ и горько улыбнулся, сѣлъ около меня и разсказалъ мнѣ исторію любви своей. Исторія самая обыкновенная: онъ влюбился въ старшую племянницу Тарновскаго, та хотя и отвѣчала ему тѣмъ же, но въ дѣлѣ брака предпочла ему какого-то лысаго доктора Бурцева. Самая обыкновенная исторія. Послѣ исповѣди онъ немного успокоился, и я уложилъ его въ постель.

На другой и третій день я его почти не видѣлъ: уйдетъ рано, придетъ поздно, а гдѣ онъ проводитъ дни, Богъ его знаетъ. Пробо-

валъ я съ нимъ заговорить, но онъ едва мнѣ отвѣчаетъ; предлагалъ посѣтить Шмидтовъ, но онъ отрицательно кивнулъ головой. Въ воскресенье по утру предложилъ я ему поѣхать въ оранжерею ботаническаго сада, и онъ, правда, принужденно, но согласился. Оранжерея на него подѣйствовала благодѣтельно. Онъ повеселѣлъ, началъ мечтать о путешествіи въ тѣ волшебные края, гдѣ растутъ эти всѣ удивительныя растенія, какъ у насъ чертополохъ.

Выйдя изъ оранжереи, я предложилъ ему пообѣдать на Крестовскомъ въ нѣмецкомъ трактирѣ; онъ охотно согласился. Послѣ обѣда мы послушали тирольцевъ, посмотрѣли, какъ съ горъ катаются, и поѣхали прямо къ Шмидту. Шмидты въ тотъ день обѣдали у Фицтума, инспектора университета, и вечеръ тамъ остались. Мы туда. Насъ встрѣтили восклицаніемъ: гдѣ мы пропадали! У Фицтума насладились мы квинтетомъ Бетховена и сонатою Моцарта, гдѣ солировалъ знаменитый Бемъ, и часу въ первомъ ночи возвратились на квартиру. Бѣдный Виля опять задумался. Я не утѣшаю его, да и чѣмъ я его могу утѣшить.

На другой день, по порученію Карла Павловича, я пошелъ въ магазинъ Смирдина и между прочими книгами взялъ два номера «Библіотеки для чтенія», гдѣ помѣщенъ «Никласъ Никльби», романъ Диккенса. Я задумалъ устроить литературные вечера у Шмидтовъ и пригласилъ Штернберга. Какъ затѣяно, такъ и сдѣлано. Въ тотъ же день, послѣ вечернихъ классовъ отправились мы къ Шмидтамъ съ книгами подъ мышкой. Выдумка моя была принята съ восторгомъ, и послѣ чаю началось чтеніе. Первый вечеръ читалъ я, второй Штернбергъ, потомъ опять я, потомъ опять онъ, и такъ мы продолжали, пока кончили романъ. Это имѣло прекрасное вліяніе на Штернберга. Послѣ «Никласа Никльби» такимъ же порядкомъ прочитали мы замокъ «Кинельвортъ», потомъ «Пертскую красавицу» и еще нѣсколько романовъ Вальтеръ Скотта. Часто просиживали мы за полночь и не видали, какъ и рождественскіе праздники наступили. Штернбергъ почти пришелъ въ себя, по крайней мѣрѣ работаетъ и меньше грустить; дастъ Богъ, и это пройдетъ. Прощайте, мой отецъ родной! Не обѣщаюсь писать вамъ въ скоромъ времени, потому что праздники наступаютъ, а я уже сдѣлалъ себѣ, по милости Штернберга, кромѣ Шмидтовъ, еще нѣкоторыя знакомства, и знакомства, которыя слѣдуетъ поддерживать. Сдѣлалъ

я себѣ къ празднику новую пару платья и изъ англійской байки пальто, точно такое, какъ у Штернберга, чтобы не даромъ насъ Шмидты называли Касторъ и Поллуксъ; а къ веснѣ думаемъ заказать себѣ камлотовыя шинели. У меня теперь деньги водятся. Я началъ рисовать акварельные портреты, сначала по пріятельски, а потомъ и за деньги. Только Карлу Павловичу еще не показываю: боюсь. Я больше придерживаюсь Соколова; Гау мнѣ не нравится: приторно сладкій. Думаю еще заняться французскимъ языкомъ: это необходимо. Предлагала мнѣ свои услуги одна пожилая вдова съ тѣмъ, чтобы я ее сына училъ рисовать. Взаимное одолженіе, но мнѣ оно не нравится, во первыхъ потому, что далеко ходить (въ Эртелевъ переулокъ), а во вторыхъ возиться два часа съ избалованнымъ мальчуганомъ—это тоже порядочная коммиссія. Лучше же я эти два часа употреблю на акварельный портретъ и заплачу учителю деньги. Я думаю, и вы скажете, что лучше. У Карла Павловича есть Гиббонъ на французскомъ языкѣ, и я не могу смотрѣть на него равнодушно. Не знаю, видѣли ли вы его эскизъ или, лучше сказать, небольшую картину «Посѣщеніе Рима Гензерихомъ»; теперь она у него въ мастерской.—Чудная! какъ и все чудное, что выходитъ изъ подъ его кисти. Если не видали, то я сдѣлаю небольшой рисунокъ и пришлю вамъ. Бахчисарайскій фонтанъ тоже пришлю. Это, кажется, еще при васъ начато.

Ахъ, да! чуть чуть было не забылъ, готовится необыкновенное событіе: Карлъ Павловичъ женится; послѣ праздника свадьба. Невѣста его—дочь рижскаго почетнаго гражданина Тима. Я не видѣлъ ея, но, говорятъ, удивительная красавица. Брата ея я встрѣчаю иногда въ классѣ; онъ ученикъ Заурвейда, черезвычайно красивый юноша. Когда все это совершится, то я опишу вамъ съ самомельчайшими подробностями, а пока еще разъ прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

Вотъ уже два мѣсяца, какъ я не писалъ вамъ. Такое долгое молчаніе непростительно. Но я какъ будто нарочно выжидалъ, пока кончится интересный эпизодъ изъ жизни Карла Павловича. Въ послѣднемъ письмѣ писалъ я вамъ о предполагаемой женитьбѣ, теперь опишу вамъ подробно, какъ это совершилось и какъ разрушилось.

Въ самый день свадьбы Карлъ Павловичъ одѣлся, какъ онъ обыкновенно одѣвается, взялъ шляпу и, проходя черезъ мастерскую, остановился передъ копіей Доминикино, уже оконченной; долго стоялъ онъ молча, потомъ сѣлъ въ кресла (кромѣ его и меня въ мастерской никого не было); молчаніе длилось еще нѣсколько минутъ, потомъ онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Цампіери какъ будто говоритъ мнѣ: не женись—погибнешь!

Я не нашелся, что ему сказать, а онъ взялъ шляпу и пошелъ къ своей невѣстѣ и во весь этотъ день не возвращался къ себѣ на квартиру. Приготовленій къ празднику не было совершенно никакихъ, даже ростбифа Лукьянъ не жарилъ въ этотъ день, словомъ ничего похожаго не было на праздникъ. Въ классѣ я узналъ, что будетъ онъ вѣнчаться въ восемь часовъ вечера въ лютеранской церкви св. Анны, что въ Кирочной. Послѣ класса взяли мы съ Штернбергомъ извощика и отправились въ Кирочную. Церковь уже была освѣщена и Карлъ Павловичъ съ Заурвейдомъ и братомъ невѣсты былъ въ церкви. Увидя насъ, онъ подошелъ, подалъ намъ руку и сказалъ: женюсь.

Въ это самое время вошла въ церковь невѣста, и онъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Я въ жизнь мою не видалъ да и не увижу такой красавицы. Въ продолженіи обряда Карлъ Павловичъ стоялъ, глубоко задумавшись; онъ ни разу не взглянулъ на свою прекрасную невѣсту. Обрядъ кончился, мы поздравили счастливыхъ супруговъ, проводили ихъ до кареты и по дорогѣ заѣхали къ Клею, поужинали и за здоровье молодыхъ выпили бутылку Клико. Все это происходило 8 генваря 1833 года. И у Карла Павловича свадьба кончилась бутылкой Клико; ни въ тотъ, ни въ послѣдующіе дни не было никакого праздника.

Черезъ недѣлю послѣ этого событія встрѣтился я съ нимъ въ корридорѣ какъ разъ противъ квартиры графа Толстого, и онъ зазвалъ меня къ себѣ и оставилъ обѣдать. Въ ожиданіи обѣда онъ что-то чертилъ въ своемъ альбомѣ, а меня заставилъ читать Квентинъ Дорварда. Только что я началъ читать, какъ онъ остановилъ меня и довольно громко крикнулъ: Эмилія!

Черезъ минуту вошла ослѣпительная красавица, жена его. Я неловко поклонился ей, а онъ сказалъ:

— Эмилія, на чемъ мы остановились? или нѣтъ, садись, ты сама читай. А вы послушайте, какъ она мастерски читаетъ по-русски.

Она сначала не хотѣла читать, но потомъ раскрыла книгу, прочитала нѣсколько фразъ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ, захохотала, бросила книгу и убѣжала. Онъ позвалъ ее опять и съ нѣжностью влюбленнаго просилъ ее сѣсть за фортепіано и спѣть знаменитую каватину изъ «Нормы». Безъ малѣйшаго жеманства она сѣла за инструментъ и послѣ нѣсколькихъ прелюдій запѣла. Голосъ у нея не сильный, не эффектный, но такой сладкій, чарующій, что я слушалъ и самъ себѣ не вѣрилъ, что я слушалъ пѣніе существа смертнаго, земного, а не какой нибудь воздушной феи. Или это магическое вліяніе красоты, или она дѣйствительно хорошо пѣла, теперь я вамъ не могу сказать основательно, только я и теперь какъ будто слышу ея волшебный голосъ. Карлъ Павловичъ тоже былъ очарованъ ея пѣніемъ, потому что сидѣлъ онъ, сложа руки надъ своимъ альбомомъ и не слышалъ, какъ вошелъ Лукьянъ и два раза повторилъ: кушанье подано.

Послѣ обѣда на тотъ-же столъ подалъ Лукьянъ фрукты и бутылку Лякрима-Кристи. Пробило пять часовъ, и я оставилъ ихъ за столомъ и ушелъ въ классъ. На прощанье Карлъ Павловичъ подалъ мнѣ руку и просилъ приходить къ нимъ каждый день къ обѣду. Я былъ въ восторгѣ отъ такого приглашенія.

Послѣ классовъ встрѣтилъ я ихъ на Набережной и присоединился къ нимъ. Вскорѣ они пошли домой и меня пригласили къ себѣ. За чаемъ Карлъ Павловичъ прочиталъ «Анжело» Пушкина и разсказалъ, какъ покойный Александръ Сергѣевичъ просилъ его написать съ его жены портретъ и какъ онъ безцеремонно отказалъ ему, потому что жена его косая. Онъ предлагалъ Пушкину съ самого его написать портретъ, но Пушкинъ отплатилъ ему тѣмъ же. Вскорѣ послѣ этого поэтъ умеръ и оставилъ насъ безъ портрета. Кипренскій изобразилъ его какимъ-то денди, а не поэтомъ.

Послѣ чаю молодая очаровательная хозяйка выучила насъ въ «гальбе-цвельфъ» и проиграла мнѣ двугривенный, а мужу каватину изъ «Нормы», и сейчасъ-же сѣла за фортепіано и расплатилась. Послѣ такого великолѣпнаго финала я поблагодарилъ очаровательную хозяйку и хозяина и отправился домой; это уже было далеко за полночь. Штернбергъ еще не спалъ и дожидался меня. Я, не

снимая шляпы, разсказалъ ему свои похожденія, и онъ назвалъ меня счастливцемъ.

— Позавидуйте и мнѣ, сказалъ онъ: меня приглашаетъ генералъ-губернаторъ оренбургскаго края къ себѣ въ Оренбургъ на лѣто; я былъ сегодня у Владиміра Ивановича Даля, и мы условились уже на счетъ поѣздки. На будущей недѣлѣ прощай!

Меня это извѣстіе ошеломило; я долго говорить не могъ и, придя въ себя, спросилъ его.

— Когда же это ты такъ скоро успѣлъ все обдѣлать?

— Сегодня, отвѣчалъ онъ, часу въ десятомъ присылаетъ за мною Григоровичъ; я явился. Онъ предлагаетъ мнѣ это путешествіе, я соглашаюсь, отправляюсь къ Далю, и дѣло кончено.

— Что же я буду безъ тебя дѣлать? какъ же я буду жить безъ тебя? спросилъ я его сквозь слезы.

— Такъ, какъ и я безъ тебя: будемъ учиться, работать и одиночества не замѣтимъ.—Вотъ что, прибавилъ онъ, завтра мы обѣдаемъ у Іоахима. Онъ тебя знаетъ и просилъ меня привести тебя къ себѣ. Согласенъ?

Я отвѣчалъ: согласенъ, и мы легли спать.

На другой день мы обѣдали у Іоахима. Это сынъ извѣстнаго каретника Іоахима, веселый, простой и прекрасно образованный нѣмецъ. Послѣ обѣда показывалъ онъ намъ свое собраніе эстамповъ и между прочимъ нѣсколько тетрадей только что полученныхъ превосходнѣйшихъ литографій Дрезденской галлереи. Такъ какъ это было въ субботу, то мы и вечеръ провели у него. За чаемъ какъ-то рѣчь зашла о любви и о влюбленныхъ. Бѣдный Штернбергъ, какъ на иголкахъ, сидѣлъ. Я старался перемѣнить разговоръ, но Іоахимъ какъ нарочно раздувалъ его и въ заключеніе про самого себя разсказалъ слѣдующій анекдотъ.

Когда я былъ влюбленъ въ мою Адельгейду, а она въ меня нѣтъ, то я рѣшился на самоубійство. Я рѣшился умертвить себя угаромъ: приготовилъ все, что слѣдуетъ, какъ то: написалъ записки нѣсколькимъ друзьямъ и между прочимъ ей (и онъ указалъ на жену), досталъ бутылку рому и велѣлъ принести жаровню съ холоднымъ угольемъ, лучины и свѣчу. Когда все было готово, я заперъ на ключъ двери, налилъ стаканъ рому, выпилъ, и мнѣ началъ грезиться «Пиръ Валтасара» Мартенса. Я повторилъ дозу, и мнѣ уже

ничего не грезилось. Увѣдомленные о моей преждевременной и трагической смерти, друзья сбѣжались, выломили двери и нашли меня мертвецки пьянаго. Дѣло въ томъ, что я забылъ уголья зажечь, а то бы непремѣнно умеръ. Послѣ этого происшествія и она сдѣлалась ко мнѣ благосклоннѣе и наконецъ рѣшилась сдѣлать меня своимъ мужемъ.

Разсказъ свой заключилъ онъ добрымъ стаканомъ пунша.

Іоахимъ мнѣ чрезвычайно понравился своей манерой, и я вмѣнилъ себѣ въ обязанность навѣщать его, какъ можно чаще.

Воскресенье мы провели у Шмидта. Въ одинадцать часовъ возвратились на квартиру и уже раздѣваться начали; вдругъ Штернбергу понадобился носовой платокъ, онъ сунулъ руку въ карманъ и вмѣсто платка вынулъ афишу.

— Я и забылъ, сегодня въ Большомъ театрѣ маскарадъ, сказалъ онъ, развертывая афишу; поѣдемъ!

— Пожалуй, поѣдемъ: спать рано, сказалъ я, и мы, надѣвши вмѣсто сюртуковъ фраки, поѣхали сначала къ Полицейскому мосту въ магазинъ костюмовъ, взяли капуцины и черныя полумаски и отправились въ Большой театръ. Сіяющій залъ быстро наполнялся замаскированной публикой, музыка гремѣла, и въ шумѣ общаго говора визжали маленькіе капуцины. Скоро сдѣлалось жарко и маска мнѣ страшно надоѣла; я снялъ ее, Штернбергъ тоже; можетъ быть, инымъ показалось это страннымъ, да намъ-то какое дѣло.

Мы пошли въ верхнія боковыя залы вздохнуть отъ тѣсноты и жару. Ни одна маска, хоть бы на смѣхъ, не преслѣдовала насъ. Только на лѣстницѣ встрѣтилъ насъ Элькинъ, тотъ самый господинъ въ очкахъ, что встрѣтился мнѣ однажды съ Михайловымъ. Онъ меня узналъ, Штернберга тоже и, хохоча во все горло, заключилъ насъ въ свои объятія: въ это время подошелъ къ нему молодой мичманъ, и онъ отрекомендовалъ намъ, называя его своимъ искреннимъ другомъ Сашею Оболонскимъ. Былъ уже третій часъ, когда мы поднялись на верхъ. Въ одной изъ боковыхъ залъ накрытый столъ и жующая публика возбудили во мнѣ аппетитъ. Я это сообщилъ Штернбергу шопотомъ, а онъ вслухъ изъявилъ согласіе. Но Элькинъ и Оболонскій противъ этого протестовали и предложили ѣхать къ неизмѣнному Клею и поужинать, какъ слѣдуетъ.

— А то, прибавилъ Элькинъ, здѣсь не накормятъ, а возьмутъ вдесятеро.

Мы единодушно изъявили согласіе и отправились къ Клею.

Молодой мичманъ понравился мнѣ своею разбитною манерою. До сихъ поръ встрѣчался я только съ своими скромными товарищами, а свѣтскаго юношу еще въ первый разъ видѣлъ вблизи. Каламбурами и остротами такъ и сыплетъ, а водевильныхъ куплетовъ безъ счету, просто прелесть юноша.

Мы просидѣли у Клея до разсвѣта, и какъ удалой мичманъ былъ не много подгулявши, то мы взяли его къ себѣ на квартиру, а съ Элькинымъ разстались въ трактирѣ.

Вотъ какъ я нынче живу: по маскарадамъ шляюсь, въ трактирахъ ужинаю, деньги, какъ попало, трачу, а давно ли, давно ли сіяло надъ Невой то незабвенное утро, въ которое вы нашли меня въ лѣтнемъ саду передъ статуей Сатурна. Незабвенное утро! незабвенный мой благодѣтель! Чѣмъ и какъ я достойно возблагодарю васъ? Кромѣ чистой сердечной слезы-молитвы, я ничего не имѣю.

Въ девять часовъ я по обыкновенію пошелъ въ классъ, а Штернбергъ съ гостемъ остался дома; гость еще спалъ. Въ одинадцать часовъ зашелъ я къ Карлу Павловичу и получилъ милѣйшій выговоръ отъ милѣйшей Эмиліи Карловны. До второго часу играли мы въ «гальбе-цвельфъ». Они хотѣли, чтобы я до обѣда оставался съ ними; и я уже началъ было соглашаться, но Карлъ Павловичъ замѣтилъ мнѣ, что манкировать не должно, и я, сконфуженный по уши, пошелъ въ классъ. Въ три часа я опять явился, а въ пять часовъ оставилъ ихъ за столомъ и опять ушелъ въ классъ.

Такъ проводилъ я всѣ дни у нихъ, какъ вышеописанный, кромѣ субботы и воскресенья. Суббота была посвящена Іоахиму, а воскресенье Шмидту и Фицтуму. Вы замѣчаете, что всѣ мои знакомые—нѣмцы, но какіе прекрасные нѣмцы! Я просто влюбленъ въ этихъ нѣмцевъ. Штернбергъ въ продолженіи недѣли хлопоталъ о своемъ путешествіи и вѣрно что нибудь забылъ: это въ его натурѣ. Въ субботу мы отправились къ Іоахиму, встрѣтили тамъ старика Кольмана, извѣстнаго акварелиста и учителя Іоахима.

Послѣ обѣда Кольманъ заставилъ ученика своего показать намъ свои этюды съ деревьевъ, на что ученикъ неохотно согласился. Этюды сдѣланы чернымъ и бѣлымъ карандашомъ на сѣрой бумагѣ

и сдѣланы такъ превосходно, такъ отчетливо, что я не могъ налюбоваться ими. За одинъ изъ этюдовъ онъ получилъ вторую серебряную медаль, и добрый Кольманъ хвалилъ этотъ рисунокъ до небесъ, какъ торжество ученика своего, и всѣмъ святымъ божился, что онъ самъ не нарисуетъ такъ прекрасно. Такъ какъ Штернбергу оставалось только дня два, не болѣе, провести съ нами, то Іоахимъ и спросилъ у него, какъ онъ намѣренъ распорядиться этими днями. Штернбергъ, кажется, объ этомъ и не подумалъ. Іоахимъ предложилъ вотъ что: завтра, т. е. въ воскресенье, посѣтить галлереи Строгонова и Юсупова, а въ понедѣльникъ Эрмитажъ. Проэктъ былъ принятъ, и на другой день заѣхали мы къ Іоахиму и отправились въ галлерею Юсупова. Доложили князю, что такіе-то художники просятъ позволенія посмотрѣть его галлерею; на это вѣжливый хозяинъ велѣлъ сказать намъ, что сегодня воскресенье и прекрасная погода, а потому и совѣтуетъ онъ намъ, вмѣсто изящныхъ произведеній, насладиться лучше великолѣпной погодой. Намъ, разумѣется, осталось поблагодарить хозяина за обязательный совѣтъ, и больше ничего. Чтобы не выслушать подобнаго совѣта и у Строгонова, мы отправились въ Эрмитажъ и часа три наслаждались, какъ истинные поклонники прекраснаго искусства. Обѣдали у Іоахима, а вечеръ провели въ театрѣ.

Въ понедѣльникъ по утру Штернбергъ получилъ записку отъ Даля. Владиміръ Ивановичъ писалъ ему, чтобы онъ въ три часа былъ готовъ къ выѣзду. Штернбергъ поѣхалъ проститься съ своими друзьями, а я принялся укладывать его вещи въ чемоданъ. Къ тремъ часамъ мы уже были у Даля, а въ четыре мы поцѣловались съ Штернбергомъ у средней рогатки, и я одинъ возвратился въ Петербургъ чуть-чуть не въ слезахъ. Думалъ было заѣхать къ Іоахиму, но мнѣ хотѣлось уединенія и въ тоже время не хотѣлось ѣхать къ себѣ на квартиру: я боялся пустоты, которая меня поразитъ дома. Отпустивши извощика у заставы, я пошелъ пѣшкомъ. Пространство, пройденное мною, не утомило меня, какъ я этого ожидалъ, и я долго еще ходилъ по набережной противъ академіи. Въ квартирѣ Карла Павловича свѣтился огонь. Вскорѣ огонь погасъ, и черезъ минуту вышелъ онъ съ женою на набережную. Я, чтобы не встрѣтиться съ ними, ушелъ къ себѣ и, не зажегши огня, раздѣлся и легъ въ постель.

Я теперь почти не бываю дома: скука и пустота безъ Штернберга. Михайловъ опять поселился со мною и по прежнему не сидитъ дома. Онъ тоже гдѣ-то познакомился съ мичманомъ Оболонскимъ, вѣроятно у Элькина. Оболонскій часто приходитъ ночью, и если Михайлова нѣтъ дома, то онъ ложится спать на его постели. Юноша этотъ мнѣ начинаетъ менѣе нравиться, чѣмъ прежде: или онъ дѣйствительно однообразенъ, или это мнѣ такъ кажется, потому что я самъ теперь на себя не похожъ. И въ самомъ дѣлѣ, классы посѣщаю я по прежнему исправно, но работаю вяло, что и Карлъ Павловичъ замѣтилъ; мнѣ это досадно, и я не знаю, какъ исправиться.

Эмилія Карловна со мною по прежнему любезна и по прежнему играетъ со мною въ гальбе-цвельфъ.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Штернберга Карлъ Павловичъ велѣлъ мнѣ приготовить карандаши и бумагу. Онъ хочетъ нарисовать 12 головокъ съ жены своей въ разныхъ поворотахъ для предполагаемой картины изъ баллады Жуковскаго «12 спящихъ дѣвъ». Бумага и карандаши однакожъ лежатъ безъ всякаго употребленія.

Это было въ концѣ февраля, я по обыкновенію обѣдалъ у нихъ. Въ этотъ роковой день жена Карла Павловича показалась мнѣ особенно очаровательною; за обѣдомъ она потчивала меня виномъ й была такъ любезна, что когда пробило пять часовъ, то я готовъ былъ забыть про классъ; однако-жъ она сама мнѣ про него напомнила. Дѣлать было нечего, я всталъ изъ-за стола и ушелъ не прощаясь, обѣщая зайти изъ класса и непремѣнно обыграть ее въ гальбе-цвельфъ.

Классы кончились; захожу я по обѣщанію къ нимъ. Меня въ дверяхъ встрѣчаетъ Лукьянъ и говоритъ, что баринъ никого принимать не приказали. Я не мало удивился такому превращенію и пошелъ къ себѣ на квартиру. Противъ обыкновенія засталъ я дома Михайлова и удалого мичмана. Вечеръ пролетѣлъ у насъ въ веселой болтовнѣ. Часу въ двѣнадцатомъ они пошли ужинать, а я легъ спать.

На другой день по утру изъ класса захожу я къ Карлу Павловичу, вхожу въ мастерскую, и онъ встрѣчаетъ меня весело такими словами:

— Поздравьте меня, я холостой человѣкъ!

Сначала я его не понялъ, онъ повторилъ мнѣ тоже еще разъ. Я еще не вѣрилъ, и онъ прибавилъ совсѣмъ не весело:

— Жена моя вчера послѣ обѣда ушла къ Заурвейдовой и не возвращалась.

Карлъ Павловичъ велѣлъ потомъ Лукьяну сказать Липину, чтобы тотъ подалъ ему палитру и кисти. Черезъ минуту все было подано, и онъ засѣлъ за работу. На станкѣ стоялъ неоконченный портретъ графа Мусина-Пушкина. Карлъ Павловичъ принялся за него. Какъ ни старался онъ казаться равнодушнымъ,—работа ему сильно измѣняла. Наконецъ онъ бросилъ палитру и кисти и проговорилъ какъ-бы про себя:

— Неужли это меня такъ тревожитъ? работать не могу.

И онъ ушелъ къ себѣ на верхъ.

Во второмъ часу я ушелъ въ классъ, все еще не совсѣмъ увѣренный въ случившемся. Въ три часа я вышелъ изъ класса и не зналъ, что дѣлать: идти ли мнѣ къ нему, или оставить его въ покоѣ. Лукьянъ встрѣтилъ меня въ корридорѣ и разрѣшилъ мое недоразумѣніе, сказавши:«баринъ просятъ обѣдать».—Обѣдалъ однакожъ я одинъ. Карлъ Павловичъ ни до чего не дотронулся, даже за столъ не садился, жаловался на головную боль, а самъ курилъ сигару. На другой день онъ слегъ въ постель и пролежалъ двѣ недѣли; въ это время я не отходилъ отъ него. Въ немъ по временамъ показывался горячечный бредъ, но онъ ни разу не произнесъ имя жены своей. Наконецъ онъ началъ поправляться и въ одинъ вечеръ пригласилъ брата своего Александра и просилъ его рекомендовать ему адвоката, чтобы хлопотать о формальной разводной. Теперь онъ уже выходитъ и заказалъ Довиціели большой холстъ: думаетъ начать картину «Взятіе на небо Божіей Матери» для Казанскаго собора, а въ ожиданіи холста и лѣта началъ портретъ во весь ростъ князя Александра Николаевича Голицына и Ѳедора Ивановича Прянишникова. Старикъ будетъ изображенъ въ сидячемъ положеніи, въ Андреевской лентѣ и въ сѣромъ фракѣ.

Не пишу вамъ о слухахъ, какіе ходятъ о Карлѣ Павловичѣ въ городѣ и въ самой академіи. Слухи самые нелѣпые и возмутительные, и повторять ихъ грѣшно. Въ академіи общій голосъ называетъ авторомъ этихъ вѣстей Заурвейда, и я имѣю основаніе этому вѣрить. Пускай все это немного постарѣетъ, и тогда я вамъ

сообщу мои подозрѣнія, а пока скопятся и выработаются матеріалы. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель!

P. S. Отъ Штернберга изъ Москвы получилъ я письмо. Добрый Виля! онъ и васъ не забываетъ, кланяется вамъ и проситъ, если случится вамъ встрѣтить въ Малороссіи племянницу Тарновскаго, госпожу Бурцеву, то засвидѣтельствуйте ей отъ него глубочайшее почтеніе. Бѣдный Виля! онъ все еще помнитъ ее.

Слѣдующее за этимъ письмо я не помѣщаю потому, что оно, кромѣ нелѣпыхъ сплетень и самой гнусной клеветы, адресованной на имя Карла Великаго, ничего въ себѣ не заключаетъ; а такія вещи не должны имѣть мѣста въ сказаніи о благороднѣйшемъ изъ людей. Несчастное его супружество кончилось полюбовной сдѣлкой, т. е. разводомъ, за который онъ заплатилъ ей 13,000 рублей ассигнаціями. Вотъ и весь интересъ письма.

Петербургскаго сѣренькаго лѣта какъ не бывало. На дворѣ сырая, гнилая осень, а въ академіи нашей блистательная выставка. Что бы вамъ пріѣхать взглянуть на нее, и я бы на васъ полюбовался. По части живописи изъ ученическихъ работъ особенно замѣчательнаго ничего нѣтъ, кромѣ программы Петровскаго «Явленіе ангела пастухамъ». За то скульпторы отличились: Рамазановъ и Ставасеръ, особенно Ставасеръ. Онъ исполнилъ круглую статую молодого рыбака и какъ исполнилъ! просто прелесть, особенно выраженіе лица: затаивши дыханіе, живое лицо слѣдитъ за движеніемъ поплавка. Я помню, когда статуя была еще въ глинѣ, Карлъ Павловичъ нечаянно зашелъ въ кабинетъ Ставасера и, любуясь его статуею, посовѣтовалъ ему вдавить немного нижнюю губу рыбака. Онъ это сдѣлалъ и выраженіе измѣнилось. Ставасеръ готовъ былъ молиться на великаго Брюлова.

О живописи вообще скажу вамъ, что для одной картины Карла Павловича стоило пріѣхать изъ Китая, а не только изъ Малороссіи. Чудо богатырь: за одинъ присѣстъ и подмалевалъ, и кончилъ, и теперь угощаетъ алчную публику своимъ дивнымъ произведеніемъ. Велика его слава и необъятенъ его геній!

Что мнѣ вамъ про самого себя сказать? Получилъ первую серебрянную медаль за этюдъ съ натуры. Еще написалъ небольшую картинку маслянными красками: «Сиротка мальчикъ дѣлится милостыней съ собакою подъ заборомъ», вотъ и все. Въ продолженіи лѣта постоянно занимался въ классахъ и рано по утрамъ ходилъ съ Іоахимомъ на Смоленское кладбище лопухи и деревья рисовать. Я болѣе и болѣе влюбляюсь въ Іоахима. Мы съ нимъ почти каждый день видимся; онъ постоянно посѣщаетъ вечерніе классы.

Хорошо сошелся съ Карломъ Павловичемъ, и часто бываютъ другъ у друга. Иногда мы позволяемъ себѣ прогулки на Петровскій и Крестовскій острова съ цѣлью нарисовать черную ель или бѣлую березу. Раза два ходили пѣшкомъ въ Парголово, и тамъ познакомилъ я его со Шмидтами. Они лѣтомъ живутъ въ Парголовѣ. Іоахимъ чрезвычайно доволенъ этимъ знакомствомъ; да кто не будетъ доволенъ семействомъ Шмидта!

Раскажу вамъ еще одно презабавное происшествіе, недавно со мною случившееся. Въ одномъ этажѣ со мною поселился недавно какой-то чиновникъ съ семействомъ. Семейство его: жена, двое дѣтей и племянница, прекрасная дѣвушка, лѣтъ пятнадцати. Какимъ родомъ я узналъ всѣ эти подробности, я вамъ сейчасъ разскажу. Вы помните хорошо вашу бывшую квартиру: изъ крошечной прихожей дверь отворяется въ общій корридоръ. Однажды я отворяю эту дверь и, представьте мое изумленіе, предо мною стоитъ прекрасная дѣвушка, сконфуженная и покраснѣвшая до ушей. Я не зналъ, что сказать ей, и съ минуту помолчавши, поклонился, а она, закрывъ лице руками, убѣжала и скрылась въ сосѣдней двери. Я не могъ понять, чтобы это значило, и послѣ долгихъ догадокъ и предположеній пошелъ въ классъ. Работалъ я плохо: все мнѣ мѣшала загадочная дѣвушка. На другой день она встрѣтила меня на лѣстницѣ и вспыхнула, какъ и прежде, я тоже остолбенѣлъ; черезъ минуту она захохотала такъ дѣтски, такъ чистосердечно, что я не утерпѣлъ и началъ ей вторить. Чьи-то шаги послышались на лѣстницѣ и уняли нашъ смѣхъ. Она приложила палецъ къ губамъ и убѣжала. Я тихо поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ свою квартиру, еще болѣе озадаченный, чѣмъ въ первый разъ .Она мнѣ нѣсколько дней покою не давала; я поминутно выходилъ въ корридоръ въ надеждѣ встрѣтить знакомую незнакомку, но

она если и выбѣгала въ корридоръ, то такъ быстро пряталась, что я не успѣвалъ даже кивнуть ей головой, а не то чтобы порядочно поклониться. Въ такомъ положеніи прошла цѣлая недѣля. Я уже началъ было ее забывать. Только слушайте, что случилось. Въ воскресенье, въ десятомъ часу утра, входитъ ко мнѣ Іоахимъ, и угадайте, кого онъ ввелъ за собою? Мою таинственную раскраснѣвшуюся красавицу.

— Я у васъ поймалъ вора, говорилъ онъ, смѣясь.

При взглядѣ на загадочную шалунью я самъ сконфузился ни какъ не меньше пойманнаго вора; Іоахимъ это замѣтилъ и, выпуская руку красавицы, лукаво улыбнулся. Освобожденная красавица не исчезла, какъ можно было предполагать, а осталась тутъ же и поправивши косыночку и косу, осмотрѣлась и проговорила:

— А я думала, что вы какъ разъ противъ дверей сидите и рисуете, а вы вонъ гдѣ, въ другой комнатѣ.

— А если бы противъ дверей онъ рисовалъ, тогда бы что? сказалъ Іоахимъ.

— Тогда бы я смотрѣла въ дырочку, какъ они рисуютъ.

— Зачѣмъ въ дырочку? Я увѣренъ, что товарищъ мой настолько вѣжливъ, что позволитъ оставаться въ комнатѣ во время работы.

И я въ подтвержденіе словъ Іоахима кивнулъ головою и предложилъ стулъ гостьѣ. Она, не обративъ вниманія на мою вѣжливость, повернулась къ стоявшему на станкѣ, недавно мною начатому портрету госпожи Соловой, и только что начала приходить въ восторгъ отъ нарисованной красавицы, какъ послышался рѣзкій голосъ въ корридорѣ:

— Гдѣ же это она пропала! Паша!!

Гостья моя вздрогнула и поблѣднѣла.

— Тетенька, прошептала она и бросилась къ дверямъ; у дверей остановилась и, приложивши пальчикъ къ губамъ, съ минуту постояла и скрылась.

Посмѣявшись этому оригинальному приключенію, отправились мы съ Іоахимомъ къ Карлу Павловичу.

Приключеніе это само по себѣ ничтожно, но меня оно какъ будто-бы безпокоитъ; оно у меня изъ головы не выходитъ, я объ немъ постоянно думаю. Іоахимъ иногда подтруниваетъ надъ моей

задумчивостью, и мнѣ это не нравится, даже досадно, зачѣмъ онъ случился при этомъ приключеніи.

Сегодня я получилъ письмо отъ Штернберга. Онъ собирается въ какой-то походъ на Хиву и пишетъ, чтобы не ждать его къ праздникамъ, какъ онъ прежде писалъ, въ Петербургъ. Мнѣ скучно безъ него: онъ для меня ничѣмъ не замѣнимый. Михайловъ уѣхалъ къ своему мичману въ Кронштадтъ, и я уже болѣе двухъ недѣль его не вижу. Прекрасный художникъ, благороднѣйшій человѣкъ и, увы, самый безолаберный! На время его отсутствія я пригласилъ къ себѣ, по рекомендаціи Фицтума, студента Демскаго. Скромный и прекрасно образованный и въ добавокъ бѣдный молодой полякъ. Онъ цѣлый день проводитъ въ аудиторіи, а по вечерамъ занимается со мною французскимъ языкомъ и читаетъ Гиббона. Два раза въ недѣлю по вечерамъ я хожу въ зало вольнаго экономическаго общества слушать лекціи физики профессора... Хожу еще разъ въ недѣлю, вмѣстѣ съ Демскимъ, слушать лекціи зоологіи профессора Куторги. У меня, какъ вы сами видите, даромъ время не проходитъ; скучать совершенно некогда, а я все таки скучаю: мнѣ чего-то не достаетъ, а чего, я и самъ не знаю. Карлъ Павловичъ теперь ничего не дѣлаетъ и почти дома не живетъ. Я съ нимъ вижусь весьма рѣдко и то на улицѣ. Прощайте, мой незабвенный, мой благодѣтель! Не обѣщаюсь вамъ писать вскорѣ: время у меня проходитъ скучно, монотонно, писать не о чемъ, а я не хотѣлъ-бы, чтобы вы дремали надъ моими однообразными письмами такъ, какъ я дремлю надъ этимъ посланіемъ. Еще разъ прощайте!

Я обманулъ васъ: не обѣщалъ вамъ писать вскорѣ, и вотъ не прошло еще и мѣсяца послѣ послѣдняго моего посланія, а я опять принимаюсь за посланіе. Событіе поторопило, оно-то обмануло васъ, а не я. Штернбергъ заболѣлъ въ хивинскомъ походѣ; умный добрый Даль посовѣтовалъ ему оставить военный лагерь и возвратиться во свояси, и онъ совершенно неожиданно явился предо мною 16 декабря ночью. Если-бы я былъ одинъ въ комнатѣ, то я принялъ-бы его за видѣніе и, разумѣется, испугался-бы, но мы были съ Демскимъ и переводили самую веселую главу изъ «Брата Якова» Поль-де-Кока, слѣдовательно явленіе Штернберга мнѣ пока-

залось почти естественнымъ явленіемъ, хотя удивленіе и радость мои отъ этого нисколько не уменьшились. Послѣ первыхъ объятій и лобзаній отрекомендовалъ я ему Демскаго, и, какъ еще было только десять часовъ, то мы отправились въ «Берлинъ» напиться чаю. Ночь, разумѣется, прошла въ разспросахъ и разсказахъ. На разсвѣтѣ Штернбергъ изнемогъ и заснулъ, а я, дождавшись утра, принялся за его портфель, такой-же полный, какъ и тотъ, что прошлаго года онъ привезъ изъ Малороссіи. Но здѣсь уже не та природа, не тѣ люди; хотя все такъ же прекрасно и выразительно, но совершенно все другое, кромѣ меланхоліи; впрочемъ это, можетъ быть, отраженіе задумчивой души художника. Во всѣхъ портретахъ Ванъ Дейка господствующая черта умъ и благородство, и это объясняется тѣмъ, что Ванъ Дейкъ самъ былъ благороднѣйшій умница. Такъ и я толкую себѣ общую экспрессію прекрасныхъ рисунковъ Штернберга. О, если-бъ вы знали, какъ весело, какъ невыразимо быстро и весело мелькаютъ для меня дни и ночи. Такъ весело, такъ быстро, что я не успѣваю выучивать миньятюрнаго урока Демскаго, за что и грозитъ онъ вовсе отъ меня отказаться. Но Боже сохрани, я себя до этого не доведу. Знакомства наши не уменьшились, не увеличились, все тѣ-же, но всѣ они такъ расцвѣли, такъ повеселѣли, что мнѣ просто не сидится дома. Хотя, правду вамъ сказать, у меня дома тоже не безъ прелести, не безъ очарованія. Я говорю о сосѣдкѣ, о той самой воровкѣ, что у дверей поймалъ Іоахимъ. Что это за милое, невинное созданіе! Настоящій ребенокъ, и самый прекрасный, неиспорченный ребенокъ! Она ко мнѣ каждый день нѣсколько разъ забѣжитъ, попрыгаетъ, полепечетъ и выпорхнетъ, какъ птичка. Проситъ меня иногда рисовать ея портретъ, но никакъ болѣе 5 минутъ не высидитъ, просто ртуть! Не давно понадобилась мнѣ женская рука для дамскаго портрета, я попросилъ ее подержать руку; она, какъ добрая, и согласилась, и что-жъ вы думаете, секунды не подержитъ спокойно—настоящій ребенокъ! Такъ я бился, бился и наконецъ долженъ былъ пригласить модель для руки. Что-жъ вы думаете? Только что я усадилъ модель и взялъ палитру въ руки, вбѣгаетъ въ комнату сосѣдка, какъ всегда рѣзвая, смѣющаяся, и только увидѣла натурщицу, вдругъ окаменѣла, потомъ зарыдала и, какъ тигренокъ, бросилась на нее. Я не зналъ, что и дѣлать; по счастью случилась у меня

малиновая бархатная мантилья той самой дамы, съ которой я портретъ писалъ; я взялъ мантилью и накинулъ ей на плечи. Она опомнилась, подошла къ зеркалу, полюбовалась на себя съ минуту, потомъ бросила на полъ мантилью, плюнула на нее и выбѣжала изъ комнаты! Я отпустилъ модель, и рука по прежнему осталась неоконченною.

Три дня послѣ этого происшествія не показывалась сосѣдка въ моей квартирѣ; если встрѣчалась со мной въ корридорѣ, то закрывала лице руками и убѣгала въ противоположную сторону. На четвертый день только что я пришелъ изъ класса домой и началъ приготовлять палитру какъ входитъ сосѣдка, скромная, тихая, я просто не узналъ ея. Молча обнажила она по локоть руку, сѣла на стулѣ и приняла позицію изображаемой дамы. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, взялъ палитру, кисти и принялся за работу. Черезъ часъ рука была готова. Я разсыпался въ благодарности за такую милую услугу, но она хоть бы улыбнулась, встала, опустила рукавъ и молча вышла изъ комнаты. Меня это, признаюсь вамъ, задѣло за живое, и я теперь ломаю голову, какъ возстановить мнѣ прежнюю гармонію. Такъ прошло еще нѣсколько дней, гармонія начала видимо возстановляться. Она уже не бѣгала отъ меня въ корридорѣ, а иногда даже улыбалась. Я уже начиналъ надѣяться, что вотъ - вотъ дверь растворится и влетитъ моя птичка краснoперая. Дверь однако-жъ не растворялась, и птичка не показывалась. Я начиналъ безпокоиться и придумывать силокъ для коварной птички. И когда разсѣянность моя стала дѣлаться несносною не только мнѣ самому, но и добрѣйшему Демскому, въ это самое время, какъ ангелъ съ неба, является ко мнѣ Штернбергъ изъ Киргизской степи.

Теперь я живу совершенно съ однимъ Штернбергомъ и для одного Штернберга, такъ что еслибъ сосѣдка не попадалась мнѣ иногда въ корридорѣ, то можетъ быть, я бы совсѣмъ ее забылъ. Ей ужасно хочется забѣжать ко мнѣ, но вотъ горе: Штернбергъ постоянно дома, а если уходитъ со двора, то и я съ нимъ ухожу. На праздникахъ она однако-жъ не утерпѣла, и такъ какъ насъ по вечерамъ дома не бываетъ, то она замаскировалась днемъ и прибѣжала къ намъ. Я притворился, что не узнаю ея. Она долго вертѣлась и всячески старалась показать, чтобы я узналъ ее; но

я упорно стоялъ на своемъ. Наконецъ она не вытерпѣла, подошла ко мнѣ и почти въ слухъ сказала:

— Несносный, вѣдь это я!

— А когда вы снимете маску, сказалъ я шопотомъ, тогда я узнаю, кто вы.

Она немного замялась, потомъ сняла мвску и я отрекомендовалъ ей Штернберга.

Съ того дня у насъ пошло по прежнему. Со Штернбергомъ она не церемонится точно также, какъ и со мною, мы балуемъ ее разными лакомствами и обращаемся съ нею, какъ добрые братья съ родною сестрою.

— Кто она такая? однажды спросилъ меня Штернбергъ.

Я не зналъ, что отвѣчать на этотъ внезапный вопросъ. Мнѣ никогда и въ голову не приходило спросить ее объ этомъ.

— Должно быть, сирота, или дочь самой безпечной матери, продолжалъ онъ; во всякомъ случаѣ она жалка. Умѣетъ ли она хоть грамотѣ?

— И этого не знаю, отвѣчалъ я нерѣшительно.

— Давать бы ей читать что нибудь, сказалъ Штернбергъ; все-бы голова не совсѣмъ была праздна. А кстати, узнай, если она читаетъ, то я ей подарю весьма моральную и мило изданную книгу: «Векфильдскій священникъ», Гольдсмита. Прекрасный переводъ и прекрасное изданіе!

А минуту спустя онъ продолжалъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкою:

— Ты замѣчаешь, я сегодня чувствую себя въ припадкѣ морали. Напримѣръ, вопросъ такого рода: чѣмъ могутъ кончиться визиты этой наивной рѣзвушки?

По мнѣ пробѣжала легкая дрожь, но я сейчасъ же оправился и отвѣчалъ:

— Я думаю, ничѣмъ.

— Дай Богъ! сказалъ онъ и задумался.

Я всегда любуюсь его благородной, дѣтски беззаботной физіономіей; но теперь эта милая физіономія мнѣ показалась совсѣмъ не дѣтской, а созрѣвшей и прочувствовавшей на свою долю физіономіей. Не знаю почему, но мнѣ невольно на мысль пришла Тар-

новская, и онъ какъ бы подстерегъ мою мысль, посмотрѣлъ на меня и глубоко вздохнулъ.

— Береги ее, мой другъ. сказалъ онъ, или самъ берегись ея. Какъ ты самъ чувствуешь, такъ и дѣлай, только помни и никогда не забывай, что женщина—святая и неприкосновенная вещь и вмѣстѣ такъ обольстительна, что никакая сила воли не въ силахъ противустать этому обольщенiю. Только чувство самой возвышенной евангельской любви, оно одно только можетъ защитить ее отъ позора, а насъ отъ вѣчнаго упрека. Вооружись же этимъ прекраснымъ чувствомъ, какъ рыцарь желѣзнымъ панцыремъ, и иди смѣло на врага.

Онъ на минуту замолчалъ.

— А я страшно постарѣлъ съ прошлаго года, сказалъ онъ, улыбаясь: пойдемъ лучше на улицу; въ комнатѣ что-то душно, кажется.

Долго молча мы ходили по улицѣ, молча возвратились на квартиру и легли спать.

По утру я ушелъ въ классъ, а Штернбергъ остался дома. Въ одинадцать часовъ я прихожу домой и что же вижу?! Вчерашній профессоръ морали нарядилъ мою сосѣдку въ бобровую съ бархатнымъ верхомъ и золотою кистью татарскую шапочку и какой-то красный шолковый татарскій же шугай, а самъ, надѣвши башкирскую остроконечную шапку, наигрываетъ на гитарѣ *качучу*, а сосѣдка, что твоя Тальони, такъ и отдѣлываетъ соло.

Я, разумѣется. только всплеснулъ руками, а они хоть бы тебѣ глазомъ повели: продолжаютъ себѣ качучу, какъ ни въ чемъ не бывало. Натанцовавшись до упаду, она сбросила шапочку и шугай и выбѣжала въ корридоръ, а моралистъ положилъ гитару и захохоталъ, какъ сумасшедшій. Я долго крѣпился, но наконецъ не вытерпѣлъ и такъ чистосердечно завторилъ, что приму заглушилъ.

Нахохотавшись до упаду, усѣлись мы на стульяхъ одинъ противъ другого. Съ минуту помолчавъ, онъ первый заговорилъ:

— Она самое увлекательное созданье; я хотѣлъ было нарисовать съ нея татарочку, но она не успѣла нарядиться, какъ принялась танцовать качучу, а я, какъ ты видѣлъ, не утерпѣлъ и вмѣсто карандаша и бумаги схватилъ гитару, а остальное ты знаешь. Но вотъ что ты не знаешь: до качучи она разсказала мнѣ свою исторію, разумѣется, лаконически, да подробности едва ли она и сама

знаетъ; но все-таки, если бъ не эта проклятая шапка, она бы не остановилась на половинѣ разсказа, а то увидѣла шапку, схватила, надѣла, и все забыто. Можетъ быть, она съ тобою будетъ разговорчивѣе, выспроси у нея хорошенько; ея исторія должна быть самая драматическая исторія. Отецъ ея, говоритъ она, умеръ въ прошломъ году въ Обуховской больницѣ....

Въ это время дверь отворилась и въ комнату вошелъ давно невиданный Михайловъ, а за нимъ удалой мичманъ. Безъ дальнихъ околичностей Михайловъ предложилъ намъ завтракъ у Александра. Мы переглянулись съ Штернбергомъ и, разумѣется, согласились. Я заикнулся было на счетъ классовъ, но Михайловъ такъ неистово захохоталъ, что я молча надѣлъ шляпу и взялся за ручку двери.

— А еще хочешь быть художникомъ! Развѣ въ классахъ образуются истинные великіе художники? торжественно произнесъ неугомонный Михайловъ.

Мы согласились, что лучшая школа для художника—таверна, и въ добромъ согласіи отправились къ Александру.

У Полицейскаго моста мы встрѣтили Элькина, прогуливающагося съ какимъ-то молдаванскимъ бояриномъ и разговаривающаго на молдаванскомъ нарѣчіи. Мы взяли и его съ собой.

Странное явленіе этотъ Элькинъ: нѣтъ языка, на которомъ-бы онъ не говорилъ, нѣтъ общества, въ которомъ-бы онъ не встрѣчался, начиная съ нашей братіи и кончая графами и князьями. Онъ, какъ сказочный волшебникъ, вездѣ и нигдѣ: и на Англійской набережной, у конторы пароходства, пріятеля за границу провожаетъ, и въ конторѣ дилижансовъ, или даже у средней рогатки тоже провожаетъ какого нибудь задушевнаго москвича, и на свадьбѣ, и на крестинахъ, и на похоронахъ, и все это впродолженіи одного дня, который онъ заключаетъ присутствіемъ своимъ во всѣхъ трехъ театрахъ. Настоящій Пинетти! Его иные остерегаются, какъ шпіона, но я въ немъ не вижу ничего похожаго на подобное созданіе. Онъ въ сущности неумолкаемый говорунъ и добрый малый и въ добавокъ плохой фельетонистъ. Его еще въ шутку называютъ вѣчнымъ жидомъ, и этотъ титулъ онъ самъ находитъ для себя приличнымъ. Онъ со мною иначе не говоритъ, какъ по фран-

цузски, за что я ему весьма благодаренъ, такъ какъ это для меня хорошая практика.

Вмѣсто завтрака у Александра мы плотно пообѣдали и разошлись во свояси. Михайловъ и мичманъ у насъ переночевали и по утру уѣхали въ Кронштадтъ. Святки прошли у насъ быстро, значитъ весело. Карлъ Павловичъ велитъ мнѣ приготовляться къ конкурсу на вторую золотую медаль. Не знаю, что-то будетъ. Я такъ мало еще учился, но съ Божьей помощью попробуемъ. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Не имѣю сказать вамъ ничего болѣе.

Ужъ и масляница, и великій постъ, и наконецъ праздники прошли, а я вамъ не писалъ ни одного слова. Не подумайте, мой безцѣнный, незабвенный благодѣтель, что я забываю васъ. Боже меня сохрани отъ подобнаго грѣха! Во всѣхъ помышленіяхъ, во всѣхъ начинаніяхъ моихъ вы, какъ самое свѣтлое, самое отрадное существо, присутствуете въ моей благодарной душѣ; причина же моего молчанія очень проста, не о чемъ писать—однообразіе. Нельзя сказать, чтобы это однообразіе было скучное, монотонное, напротивъ, дни, недѣли и мѣсяцы для меня летятъ незамѣтно. Какое благодѣтельное дѣло—трудъ! особенно если онъ находитъ поощреніе. А я, слава Богу, въ поощреніи не нуждаюсь: на экзаменахъ я постоянно не сажусь ниже 3-го №; Карлъ Павловичъ постоянно мною доволенъ, какое-же можетъ быть отраднѣе, существеннѣе поощреніе для художника? Я безгранично счастливъ! Эскизъ мой на конкурсѣ приняли безъ малѣйшей перемѣны, и я уже принялся за програму. Сюжетъ я полюбилъ, онъ мнѣ совершенно по душѣ, и я весь ему предался; это сцена изъ Иліады: Андромаха надъ тѣломъ Патрокла. Теперь только я совершенно понялъ, какъ необходимо изученіе антиковъ и вообще жизни и искусства древнихъ грековъ и какъ мнѣ въ этомъ случаѣ пригодился французскій языкъ. Я не знаю, какъ благодарить добраго Демскаго за эту услугу.

Мы очень оригинально встрѣтили праздникъ Христова Воскресенія съ Карломъ Павловичемъ. Онъ днемъ еще говорилъ мнѣ, что намѣренъ идти къ заутрени въ Казанскій соборъ, чтобы посмотрѣть

свою картину при огненномъ освѣщеніи и крестный ходъ. Въ вечеру велѣлъ подать чай въ десять часовъ. Чтобы незамѣтнѣе прошло время, я налилъ ему и себѣ чаю, онъ закурилъ сигару, легъ на кушетку и началъ читать въ слухъ «Пертскую красавицу», а я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Только и помню; потомъ слышу неясно, какъ будто громъ, открываю глаза,—въ комнатѣ свѣтло, лампа едва горитъ на столѣ; Карлъ Павловичъ спитъ на кушеткѣ; книга на полу лежитъ, а я сижу въ креслахъ и слушаю, какъ изъ пушекъ стрѣляютъ. Погасивши лампу, я тихонько вышелъ изъ комнаты и пошелъ къ себѣ на квартиру. Штернбергъ еще спалъ. Я умылся, одѣлся и вышелъ на улицу. Люди уже съ освященными пасхами выходили изъ Андреевской церкви. Утро было настоящее праздничное. И знаете, что меня больше всего занимало въ это время?—Совѣстно сказать, а сказать необходимо, необходимо потому, что мнѣ было бы грѣшно скрывать отъ васъ какую бы то ни было мысль или ощущеніе. Я былъ въ это время настоящій ребенокъ. Меня больше всего занималъ тогда мой непромокаемый плащъ. Не странно ли, меня тѣшитъ праздничная обнова? А если подумать, такъ и не странно. Глядя на полы своего блестящаго плаща, я думалъ: давно ли я въ затрапезномъ, запачканномъ халатѣ не смѣлъ и помышлять о подобномъ блестящемъ нарядѣ, а теперь! Сто рублей бросаю за какой нибудь плащъ, просто Овидіево превращеніе! Или, бывало, промыслишь какъ нибудь эту бѣдную полтину и несешь ее въ раекъ, не выбирая спектакля, и за полтину, бывало, такъ чистосердечно нахохочусь и горько наплачусь, что иному во всю жизнь свою не прійдется такъ плакать и такъ смѣяться. И давно ли это было? Вчера, не дальше,—и такая чудная перемѣна! Теперь я уже иначе не иду въ театръ, какъ въ кресла и рѣдко когда въ мѣста за креслами, и иду смотрѣть не что попало, а наровлю попасть или на бенефисъ, или на повтореніе бенефиса, или хоть и старое что нибудь, но всегда съ выборомъ. Правда, что я утратилъ уже тотъ непритворный смѣхъ и искреннія слезы, но мнѣ ихъ не жаль. Вспоминая все это, я васъ вспоминаю, мой незабвенный благодѣтель, и то святое утро, въ которое васъ самъ Богъ навелъ на меня въ Лѣтнемъ саду, чтобы взять меня изъ грязи и ничтожества. Праздникъ встрѣтилъ я въ семействѣ Уваровыхъ, не подумайте графовъ, Боже сохрани, мы еще такъ высоко

не летаемъ. Это простое скромное семейство, но такое доброе, милое, гармоничное, что, дай Богъ, чтобы всѣ семейства на свѣтѣ были таковы. Я принятъ у нихъ, какъ самый близкій родной. Карлъ Павловичъ тоже ихъ не рѣдко посѣщаетъ.

Праздникъ провели мы весело. Въ продолженіи недѣли ни разу не обѣдали у m-me Юргенсъ, а все въ гостяхъ, то у Іоахима, то у Шмидта, то у Фицтума, а вечера или въ театрѣ, или у Шмидта. Сосѣдка наша по прежнему насъ посѣщаетъ, и все такая же шалунья, какъ и прежде была. Жаль, что она не можетъ служить мнѣ моделью для Андромахи: слишкомъ молода и субтильна, если можно такъ выразиться. Я удивляюсь, что это за женщина ея тетенька. Она, кажется, и не думаетъ о своей шалуньѣ племянницѣ. Она иногда у насъ бѣсится часа два сряду, а тетенькѣ и нуждушки нѣтъ. Странно! Штернбергъ досказалъ мнѣ ея исторію. Матери она не помнитъ, а отецъ ея былъ какой-то бѣдный чиновникъ и, какъ кажется, пьяница, потому что когда они жили въ Коломнѣ, то онъ каждый день приходилъ съ должности краснехонькой, какъ она сама выразилась, и сердитый; если у него были деньги, то онъ посылалъ ее въ кабакъ за водкой, а если денегъ не было, то посылалъ ее на улицу просить милостыню, а вицъ-мундиръ носилъ всегда съ прорванными локтями. Тетка, ея теперешняя покровительница, а его родная сестра, иногда приходила къ нимъ и просила его, чтобы онъ Пашу отдалъ ей на воспитаніе; но онъ и слышать не хотѣлъ. Долго-ли они такъ жили въ Коломнѣ, она не помнитъ; только однажды зимою онъ съ должности не пришелъ ночевать на квартиру; она одна ночевала дома и ничего не боялась. На другую ночь онъ тоже не приходилъ, а на третій день уже пришелъ за нею отъ отца изъ Обуховской больницы служитель. Она пошла къ нему, и служитель дорогою ей разсказалъ, что отца ея будочники подняли ночью на улицѣ и отправили въ часть, а изъ части уже на другой день въ горячкѣ привезли его въ больницу и что прошлой ночью онъ не надолго пришелъ въ себя, сказалъ свою фамилію, разсказалъ, гдѣ его квартира, и просилъ привести ее къ себѣ. Больной отецъ не узналъ ея и прогналъ отъ себя. Тогда она пошла къ теткѣ и осталась у нея. Вотъ и вся ея грустная исторія. На дняхъ подарилъ ей Штернбергъ «Векфильдскаго священника». Она схватила книгу, какъ дитя хватаетъ хорошенькую иг-

рушку, и, какъ дитя, поиграла ею, посмотрѣла картинки и бросила на столъ, а уходя и не вспомнила о книгѣ. Штернбергъ почти рѣшительно увѣренъ, что она безграмотна, я тоже думаю, судя по ея печальному дѣтству. У меня даже родилась мысль, если она дѣйствительно безграмотна, выучить ее по крайней мѣрѣ читать. Штернбергу мысль моя понравилась, и онъ вызвался помогать мнѣ. Онъ такъ увѣренъ въ ея безграмотности, что въ тотъ-же день пошелъ въ книжную лавку и купилъ азбуку съ картинками. Но благой проэктъ нашъ только проэктомъ и остался, и вотъ почему: на другой день, когда мы хотѣли приступить къ первой лекціи, пріѣхалъ изъ Крыма Айвазовскій и остановился у насъ на квартирѣ. Штернбергъ съ восторгомъ встрѣтилъ своего товарища, но мнѣ, не знаю почему, на первый разъ Айвазовскій не понравился. Въ немъ есть, не смотря на его изящныя манеры, что-то не симпатическое, не художническое, а что-то вѣжливо-холодное, отталкивающее. Портфеля своего онъ намъ не показываетъ: говоритъ, оставилъ въ Ѳеодосіи у матери, а дорогой ничего не рисовалъ, потому что торопился застать первый заграничный пароходъ. Онъ прожилъ съ нами однако-жъ слишкомъ мѣсяцъ, не знаю по какимъ обстоятельствамъ. И въ продолженіи этого времени сосѣдка насъ ни разу не посѣтила: она боится Айвазовскаго, и я его за это готовъ каждый день проводить за границу. Но вотъ мое горе—съ нимъ вмѣстѣ и мой безцѣнный Штернбергъ уѣзжаетъ.

Еще прошло нѣсколько дней, и мы проводили моего Штернберга до Кронштадта. Около него собралось насъ человѣкъ десять, а около Айвазовскаго ни одного. Странное явленіе между художниками! Въ числѣ провожавшихъ Штернберга былъ и Михайловъ, и одолжилъ-же онъ насъ! Послѣ дружескаго веселаго обѣда у Стеварта онъ заснулъ богатырски. Мы хотѣли его разбудить, но не могли и, взявши пару бутылокъ Клико, отправились съ Штернбергомъ на пароходъ. На палубѣ «Геркулеса» выпили вино, вручили нашего друга г. Тыринову, надальнику парохода, простились и возвратились уже вечеромъ въ трактиръ. Михайловъ уже полупроснулся. Мы принялись разсказывать ему, какъ провожали мы Штернберга,—онъ молчалъ,—и какъ были на пароходѣ,—онъ все молчалъ, и какъ выпили двѣ бутылки Клико.—Негодяи! проговорилъ онъ при словѣ Клико, не разбудили товарища проводить.

Скучно мнѣ безъ моего милаго Штернберга, такъ скучно, что я не только отъ квартиры, гдѣ мнѣ все его напоминаетъ, но даже отъ рѣзвой сосѣдки своей готовъ бѣгать. Не пишу вамъ теперь ничего больше: скучно, а я не хочу навести на васъ скуку своимъ монотоннымъ посланіемъ. Примусь лучше за программу. Прощайте!

Лѣто у меня такъ быстро промелькнуло, быстрѣе, чѣмъ у празднаго денди одна минута. Я послѣ выставки едва только замѣтилъ, что оно уже кануло въ вѣчность. А между прочимъ въ продолженіи лѣта мы съ Іоахимомъ нѣсколько разъ посѣщали на Крестовскомъ островѣ старика Кольмана, и подъ его руководствомъ я сдѣлалъ три этюда: двѣ елки и одну березу. Добрѣйшее созданіе этотъ Кольманъ! Шмидты возвратились уже въ городъ, и они-то мнѣ напомнили своими упреками, что уже прошло лѣто. Я ихъ ни разу не посѣтилъ. Далеко, а у меня всѣ дни и ночи были отданы программѣ. За то какъ они искренно поздравляли меня съ успѣхомъ! Да, съ успѣхомъ, мой незабвенный благодѣтель! Какое великое дѣло для ученика программа! Это пробный камень, и какое великое для него счастье, если онъ на этомъ камнѣ оказался неподдѣльнымъ и истиннымъ художникомъ! Я это счастье испыталъ вполнѣ. Не могу описать вамъ этого чудного, этого безпредѣльно сладкаго чувства. Это продолжительное присутствіе всего святаго, всего прекраснаго въ мірѣ въ одномъ человѣкѣ. За то какое горькое, какое мучительное состояніе души предшествуетъ этой святой радости—это ожиданье. Не смотря на то, что Карлъ Павловичъ увѣрялъ меня въ успѣхѣ, я такъ страдалъ, какъ страдаетъ преступникъ передъ смертной казнью,—нѣтъ, больше. Я не зналъ, умру ли я, или останусь въ живыхъ, а это по моему тягостнѣе. Приговоръ еще не былъ произнесенъ, и въ ожиданіи этого страшнаго приговора зашли мы съ Михайловымъ къ Дели сыграть партію въ биліардъ, но у меня дрожали руки и я не могъ сдѣлать ни одного шара, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, такъ и рѣжетъ; а вѣдь онъ тоже былъ подъ судомъ: его программа стояла рядомъ съ моею. Меня бѣсило такое равнодушіе; я бросилъ кій и ушелъ къ себѣ на квартиру. Въ корридорѣ встрѣтила меня смѣющаяся, счастливая сосѣдка.

— Что? спросила она меня.

— Ничего, отвѣтилъ я.

— Какъ ничего? Я убрала вашу комнату, какъ для свѣтлаго праздника, а вы идете такой скучный.

И она тоже хотѣла сдѣлать скучную мину, но никакъ не могла. Я поблагодарилъ ее за вниманіе и просилъ въ комнату. Она такъ дѣтски непритворно начала утѣшать меня, что я не выдержалъ и расхохотался.

— Ничего еще неизвѣстно: экзаменъ еще не кончился, сказалъ я.

— Такъ зачѣмъ же вы меня обманули, безсовѣстный! Еслибъ я знала, не убирала-бъ и комнату.

И она надула розовенькія губки.

— У Михайлова, продолжала она, небось я не убрала; пускай себѣ съ своимъ мичманомъ валяются, какъ медвѣди въ берлогѣ, мнѣ какое дѣло.

Я поблагодарилъ за предпочтеніе и спросилъ ее, будетъ ли она рада, если Михайловъ медаль получитъ, а я нѣтъ.

— Я ему руки переломаю, глаза выцарапаю, я его убью до смерти.

— А если я?

— Я тогда сама умру отъ радости.

— За что же мнѣ такое предпочтеніе? спросилъ я ее.

— За что?... за то... за то... что вы меня обѣщались зимой грамотѣ учить.

— И я сдержу свое слово, сказалъ я.

— Идите же въ академію, сказала она, и узнайте, что тамъ дѣлается, а я васъ подожду въ корридорѣ.

— Зачѣмъ же не здѣсь? спросилъ я.

— А если придетъ мичманъ, что я тогда буду дѣлать?

Правда, подумалъ я и, не говоря ни слова, вышелъ въ корридоръ. Она замкнула дверь и ключъ спрятала въ карманъ.

— Я не хочу, замѣтила она, чтобы они безъ васъ вошли въ вашу комнату и что нибудь испортили.

Съ чего она взяла, что они у меня что нибудь испортятъ, подумалъ я,—такъ просто дѣтскій капризъ.

— До свиданья! сказалъ я, спускаясь по лѣстницѣ: пожелайте мнѣ счастья.

— Отъ всей души, сказала она восторженно и скрылась.

Я вышелъ на улицу. Войти въ академію я боялся: академическія ворота показались мнѣ разинутою пастью какого то страшнаго чудовища. Побродивши однако-жъ до поту по улицѣ, я перекрестился и пробѣжалъ въ страшныя ворота. Во второмъ этажѣ, въ корридорѣ,

какъ тѣни у Харонова перевоза, блуждали мои нетерпѣливые товарищи; въ толпу ихъ вмѣшался и я. Профессора уже прошли изъ циркля въ конференцъ-залу, ужасная минута близилась! Андрей Ивановичъ (инспекторъ) вышелъ изъ круглой залы, я ему первый попался на встрѣчу, и онъ, проходя мимо меня, шепнулъ мнѣ: поздравляю! Въ жизнь свою я не слыхалъ да и не услышу такого сладкаго, такого гармоническаго звука. Я стремглавъ бросился домой и въ восторгѣ разцѣловалъ мою сосѣдку. Хорошо еще, что никто не видѣлъ, потому что это было на лѣстницѣ. Хотя я здѣсь ничего предосудительнаго не вижу, но все-таки, слава Богу, что никто не видалъ.

Такъ, или почти такъ совершился этотъ душу потрясающій экзаменъ. И все то, что я вамъ написалъ, теперь это только темный силуэтъ съ живой природы, слабая тѣнь настоящаго происшествія: его ничѣмъ нельзя выразить—ни перомъ, ни кистью, ни даже живыми словами. Михайлову экзаменъ не удался. Боже сохрани, если бы со мной случилось подобное несчастіе. Я бы съ ума сошелъ, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало, зашелъ на квартиру, надѣлъ теплое пальто и уѣхалъ къ своему мичману въ Кронштадтъ. Я не знаю, что у него за симпатія къ этому мичману; я въ немъ совершенно не нахожу ничего привлекающаго, а онъ отъ него безъ души. Сначала, правда, онъ и мнѣ понравился, но это не на долго, а бѣдный мой учитель Демскій—вотъ истинно симпатическій человѣкъ! Онъ, бѣдный, боленъ и неизлечимо боленъ: чахотка въ послѣднемъ періодѣ. Онъ еще ходитъ, но едва-едва ходитъ. На дняхъ зашелъ поздравить меня съ медалью, и мы съ нимъ провели вечеръ въ самой сладкой дружеской бесѣдѣ. Онъ мнѣ предсказывалъ мое будущее съ такимъ убѣжденіемъ, такъ натурально, живо, что я невольно ему вѣрилъ. И бѣдный Демскій, онъ и не подозрѣваетъ своей болѣзни; онъ такъ искренно увлекается своимъ будущимъ, какъ можетъ увлекаться только полный здоровья юноша. Счастливецъ, если можно назватъ мечту счастьемъ. Онъ говоритъ, что главное и самое трудное уже уничтожено, т. е. нищета, что онъ не обязанъ уже просиживать ночи надъ перепиской лекцій за какой нибудь рубль, что онъ теперь совершенно независимъ отъ нищеты, можетъ предаться своей любимой наукѣ, что онъ, если не превзойдетъ своего идола Лелевеля въ отече-

ственной исторіи, то по крайней мѣрѣ сравняется съ нимъ и что будущая его диссертація откроетъ ему всѣ средства осуществить свои блестящія надежды; а между тѣмъ бѣднякъ кашляетъ кровью и старается это скрыть отъ меня. И, Боже мой, чего бы я не далъ за осуществленіе его пламенныхъ желаній! Но увы! совершенно никакой надежды, едва ли проживетъ онъ и до вскрытія Невы.

Въ минуту самыхъ сердечныхъ изліяній Демскаго съ шумомъ отворилась дверь и вошелъ удалой мичманъ.

— Что Мишка у себя? спросилъ онъ, не снимая шапки.

— Онъ вчера еще уѣхалъ къ вамъ, отвѣчалъ я.

— Значитъ мы съ нимъ разъѣхались; пусть его прогуляется, а между прочимъ я у васъ ночую.

И онъ вошелъ въ комнату Михайлова. Я ему подалъ свѣчу. Что мнѣ было дѣлать? Я предложилъ Демскому постель Михайлова въ совершенной надеждѣ, что у насъ ея никто не завоюетъ. Демскій замѣтилъ мое невыгодное положеніе, улыбнулся, взялъ шапку и протянулъ мнѣ руку. Я тоже молча взялъ шапку и вышелъ съ нимъ на улицу, предоставивъ мичмана самому себѣ. Проводивши Демскаго до его квартиры, я весьма неохотно возвратился назадъ, и чтоже застаю дома? Сосѣдка моя не знала, что меня дома нѣтъ, и забѣжала въ мою комнату, а удалой полураздѣтый мичманъ схватилъ ее и хотѣлъ было дверь на ключъ запереть, но въ это время я подошелъ къ двери и помѣшалъ ему. Сосѣдка вырвалась у него изъ рукъ, плюнула ему въ лицо и убѣжала.

— Настоящая ртуть, сказалъ онъ, утираясь.

Меня эта сцена оскорбила, но я этого не далъ ему замѣтить и какъ еще было не поздно, то безъ церемоніи оставилъ его на квартирѣ, а самъ пошелъ искать лучшаго товарища коротать осенній вечеръ.

Визиты мои товарищамъ были неудачны: я кланялся только замкамъ дверей. Къ Шмидтамъ идти было поздно; Карла Павловича тоже не было дома, и я не зналъ, что съ собою дѣлать; меня мучилъ проклятый мичманъ; я ненавидѣлъ его. Не знаю, была ли то ревность, или просто чувство отвращенія къ человѣку, который поругалъ святое чувство скромности въ женщинѣ. Женщинѣ, какая бы она ни была, мы обязаны если не уваженіемъ, такъ по крайней мѣрѣ приличіемъ. А мичманъ пренебрегъ и то и другое: онъ

просто пьянъ или въ глубинѣ души мерзавецъ. Я какъ-то невольно вѣрую въ послѣднее. Въ квартирѣ Карла Павловича засвѣтился огонь, и я зашелъ къ нему и у него переночевалъ. Карлъ Павловичъ замѣтилъ однако-жъ мое ненормальное состояніе, но былъ такъ любезенъ, что не сдѣлалъ мнѣ ни одного вопроса, велѣлъ сдѣлать мнѣ постель въ одной комнатѣ съ собою и самъ сѣлъ читать въ слухъ. То была книга Вашингтона Ирвинга «Христофоръ Колумбъ». Читая, онъ тутъ же импровизировалъ картину, какъ неблагодарные испанцы выводятъ съ баркаса на берегъ обремененнаго цѣпями великаго адмирала. Какая грустная, поучительная картина! Я предложилъ ему лоскутокъ бумаги и карандашъ; но онъ отказался и продолжалъ читать.

Однажды во время ужина, разсказывая свое путешествіе по древней Элладѣ, Карлъ Павловичъ набросалъ чудную картину подъ названіемъ: «Аѳинскій вечеръ». Картина представляла аѳинскую улицу, освѣщенную вечернимъ солнцемъ. На горизонтѣ вчернѣ оконченный Парфенонъ, но еще лѣса не убраны. На первомъ планѣ среди улицы пара буйволовъ везутъ мраморную статую «Рѣка Илисъ» Фидія; съ боку самъ Фидій, встрѣчаемый Перикломъ и Аспазіей и всѣмъ, что было славнаго въ Перикловыхъ Аѳинахъ, начиная съ знаменитой гетеры и до Ксантипы. И все это освѣщено лучами заходящаго солнца. Великолѣпная картина! Что аѳинская школа передъ этой животрепещущей картиной!? А онъ именно потому только ея и не исполнилъ, что уже существуетъ Аѳинская школа. И сколько подобныхъ картинъ онъ оканчиваетъ или вдохновеннымъ словомъ или вершковымъ эскизомъ въ своемъ весьма не великолѣпномъ альбомѣ. Такъ, напримѣръ, прошедшей зимой онъ начертилъ нѣсколько самыхъ миніатюрныхъ эскизовъ на одну и туже тему. Я ничего не могъ понять и только дагадывался, что великій мой учитель замышляетъ что-то великое; и я не обманулся въ своихъ догадкахъ.

Нынѣшнее лѣто я сталъ замѣчать, что онъ до восхода солнечнаго ежедневно началъ уходить въ свою мастерскую, въ портикъ, въ своей сѣрой рабочей курткѣ, и оставался тамъ до самаго вечера. Одинъ Лукьянъ только зналъ, что тамъ совершается, потому что онъ приносилъ ему воду и обѣдъ. Я тогда работалъ надъ программой и не могъ предложить ему услугъ книгочтенія, хотя и былъ

увѣренъ, что онъ охотно принялъ бы такую услугу, потому что онъ любитъ чтеніе. Такъ прошло три недѣли. Я трепеталъ отъ нетерпѣнія. Никогда онъ такъ постоянно не посѣщалъ свою студію. Должно быть что нибудь необыкновенное; да и что обыкновенное создаетъ такой колоссальный геній.

Однажды я передъ вечеромъ, отпустивъ натурщика, хотѣлъ выйти на улицу. Въ корридорѣ встрѣтился мнѣ Карлъ Павловичъ съ небритой бородой. Онъ пожелалъ видѣть мою программу. Я съ трепетомъ ввелъ его въ свой кабинетъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько не важныхъ замѣчаній и сказалъ: «теперь пойдемъ смотрѣть на мою программу», и мы пошли въ портикъ.

Я не знаю, разсказывать ли вамъ, что я тамъ увидѣлъ. Разсказать я вамъ долженъ, но какъ я разскажу неразсказываемое?!

Отворились двери въ мастерскую, и мнѣ представилось огромное темное полотно, натянутое на раму. На полотнѣ черной краской написано: «нач. 17 іюня», за полотномъ музыкальный ящикъ игралъ хоръ Ноблей изъ «Гугенотовъ». Съ замираніемъ сердца прошелъ я за полотно, оглянулся и у меня дыханіе захватило: предо мною стояла не картина, а со всѣмъ ужасомъ и величіемъ живая «Осада Пскова». Вотъ гдѣ смыслъ крошечныхъ эскизовъ! Вотъ для чего онъ прошедшее лѣто дѣлалъ прогулку въ Псковъ! Я зналъ о его предположеніи, но никогда не могъ вообразить себѣ, чтобы это такъ быстро исполнилось. Такъ быстро и такъ прекрасно! Пока я сдѣлаю для васъ небольшой контуръ съ этого новаго чуда, опишу вамъ его, разумѣется, весьма ограниченно.

На правой сторонѣ отъ зрителя, на третьемъ планѣ картины, взрывъ башни; немного ближе проломъ въ стѣнѣ и въ проломѣ рукопашная схватка, да такая схватка, что смотрѣть страшно. Кажется, слышишь крики и звонъ мечей о желѣзные ливонскіе, польскіе, литовскіе и, Богъ знаетъ, еще о какіе желѣзные шлемы. На лѣвой сторонѣ картины, на второмъ планѣ, крестный ходъ съ хоругвями и съ иконой Божіей Матери, торжественно спокойно предшествуемый епископомъ съ мечемъ святого Михаила, князя псковскаго. Какой удивительный контрастъ! На первомъ планѣ, въ срединѣ картины, блѣдный монахъ съ крестомъ въ рукѣ, верхомъ на гнѣдой лошади. По правую сторону монаха издыхающій бѣлый конь Шуйскаго, а самъ Шуйскій бѣжитъ къ пролому съ поднятыми

вверхъ руками. По лѣвую сторону монаха благочестивая старуха благословляетъ юношу, или, лучше сказать, мальчика, на супостата. Еще лѣвѣе дѣвушка поитъ водою изъ ведра утомленныхъ воиновъ, а въ самомъ углу картины полуобнаженный умирающій воинъ, поддерживаемый молодою женщиной, быть можетъ будущей вдовой. Какіе чудные разнообразные эпизоды! И я вамъ ихъ и половины не описалъ: мое письмо было бы безконечно и все таки не полно, если бы я вздумалъ описывать всѣ подробности этого совершенства искусства.

Удовольствуйтесь на первый разъ хоть этимъ прозаическимъ очеркомъ въ высшей степени поэтическаго произведенія. Со временемъ пришлю вамъ контуръ съ него, и вы тогда яснѣе увидите, что это за божественное произведеніе.

О чемъ же мнѣ еще писать вамъ, мой незабвенный благодѣтель! Я такъ рѣдко и такъ мало пишу вамъ, что мнѣ совѣстно. Упреки ваши, что я лѣнивъ писать, не совсѣмъ справедливы. Я не лѣнивъ, но не мастеръ объ обыденной жизни своей разсказывать увлекательно, какъ это другіе умѣютъ дѣлать. Я недавно (собственно для писемъ) прочиталъ Клярису, переводъ Жуль Жиньяка, и мнѣ понравилось одно только предисловіе переводчика, а самыя письма такія сладкія, такія длинныя, что изъ рукъ вонъ. И какъ это достало терпѣнія у человѣка писать такія безконечныя письма! А письма изъ-за границы мнѣ еще менѣе понравились: претензіи много, а толку мало, педантизмъ и больше ничего. Я, признаюсь вамъ, имѣю сильное желаніе выучиться писать, да не знаю, какъ это сдѣлать. Научите меня. Ваши письма такъ хороши, что я ихъ наизустъ выучиваю, а пока овладѣю вашимъ секретомъ, буду вамъ писать такъ, какъ сердце продиктуетъ, и моя простосердечная откровенность пускай пока замѣнитъ искусство.

Переночевавши у Карла Павловича, я часу въ десятомъ весьма неохотно пошелъ къ себѣ на квартиру. Михайловъ былъ уже дома и наливалъ въ стаканъ едва проснувшемуся мичману какое-то вино, а моя вѣтренная сосѣдка, какъ ни въ чемъ не бывало, выглядывала изъ моей комнаты и хохотала во все горло. Никакого самолюбія, ни тѣни скромности! Простая ли это естественная наивность, или это слѣдствіе уличнаго воспитанія? Вопросъ для меня неразрѣшимый, неразрѣшимый потому, что я къ ней безотчетно привя-

занъ, какъ къ самому милому ребенку. И, какъ настоящаго ребенка, я посадилъ ее за азбучку. По вечерамъ она твердитъ склады, а я что нибудь черчу или съ нея же портретъ рисую. Головка просто прелесть! И замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ она начала учиться, перестала хохотать, а мнѣ смѣшно становится, когда я смотрю на ея серьезное дѣтское личико. Отъ нечего дѣлать впродолженіи зимы я думаю написать съ нея этюдъ при огненномъ освѣщеніи, въ такомъ самомъ положеніи, какъ она сидитъ съ указкою въ рукѣ, углубившись въ азбучку. Это будетъ очень миленькая картинка à la Грезъ! Не знаю, совладаю ли я съ красками; въ карандашѣ она порядочно выходитъ.

На дняхъ я познакомился съ ея тетушкой и весьма оригинально. По обыкновенію, въ одинадцать часовъ утра, возвращаюсь изъ класса, въ корридорѣ встрѣчаетъ меня Паша и именемъ тетеньки проситъ къ себѣ на кофе. Меня это изумило, я отказываюсь. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ войти въ незнакомый домъ и прямо на угощеніе? Она однако-жъ не даетъ мнѣ выговорить слова, тащитъ меня за рукавъ къ своимъ дверямъ, какъ упрямаго теленка; я, какъ теленокъ, упираюсь и уже чуть-чуть не освободилъ свою руку, какъ раскрылась дверь и явилась на помощь сама тетенька. Не говоря ни слова, схватываетъ она меня за другую руку и втаскиваютъ въ комнату, двери на ключъ и просятъ быть какъ дома.

— Прошу покорно, безъ церемоніи, говоритъ, запыхавшись, хозяйка: не взыщите на простотѣ. Пашенька, что-же ты ротъ разинула? Неси скорѣе кофей!

— Сейчасъ, тетя! отозвалась Паша изъ другой комнаты и черезъ минуту явилась съ кофейникомъ и чашками на подносѣ, настоящая Геба.

Тетя тоже немного смахивала на тучегонителя.

— Намъ съ вами давно хотѣлось познакомиться, такъ начала гостепріимная хозяйка: да все какъ-то случай не выпадалъ, а сегодня, слава Богу, я таки поставила на своемъ. Ужъ вы насъ извините за простоту. Не угодно ли чашечку кофею? Давно что-то нашей охтянки не видать, а въ лавочкѣ сливки такая дрянь, да что будешь дѣлать? Ко мнѣ Паша давно уже пристаетъ, чтобы я познакомилась съ вами, да вы-то такой нелюдимъ, настоящій затворникъ, и въ корридоръ-то вы лишній разъ не выглянете. Кушайте еще

чашечку. Вы съ нашей Пашенькой просто чудо сотворили: мы ее просто не узнаемъ: съ утра до ночи за книжкой, воды не замутитъ, такъ что даже любо. А вчера, вообразите наше удивленіе, достала съ картинками книжку, ту самую, что вашъ товарищъ подарилъ ей, раскрыла и принялась читать; правда еще не совсѣмъ бойко, но понимать совершенно все можно. Какъ бишь называется эта книга?

— «Векфильдскій священникъ», сказала Паша, выходя изъ-за перегородки.

— Да, да, священникъ, какъ онъ бѣдный, и въ острогѣ сидѣлъ, какъ онъ и дочь свою безпутную отыскивалъ,—всю книжку, какъ есть, прочитала—куда и сонъ дѣвался! Кто выучилъ тебя? спрашиваю я ее. Она говоритъ: вы. Вотъ ужъ, правду сказать, одолжили вы насъ. Кирило Афанасьичъ мой если не въ должности, такъ дома сидитъ за бумагами. Настанетъ вечеръ, мы и примемся за молчанку, и вечеръ тебѣ годомъ кажется, а теперь, да я просто и не видала, какъ онъ пролетѣлъ! Не угодно ля еще чашечку?

Я отказался и хотѣлъ уйти; не тутъ-то было. Самымъ нецеремоннымъ образомъ хозяйка схватила меня за руку и усадила на свое мѣсто, приговаривая: нѣтъ, у насъ (не знаемъ, какъ у васъ) такъ не дѣлаютъ,—вошелъ и вышелъ. Нѣтъ, просимъ покорно побесѣдовать съ нами да закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

Отъ закуски и отъ бесѣды я однако-жъ отказался, ссылаясь на боль въ животѣ и на колотье въ боку, чего у меня, слава Богу, никогда не бывало. А дѣло въ томъ, что мнѣ нужно было идти въ классъ: первый часъ уже былъ въ исходѣ.

На честное слово я былъ отпущенъ до семи часовъ вечера. Вѣрный данному слову, въ семь часовъ вечера я явился къ гостепріимной сосѣдкѣ. Самоваръ уже былъ на столѣ, и она меня встрѣтила со стаканомъ чаю въ рукахъ. Послѣ перваго стакана чая она отрекемендовала меня *хозяину* своему, какъ она выразилась, лысому въ очкахъ старичку, сидѣвшему въ другой комнатѣ за столикомъ надъ кипою бумагъ. Онъ всталъ со стула, поправилъ очки и, протянувши мнѣ руку, сказалъ: «прошу покорно садиться». Я сѣлъ. Онъ снялъ съ носа очки, протеръ ихъ платкомъ, надѣлъ ихъ опять на носъ, сѣлъ молча на свое мѣсто и по прежнему углубился въ свои бумаги. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Я не

зналъ, что мнѣ дѣлать, положеніе мое становилось смѣшнымъ. Хозяйка, спасибо, меня выручила.

— Не мѣшайте ему, сказала она, выглядывая изъ другой комнаты. Идите къ намъ, у насъ веселѣе.

Я молча оставилъ трудолюбиваго хозяина и перешелъ къ хлопотуньѣ хозяйкѣ. Смиренница Паша сидѣла за «Векфильдскимъ священникомъ» и разсматривала картинки.

— Видали нашего хозяина? сказала хозяйка,—вотъ онъ всегда такой; такъ онъ привыкъ къ этимъ бумагамъ, что минуты безъ нихъ не проживетъ.

— Я сказалъ какой-то комплиментъ трудолюбію его и попросилъ Пашу, чтобы она читала вслухъ.

Довольно медленно, но правильно и внятно прочитала она страницу изъ «Векфильдскаго священника» и была награждена отъ тетеньки стаканомъ чаю въ накладку и панегирикомъ, котораго и на трехъ страницахъ не упишешь, а мнѣ, какъ ментору, кромѣ безконечной благодарности, предложено было рому съ чаемъ. Но какъ онъ былъ еще у Фогта и Паша должна была за нимъ сбѣгать, то я отказался отъ рому и отъ чая, къ немалому огорченію гостепріимной хозяйки. Въ одинадцатомъ часу поужинали, и я ушелъ, давши обѣщаніе навѣщать ихъ ежедневно.

Не могу вамъ ясно опредѣлить, какое впечатлѣніе произвело на меня это новое знакомство. А первое впечатлѣніе, говорятъ, весьма важно въ дѣлѣ знакомства. Я доволенъ этимъ знакомствомъ потому только, что знакомство мое съ Пашей до сихъ поръ казалось мнѣ предосудительнымъ, а теперь все это какъ-бы устранилось и наша дружба какъ будто бы скрѣпилась этимъ нечаянно новымъ знакомствомъ.

Я сталъ бывать у нихъ каждый день и черезъ недѣлю былъ уже, какъ старый знакомый, или, лучше сказать, какъ свой семьянинъ. Они мнѣ предложили у себя столъ за ту самую цѣну, что и у m-me Юргенсъ, и я измѣнилъ доброй m-me Юргенсъ, охотно принявъ предложеніе сосѣдки. И не раскаиваюсь: мнѣ наскучила беззаботная холостая компанія, у нихъ же мнѣ такъ хорошо, тихо, спокойно, все это по домашнему, все это такъ въ моемъ характерѣ, такъ въ гармоніи съ моею миролюбивою натурою. Пашу я называю сестрицей, а тетеньку ея своей тетенькой называю, а дяденьку никакъ не называю, потому что я его только и вижу за

обѣдомъ. Онъ, кажется, и по праздникамъ ходитъ въ должность. Мнѣ такъ хорошо у нихъ, что я почти никуда не выхожу, кромѣ Карла Павловича.. У Іоахима, не помню, когда и былъ, у Шмидтовъ и Фицтума тоже. Самъ вижу, что не хорошо дѣлаю, но что же дѣлать: не умѣю врать передъ добрыми людьми. Недостатокъ свѣтскаго образованія—ничего больше.

Въ слѣдующее воскресенье сдѣлаю имъ всѣмъ визиты, вечеръ у Шмидта проведу, а то какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не раззнакомиться. Все это ничего, все это какъ нибудь уладится, а вотъ мое горе: не могу поладить съ Михайловымъ, т. е. собственно не съ нимъ, а съ его сердечнымъ другомъ мичманомъ: онъ почти каждую ночь ночуетъ у насъ. Это-бы еще ничего, а то наведетъ съ собою, Богъ знаетъ, какихъ людей, и на пролетъ всю ночь карты и пьянство. Не хотѣлось-бы мнѣ перемѣнять квартиры, а кажется придется, если эти оргіи не прекратятся. Хоть-бы скорѣе весна настала, пускай-бы себѣ ушелъ въ море этотъ несносный мичманъ. Началъ я этюдъ съ Паши красками при огнѣ. Очень миленькая выходитъ головка, жаль только, что проклятый мичманъ мѣшаетъ работать. Хотѣлось-бы къ празднику кончить и начать что нибудь другое, да едва-ли. Я пробовалъ уже у сосѣдокъ расположиться съ работой, да все какъ-то не ловко. Мнѣ такъ понравилось огненное освѣщеніе, что, окончивши эту головку, я думаю начать другую съ Паши-же—Весталку. Жаль только, что теперь нельзя достать бѣлыхъ розъ для вѣнка, а это необходимо; но это еще впереди.

Паша начинаетъ уже хорошо читать и полюбила чтеніе; это мнѣ чрезвычайно пріятно, но я затрудняюсь въ выборѣ чтенія для нея. Романы, говорятъ, не хорошо читать молодымъ дѣвушкамъ, а я право не знаю, почему нехорошо. Хорошій романъ изощряетъ воображеніе и облагораживаетъ сердце, а сухая какая нибудь, хотя и умная, книга, кромѣ того что ничему не научитъ, пожалуй еще и поселитъ отвращеніе къ книгамъ. Я ей на первый разъ далъ Робинзона Крузо, а послѣ предложу Путешествіе Араго или Дюмонъ Дюрвиля, а потомъ опять какой нибудь романъ, а потомъ Плутарха. Жаль, что нѣтъ у насъ переведеннаго Вазари, а то бы я ее познакомилъ и съ знаменитостями нашего прекраснаго искусства. Хорошъ-ли мой планъ? какъ вы находите? Если имѣете что

нибудь сказать противъ него, то сообщите мнѣ въ слѣдующемъ письмѣ, и я вамъ буду сердечно благодаренъ. Меня она теперь занимаетъ, какъ будто что-то близкое, родное. Я на нее грамотную теперь смотрю, какъ художникъ на свою неоконченную картину, и великимъ грѣхомъ считаю для себя предоставить теперь ей самой выборъ чтенія или, лучше сказать, случай чтенія, потому что ей не изъ чего выбирать: лучше было не учить ее читать. Я надоѣлъ вамъ своими сосѣдками, но что дѣлать? По пословицѣ: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ; а если правду сказать, то у меня теперь и говорить больше не о чемъ. Нигдѣ не бываю и ничего не дѣлаю. Не знаю, что-то мнѣ судьба готовитъ въ будущее лѣто, а я его не безъ трепета ожидаю; да и можно ли его ожидать иначе? Будущее лѣто должно положить настоящій фундаментъ избранному мною, или, лучше сказать, вами поприщу. Карлъ Павловичъ говоритъ, что вскорѣ послѣ праздниковъ будетъ объявлена программа на первую золотую медаль. Со мной чуть-чуть пе дѣлается обморокъ при одной мысли объ этой роковой программѣ. Что если мнѣ удастся? Я съ ума сойду. А вы? Неужели вы не пріѣдете посмотрѣть трехгодовую выставку и взглянуть на мою одобренную програму и на смиреннаго творца ея, какъ на свое собственное созданіе? Я увѣренъ, что вы пріѣдете. Напишите мнѣ о вашемъ пріѣздѣ въ слѣдующемъ письмѣ, и я буду имѣть благовидный предлогъ отказать Михайлову отъ квартиры. Мичманъ, кажется, и ему уже надоѣлъ. Хорошо еще, что я имѣю пріютъ у сосѣдокъ, а то пришлось бы бѣгать собственной квартиры. Напишите, сдѣлайте милость, что вы пріѣдете, тогда я все разомъ покончу. Прощайте, мой незабвенный благодѣтель! Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу вамъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ моей ученицы и о слѣдствіяхъ предстоящаго конкурса. Прощайте!

P. S. Бѣдный Демскій уже изъ комнаты не можетъ выйти. Не пережить ему весны.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ГОРЛЕНКИ.

(Очерки прилуцкой старины)[1].

Посвящается княгинѣ Анастасіи Александровнѣ Дабижа, рожденной Горленко.

„Полягла козацька молодецька голова,
Якъ отъ витру на степу трава;
Слава не вмре, не поляже:
Лыцарство козацьке всякому роскаже"!
(Изъ думы объ Иванѣ Коновченкѣ).

На опушкѣ дубовыхъ и березовыхъ чащъ, чрезъ которыя пролегаетъ, минуя одинокіе лѣсные поселки и хутора, проселочная дорога изъ Черниговщины въ Полтавщину, открывается широкое степное раздолье. Привольно раскинулось оно въ даль и ширь своими нивами и заливными лугами, кое-гдѣ отмѣченными яркими полосами бѣлѣющихъ на солнцѣ песковъ, да темными пятнами селеній и рощей, постепенно сливающихся съ прозрачной дымкой горизонта.

Привѣтливо пестрѣетъ въ темной зелени предмѣстій, на обрывистомъ берегу Удая, городокъ, съ тонущими въ садахъ стройными силуэтами колоколенъ. Шаловливая игра лѣтнихъ облаковъ неуловимыми переливами свѣта и тѣни скользитъ по этой мирной картинѣ, то разсыпая снопы солнечныхъ лучей, то дробясь и сверкая въ легкой рѣчной ряби и стеклахъ город-

[1]) Собранные матеріалы являются частичной попыткой къ осуществленію завѣтнаго желанія незабвеннаго М. А. Максимовича, мечтавшаго о созданіи полной картины „минувшей жизни прилуцкой Украйны" (Сочиненія, т. I, стр. 325).

скихъ оконъ, то загораясь бѣглыми искрами на церковныхъ крестахъ и въ блестящей листвѣ пирамидальныхъ тополей, словно на стражѣ стоящихъ у старинныхъ земляныхъ валовъ. Это—родовое Горленковское гнѣздо, древняя малорусская крѣпость Прилуки, когда-то резиденція полковой старшины славнаго войска запорожскаго, нынѣ уѣздный городъ полтавской губерніи.

Живая страница изъ скорбной лѣтописи Украйны, Прилуки, впервые упомяиутыя въ духовной Владиміра Мономаха, видѣли въ своихъ стѣнахъ чуть ли не всѣ враждебныя Россіи народности, начиная съ половцевъ и кончая шведами. Уже въ отдаленную эпоху нашей исторіи этотъ городъ былъ яблокомъ раздора между Мономаховичами и Ольговичами: въ 1138 г. великаго князя Ярослава Владиміровича правнукъ, Всеволодъ Ольговичъ, съ братьями и половцами городъ «военною рукою бралъ» [1]) и Прилуки окончательно остались за черниговскими князьями. Нашествіе Батыя не пощадило ихъ: въ 1239 году городъ съ окрестностями подвергся страшному разгрому и опустошенію. Завоеванный Гедиминомъ, въ XIV вѣкѣ, онъ перешелъ въ руки литовскихъ князей, а въ 1604 году, входя въ составъ громадныхъ украинскихъ маетностей Вишневецкихъ, былъ разоренъ московской ратью. По изгнаніи изъ Малороссіи князя Іереміи, воеводы русскаго, перваго изъ Вишневецкихъ измѣнившаго «праотеческому благочестію», Прилуки стали полковымъ городомъ войска запорожскаго и управлялись, за непродолжительными перерывами, болѣе полувѣка, полковниками изъ семейства Горленковъ.

Среди родовой малороссійской аристократіи, вышедшей изъ рядовъ «значной» козацкой стершины, Горленкамъ, въ теченіи четырехъ поколѣній давшимъ Малороссіи двухъ наказныхъ гетмановъ и трехъ полковниковъ, безспорно принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ по значенію, которое они имѣли въ гетманщинѣ, такъ и по давности признанія за ними правъ

---

[1]) Лѣтопись Нестора.

дворянства. Выясненіе исторической роли этого старшаго козацкаго рода является цѣлью настоящаго изслѣдованія.

I.

Семейныя преданія Горленковъ считаютъ своихъ предковъ выходцами «изъ Венгровъ»[1]) въ славную Сѣчь запорожскую[2]).

Дошедшіе до насъ письменные памятники не упоминаютъ о нихъ ранѣе половины XVII столѣтія, что легко объясняется хаотическимъ состояніемъ края, во время котораго на вѣки погибла масса драгоцѣнныхъ документовъ. За то украинская *дума*, поэтическая исторія страны, сохранила память объ одномъ изъ членовъ этой фамиліи, повидимому сподвижникѣ доблестныхъ гетмановъ Свѣрговскаго и Зборовскаго, козацкихъ мучениковъ послѣдней трети XVI вѣка.

«Ой, панъ пышный, панъ Свѣрьговскій,[1])
«А ще другій—панъ Зборовьскій,[2])
«А ще третій—Морозенко,
«А четвертый—панъ Горленко»[3])!

Не даромъ, вѣроятно, имя пана Горленка стоитъ на ряду съ именами излюбленныхъ народной поэзіей героевъ; но, за отсутствіемъ историческихъ данныхъ, остаются лишь болѣе или менѣе гадательные выводы, основанные на старинныхъ Горленковскихъ «помянникахъ», конца XVII—начала XVIII столѣтія, въ которыхъ передъ «убіеннымъ Лазаремъ» стоятъ имена Θеодора и Лукьяна[4]).

---

1) Подъ именемъ „Венгерской земли“ часто подразумѣвалась *Угорская Русь*, область населенная древне-свянскимъ племенемъ *русиновъ*, откуда, спасаясь отъ иновѣрческаго гнета, выходило въ козацкую вольницу не мало отважныхъ побориковъ православной вѣры и русской народности.

2) Роспись рода Горленковъ, см. „Кіевск. Стар.“ за іюнь 1886 г.

1) Замученъ турками подъ Киліей 1574 г.

2) Обезглавленъ въ Краковѣ канцлеромъ Замойскимъ 1584 г.

3) *Максимовичъ*, Украинскія народныя пѣсни, т. II, стр. 73.

4) Родъ его милости пана Дмитрія Горленка, полковника прилуцкаго (Семейный архивъ).

«Лазарь Горленко, полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского прилуцкій», какъ титуловался онъ въ современныхъ актахъ, открываетъ собою рядъ дѣятелей, данныхъ родинѣ семьей Горленковъ.

Далеко раздавшійся кличъ къ отчаянной борьбѣ за существованіе, бурнымъ дыханіемъ пронесшійся по Украйнѣ, и грянувшее вслѣдъ за нимъ имя Зиновія Богдана Хмельницкаго застали Лазаря въ рядахъ прилуцкаго полка, не задолго передъ тѣмъ возникшаго на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ основались Горленки. Все поднялось на тотъ призывъ со стихійной, неудержимой силой и молодой козакъ беззавѣтно ринулся въ водоворотъ бранной жизни. Въ битвѣ подъ Зборовымъ, столь знаменательной по своимъ послѣдствіямъ для козачества, прилуцкіе полчане кровью освятили добытыя ими на полѣ сраженія права. 19 августа 1649 г., они были утверждены знаменитымъ Зборовскимъ договоромъ, заключеннымъ въ интересахъ реестроваго козачества. Численность послѣдняго опредѣлялась въ 40,000. Имена этихъ избранныхъ были вписаны въ такъ называемые «Реестры войска запорожскаго», что въ ту пору давало каждому простому реестровому козаку права равныя со шляхтой. Въ представленной королю Яну Казиміру V, въ Варшавѣ, книгѣ реестровъ, имя Лазаря Горленка въ числѣ первыхъ занесено было въ списокъ второй прилуцкой городовой сотни [1]).

Въ суровой боевой школѣ проходило военное воспитаніе Горленка; въ ней выковалась и закалилась его желѣзная натура, надломить которую не могли ни годы, ни испытанія. Слишкомъ десять лѣтъ дѣлилъ онъ съ освободителями Украйны ихъ воинскіе труды, удачи, невзгоды и превратности. Походы смѣнялись походами. Опустошенная и объятая пламенемъ столица Молдавіи, Яссы, кровавымъ заревомъ освѣтила возобновленіе войны съ поляками, завершившейся роковымъ пораженіемъ козаковъ

---

[1]) *Бодянскій*, Реестры войска запорожскаго, Чтенія моск. общ. ист. и др. рос., . 3, стр. 305. Сотникомъ въ ней значился Проценко, а полковникомъ прилуцкимъ былъ извѣстный Тимоѳей Носачъ, впослѣдствіи наказной гетманъ.

подъ Берестечкомъ, гдѣ палъ прилуцкій полковникъ Шкуратъ. Изнемогавшая подъ бременемъ нескончаемыхъ войнъ, Малороссія снова очутилась во власти непріятелей. Вся страна была въ огнѣ, возстанія подавлялись со страшной жестокостью и жители, бросая все, что имѣли, толпами спасались въ великорусскія окраины.

Тяжесть переживаемыхъ бѣдствій отразилась на народномъ міровоззрѣніи и сказалась общимъ упадкомъ духа, усиленнымъ необычайными небесными явленіями. Съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣли украинцы на солнечное затмѣніе, считая его предвѣстникомъ новыхъ кровопролитій, пожаровъ, наводненій, голода и мора. Зараза дѣйствительно появилась весной 1652 года на обѣихъ сторонахъ Днѣпра и свирѣпствовала въ прилуцкомъ полку отъ Тройцына дня до самой зимы. Въ Прилукахъ и ихъ окрестностяхъ вымерло все почти населеніе; люди бросали жилища и бѣжали въ лѣса; по опустѣлымъ селамъ бродили хищные звѣри, терзая непогребенные трупы [1]).

Въ конецъ обезсиленная Украйна, опутанная кознями и измѣной бывшихъ союзниковъ, очутилась въ безвыходномъ положеніи, приведшемъ ее къ Переяславской радѣ. 8-го января 1654 года, Лазарь Горленко, наравнѣ съ прочимъ «товариствомъ», присягнулъ перейти «подъ высоку Государеву руку» [2]) Послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ смута, попеременно бросавшая сбитыхъ съ толку малороссіянъ въ лживыя объятія Турціи, Польши, Швеціи, Седмиградскаго и Придунайскихъ княжествъ, не прекратилась со смертью Богдана Хмельницкаго, а шаткая и безпокойная политика его преемниковъ поддерживала внутреннее неустройство Малороссіи.

Прилуцкій полкъ держался стороны Выговскаго въ его борьбѣ съ Пушкаремъ, полковникомъ полтавскимъ, изъ-за Богданова наслѣ-

---

[1]) Лѣтопись Самовидца, стр. 32: Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, Ригельмана, стр. 173—174.

[2]) Въ январѣ того-же года прилуцкій полкъ былъ приведенъ къ присягѣ бояриномъ Бутурлинымъ.

дія, но когда гетманъ поддался Польшѣ, то прилуцкому полковнику, извѣстному впослѣдствіи Петру Дорошенку, удалось увлечь за собой лишь часть своихъ полчанъ. Остальные, отказавшись поднять оружіе противъ единовѣрной Москвы, вернулись домой и ходатайствовали предъ царемъ о назначеніи имъ другаго полковника. Высланный противъ Выговскаго князь Ромодановскій до полученія отвѣта изъ Москвы поставилъ въ Прилукахъ Воронченка, а къ зимѣ 1658 г. былъ избранъ и утвержденъ полковникомъ Өедоръ Терещенко [1]),

Въ это уже время Горленко, въ званіи сотника сребрянскаго [2]) правившій одною изъ главныхъ сотенъ прилуцкаго полка, бывшей театромъ ожесточенныхъ битвъ и междоусобій, и также оставившій Дорошенка, сталъ быстро выдвигаться изъ среды полковыхъ старшинъ [3]) и, замѣняя отсутствующаго Терещенка въ званіи наказнаго полковника, осенью слѣдующаго года первый сдѣлалъ шагъ къ сближенію съ Москвой. 6 сентября 1659 г. къ воеводѣ князю Трубецкому, шедшему изъ Путивля къ Переяславлю, на Прилуки, явилась депутація съ представителями духовной и свѣтской власти прилуцкаго полка. Во главѣ ея были иченскій протопопъ Адамовичъ, попъ Давидъ и сотники прилуцкій и иченскій. Они привезли боярину грамоту отъ наказнаго полковника прилуцкаго Лазаря Горличенка [4]), который отъ имени своего и всего полка билъ челомъ царю, чтобы тотъ «отдалъ прилуцкимъ жителямъ ихъ вины» и дозволилъ «по прежнему быть въ вѣчномъ его подданствѣ». Принявъ присягу отъ депутатовъ и одаривъ ихъ «великаго государя жалованьемъ, Трубецкій отправилъ съ ними въ Прилуки Неплюева «привести къ вѣрѣ полковника и всякихъ жи-

---

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. IV, стр. 160; Ригельманъ, т. II, стр. 8 и 9.

[2]) Значительное и богатое мѣстечко *Срибное* или *Сребное*, лежащее на р. Удаѣ, по инвентарю кн. Іер. Вишневецкаго, было населеннѣйшимъ пунктомъ въ прилуцкомъ полку.

[3]) Протестація Димитрія Горленка (Архивъ В. П. Горленка).

[4]) Варіантъ фамиліи Горленковъ, встрѣчающійся въ статейныхъ спискахъ средины XVII столѣтія.

телей и обнадежить ихъ милостью великаго государя [1]). Примѣру прилуцкаго полка послѣдовали и сосѣдніе полки и, сойдясь въ Переяславъ на раду «войскомъ, дали булаву» сыну покойнаго Хмельницкаго Юрію [2]).

Неудачный походъ новаго гетмана на Волынь, окончившійся переходомъ его къ Польшѣ, осенью 1660 г., имѣлъ своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ отпаденіе прилуцкаго полка отъ московской державы. Послѣ пораженія Шереметева подъ Чудновымъ, прилучане отчаянно врубились въ сплошныя массы окружавшихъ ихъ татаръ и проложили себѣ дорогу къ главнымъ козацкимъ силамъ. Перейдя Днѣпръ въ качествѣ союзниковъ Ю. Хмельницкаго, польскія войска покрыли сѣтью своихъ отрядовъ всѣ лѣвобережные полки, начиная съ прилуцкаго. Горько отзывалась на послѣднемъ каждая изъ политическихъ перемѣнъ; въ краѣ уже разоренномъ во время предшествовавшихъ войнъ такъ похозяйничали на зимнихъ квартирахъ ляхи и татары, что, какъ доносилъ царю нѣжинскій полковникъ, въ немъ «ужь мало чего цѣлаго осталось [3]).

Зловѣщія тучи безъ просвѣту сгущались надъ несчастной, раздираемой внѣшними и внутренними врагами страной; носились слухи о близкой кончинѣ міра и пришествіи съ востока антихриста [4]), а усобица и смута росли и заполоняли собой всю Украйну. Однако къ веснѣ 1661 года усилія немногихъ сторонниковъ Москвы, убѣжденіями и силой приводившихъ къ покорности отложившихся, увѣнчались успѣхомъ: поляки отступили повсюду. Прилуцкій полкъ, предпочитавшій подчиненію Москвѣ польское главенство, на основаніи гадячскаго договора 1658 года, сдался на краснорѣчивыя увѣщанія наказнаго гетмана Сомка и, обнадеженный обѣщаніемъ «милостиваго жалованья и отпущенія преступленія, хотя невольнаго, со всѣми воло-

---

1) Акты, т. IV, стр. 249, 251.

2) Ibid.

3) Акты, т. V, стр. 44.

4) Лѣтопись Величка, т. II, стр.17.

стями своими наклонился подъ высоку государеву руку». Санкціей этаго шага явилась царская оберегательная «отъ всякихъ наѣздовъ» грамота, за государственной большой печатью, исходатайствованная Сомкомъ [1]).

Въ это самое время Лазарь выступилъ на политическую арену, какъ самостоятельный дѣятель, смѣнивъ на прилуцкомъ полковничествѣ своего продшественника. Съ тѣхъ поръ, съ незначительными промежутками, около тридцати лѣтъ правилъ онъ полкомъ, занимая этотъ важный постъ до самой своей смерти.

II.

«Въ Малой Россіи, говоритъ Шафонскій, три главные паны или командиры почитались: гетманъ, полковники и сотники» [2]).

Дѣйствительно, эти лица, не смотря на выборный характеръ войсковыхъ должностей, пользовались столь обширной, нерѣдко переходившей въ произволъ, властью, что фактически господствовали почти неограниченно въ сферѣ своего управленія.

«Малороссійскій полковникъ», по свидѣтельству того же автора, «въ разсужденіи чина по войсковой генеральной старшинѣ первое занималъ мѣсто, а въ разсужденіи власти по самомъ гетманѣ *первымъ* почитался въ Малой Россіи начальникомъ». Не было отрасли управленія, на которую не распространялось бы его вліяніе. Прочно утвердившись на своемъ урядѣ, во главѣ военнаго и гражданскаго строя ввѣренной ему области «полковникъ былъ такимъ же властелиномъ, какъ и средневѣковой феодалъ. Въ его рукахъ соединялись высшія инстанціи судебная, административная и экономическая. Онъ былъ въ одно и тоже время военачальникомъ и градоначальникомъ, правителемъ всѣхъ военныхъ, полицейскихъ и земскихъ дѣлъ, президентомъ полковаго суда и командиромъ полковой артиллеріи [3]). Какъ въ

[1]) Акты, т. V, стр. 53.

[2]) Описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 91.

[3]) Ibid., стр. 110, 111.

военное, такъ и въ мирное время онъ распоряжался у себя самовластно: имѣлъ право пожалованій, взималъ подати, творилъ судъ и расправу, водилъ своихъ полчанъ на врага и подъ часъ, выступая представителемъ какого-либо самостоятельнаго политическаго движенія, бравировалъ авторитетомъ самаго гетмана.

Неотъемлемыми знаками полковничьяго достоинства были такъ называемые «полковые клейноты»: знамя, жезлъ или *пърначъ* и литавры, всегда находившіеся при особѣ полковника; къ получаемымъ имъ сначала 100 голландскимъ ефимкамъ годоваго жалованья и мельницѣ, вскорѣ были прибавлены «на рангъ» деревни и хутора, въ которыхъ тысячное населеніе работало на содержаніе своего господина[1]. Понятно, что званія этого, часто служившаго переходомъ къ гетманству, домогались даже генеральные старшины, стоявшіе по служебной іерархіи степенью выше полковниковъ.

Будучи, такимъ образомъ, по своему значенію вторымъ лицемъ въ войскѣ, полковникъ управлялъ своимъ полкомъ на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ гетманъ правилъ всей Малороссіей. Какъ и тотъ, онъ имѣлъ свою канцелярію, въ которой предсѣдательствовалъ, а въ отсутствіе свое посылалъ въ нее предложенія, имѣлъ и старшинъ: обознаго, судью, писаря, двухъ асауловъ и хорунжаго, резидировавшихъ «при его боку», въ полковомъ городѣ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, но на дѣлѣ бывшихъ въ полной отъ него зависимости. Полковнику подчинялись еще начальники отдѣльныхъ *сотенъ*, входившихъ въ составъ полка, какъ административной и населенной территоріальной единицы, имѣвшихъ въ свою очередь особыя знамена «корогвы», свои канцеляріи, свою старшину и подраздѣлявшихся на *курени*, которыми завѣдывали атаманы. Въ иной сотнѣ числилось до тысячи козаковъ: она заключала въ себѣ города и села и называлась по имени значительнаго мѣстечка.

[1]) Описаніе черниговскаго намѣстничества, стр. 64.

Подобныхъ сотенъ въ прилуцкомъ полку было сначала двадцать [1]), а впослѣдствіи одинадцать [2]). Онѣ располагались по теченію р. Удая и въ нихъ, кромѣ укрѣпленнаго главнаго города Прилукъ, находилось восемь большихъ мѣстечекъ, 35 селъ и деревень и 547 хуторовъ.

При Богданѣ Хмельницкомъ прилуцкій полкъ былъ по числу козаковъ однимъ изъ самыхъ людныхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра: въ немъ считалось по статьямъ Зборовскаго договора однихъ *реестровыхъ* 2,106 человѣкъ. Число ихъ значительно возросло съ теченіемъ времени [3]), такъ какъ по величинѣ и пространству прилуцкій полкъ принадлежалъ къ самымъ обширнымъ: территорія его охватывала нынѣшній прилуцкій уѣздъ, южную часть нѣжинскаго, борзенскаго и конотопскаго, западную роменскаго и сѣверную пирятинскаго и лохвицкаго уѣздовъ.

Положеніе Прилукъ въ населенномъ и промышленномъ [4]) центрѣ лѣвобережной Украйны, въ краѣ хлѣбородномъ, на большомъ военномъ трактѣ изъ Великороссіи въ Заднѣпровье, дѣ-

---

[1]) Въ 1649 г. прилуцкій полкъ имѣлъ слѣд. сотни: прилуцкихъ 3, шкуратову 1, варвинскихъ 2, срибрянскую 1, дѣвицкую 1, галицкую 1, переволочанскую 1, иченскихъ 2, городенскую 1, иваницкую 1, монастырскую 1, корибутовскую 1, краснянскую 1, голенскую 1, гужовскую 1 и кропивенскую 1 (Реестры Войска Запорожскаго).

[2]) Прилуцкая 1, ичснская 1, переволочанская 1, монастырищенская 1 иваницкая 1, голенская 1, журавская 1, красноколядинская 1, срибрянская 1, первоварвинская 1, второварвинская 1. Корибутовская сотня, слившаяся было съ красноколядинской, въ 1739 г. снова отдѣлилась отъ нея (Шафонскій. Описаніе черниговскаго намѣстничества).

[3]) По ревизіи 1764 г. на 69,169 д. населенія числилось 20,550 козаковъ. Ibid).

[4]) Въ 1665 г. въ прилуцкомъ полку, какъ видимъ изъ лѣтописи Грабянки, бывало 9 ярмарокъ: въ Прилукахъ: на сырной недѣлѣ, на Рождество Предтечи и св. Димитрія, въ Ичнѣ въ Петрово заговѣнье и Ильинъ день, въ Варвѣ въ Петровъ день, въ Красномъ на Николу осенняго и Петрово заговѣнье и въ Срибномъ на Николу осенняго.

лало ихъ однимъ изъ завидныхъ урядовъ. Земледѣліе, скотоводство и пчеловодство всегда процвѣтали въ полку, но особенно прибыльными статьями были винокуреніе, коневодство и селитровареніе. Окрестности Прилукъ издревле славились у великороссіянъ какъ «мѣста жилыя и хлѣбныя, въ которыхъ людскихъ и конскихъ кормовъ вездѣ много» [1]). Въ слѣдствіе легкости продовольствія и удобствъ сообщенія, Прилуки сдѣлались пунктомъ, чрезъ который направлялись ратные царскіе люди на Переяславль, Кіевъ и Чигиринъ. Это-же былъ обычный путь слѣдованія московскихъ пословъ и гонцовъ, ѣхавшихъ въ гетманщину на Путивль и порубежные города.

Теченіемъ Удая, Прилуки дѣлились на двѣ части.

Въ главной, надъ правымъ нагорнымъ берегомъ господствовалъ древній «земляной городъ», обведенный высокими насыпными валами. Глубокій, сухой ровъ опоясывалъ линію укрѣпленій; въ центрѣ высилась цитадель или «замокъ», вмѣщавшій въ своихъ стѣнахъ «дворецъ» полковника и присутственныя мѣста. Тутъ-же стоялъ старинный храмъ во имя св. Николая Чудотворца [2]).

Четверо крѣпостныхъ воротъ выходили на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ, къ Глухову, Пирятину, Ромнамъ и Кіеву. Сторожевыя надворотныя башни носили каждая имя соотвѣтствовавшей дороги. Съ высоты зубчатыхъ двойныхъ стѣнъ и бойницъ полковая «гармата» грозно глядѣла на ютившіяся подъ защитой городскихъ валовъ пестрыя и шумныя предмѣстья, на сверкающіе въ зеленой рамкѣ береговъ серебристые изгибы Удая, да на раскинувшуюся кругомъ узорную сѣть пригородныхъ дорогъ, вьющихся по косогорамъ и греблямъ, между колосящимися пажитями и дальними хуторами, и теряющихся гдѣ-то тамъ, въ безпредѣльныхъ степяхъ, протянувшихся къ западу и юго-востоку. Только къ сѣверу горизонтъ замыкался разбросан-

---

1) Акты, т. X, стр. 155.

2) Шафонскій, Описаніе черниговскаго намѣстничества.

ными по «яркамъ» рощами и лѣсками, постепенно соединявшимися въ одну непрерывную синѣющую цѣпь, зубчатой стѣной вырѣзывавшуюся на блѣдномъ небосклонѣ.

Выѣзды южные и западные расходились радіусами изъ города въ открытую степь; къ сѣверному путь круто спускался подъ гору, къ водѣ, проходилъ чрезъ самый земляной валъ и оттуда лежалъ плотиной чрезъ рѣку, среди шумящихъ вербъ и очерета, и развѣтвляясь на противоположномъ берегу, шелъ влѣво, чрезъ сотенный «городъ» Ичню, въ Борзну, и вправо, на Глуховъ, чрезъ Лапинцы и сотенное мѣстечко Иваницу.

Верстахъ въ семи отъ города, тамъ, гдѣ иваницкій шляхъ, миновавъ пески, углублялся въ лѣса, дорога внезапно сворачивала въ сторону отъ главнаго пути и спускалась въ красивую лѣсную ложбину. Здѣсь, среди яркой и сочной зелени болотныхъ зарослей, на поросшемъ дремучимъ боромъ островѣ, омываемомъ причудливо-извивающимися разливами Удая, надъ кудрявыми верхушками вѣковыхъ дубовъ и липъ, мирно сіяли въ глубокой небесной лазури церковные кресты; отсюда, изъ дикой лѣсной глуши доносился протяжный благовѣстъ, вторившій отдаленному перезвону прилуцкихъ церквей и нарушавшій торжественное безмолвіе чащи. Въ этомъ глубокомъ уединеніи, за зеленымъ лѣснымъ пологомъ, укрылась отъ людскихъ взоровъ и суеты мірской скромная обитель, прославившаяся не сокровищами своихъ храмовъ и ризницъ, а богатствомъ духовнымъ, благодаря которому ей суждено было стать оплотомъ православія и разсадникомъ просвѣщенія во всей восточной Украйнѣ.

Свято-Троицкая Пустынно-Густынская обитель, облагодѣтельствованная Горленками и впродолженіи двухъ вѣковъ служившая имъ родовой усыпальницей, возникла на рубежѣ XVI и XVII столѣтій. Четверо аѳонскихъ иноковъ, прельстившись дикой красотой мѣстности, основали здѣсь «пустынь», развели фруктовый садъ, устроили пасѣку, а лѣтъ четырнадцать спустя, при помощи прилуцкихъ благотворителей и набожной княгини Вишневецкой, создался монастырь на островѣ, носившемъ въ народѣ прозваніе «Густыни» отъ покрывавшей его *густой*, не-

проглядной чащи [1]). Съ тѣхъ поръ продолжалъ онъ нерушимо стоять среди бурь и пламени, охватившихъ окрестный край, превозмогая всѣ невзгоды, гоненія и бѣдствія, и стяжалъ себѣ громкую извѣстность въ лѣтописяхъ южно-русской церкви.

Подъ покровительствомъ государей московскихъ и гетмановъ малороссійскихъ [2]), считавшихъ нравственнымъ долгомъ поддерживать народную святыню, Густынская обитель росла, развивалась и богатѣла, постепенно увеличивая свои владѣнія и доходы. Монастырскіе грунты, сѣножати, лѣса и млины были разбросаны по различнымъ сотнямъ прилуцкаго полка, а заселявшаяся вокругъ мѣстность, съ возникавшими по берегамъ Удая слободами, становилась въ зависимость отъ монастыря и была обязана въ пользу его различными повинностями [3]), характеръ и размѣръ коихъ опредѣлялись полковникомъ, тщательно регулировавшимъ отношенія своихъ полчанъ къ монастырскимъ властямъ.

Въ тѣсной связи съ Густынею находился получившій отъ нея свое начало Покровскій Ладинско-Подгорскій монастырь, основанный въ 1619 году, въ живописномъ гористомъ мѣстоположеніи надъ Удаемъ, близь сотеннаго прилуцкаго мѣстечка Журавки. Вскорѣ онъ былъ преобразованъ въ женскій и первой его игуменьей была сестра извѣстнаго густынскаго настоятеля и подвижника, впослѣдствіи митрополита кіевскаго, Исаіи Копинскаго.

---

[1]) Лѣтопись св. Троицкаго Пустынно-Густынскаго монастыря. 1849 г. М.

[2]) Архивъ Густынскаго монастыря содержитъ значительное число прекрасно сохранившихся привиллегій, грамотъ, универсаловъ и листовъ князей Михаила Корибута и Іереміи Вишневецкихъ, княгини Регины (Могилянки) Вишневецкой, князя Симеона Лыка, царя Алексѣя Михайловича, короля Яна Казиміра, гетмановъ: Богдана Хмельницкаго, Выговскаго, Брюховецкаго, Дорошенка, Многогрѣшнаго, Самойловича, Мазепы, Скоропадскаго, Данила Апостола и графа Разумовскаго, полковниковъ прилуцкихъ: Дорошенка, Терещенка, Чернявскаго, Лазаря Горленка, Мащенка, Третьяка, Стороженка, Димитрія Горленка и другихъ, воеводы князя Трубецкаго, полковника полтавскаго Жученка и т. д.

[3]) Главнѣйшими были поддержка и починка монастырскихъ гребель (плотинъ), служившихъ единственнымъ сообщеніемъ острова съ берегомъ, но ежегодно размываемыхъ Удаемъ.

Первоначальными строителями и защитниками Густынскаго и Ладинскаго монастырей были тогда еще православные и могущественные князья Вишневецкіе, а затѣмъ охранителями ихъ интересовъ сдѣлались полковники прилуцкіе, къ уряду которыхъ естественно тяготѣли обѣ обители, въ частности всегда бывшія особенно близкими семейству Горленковъ.

III.

Въ началѣ мая 1661 года, въ третье воскресенье послѣ Пасхи, происходила на большемъ полѣ подъ Нѣжиномъ, при громадномъ стеченіи народа, торжественная присяга на вѣрноподданство царю Алексѣю Михайловичу покорившагося прилуцкаго полка. Вмѣстѣ со своими полчанами и полковникъ Горленко «цѣловалъ предъ св. Евангеліемъ крестъ на вѣрную службу», въ присутствіи наказнаго гетмана Сомка и царскихъ представителей, кн. Ромодановскаго, стольника Зміева, другихъ воеводъ и старшинъ всего войска запорожскаго.

По окончаніи церемоніи, было приступлено къ выборамъ гетмана, что возбудило сразу страстныя пререканія. Голоса раздѣлились: нѣжинцы требовали избранія своего полковника, Золотаренка, а за доблестнаго Якима Сомка стояли всѣ прочіе полки, въ томъ числѣ и прилуцкій, гдѣ онъ «полковникувалъ» одно время [1]. Споры были неожиданно прерваны извѣстіемъ о приближеніи Ю. Хмельницкаго, который шелъ на Переяславль съ крымскимъ ханомъ и поляками, провѣдавъ о готовившемся ему соперникѣ въ лицѣ избираемаго гетмана. Пришлось радѣ поспѣшно разойтись, ничѣмъ не покончивъ и не успѣвъ, «противъ обычая давняго, того гетмана обрать, кого все войско любитъ». Общимъ совѣтомъ рѣшено было, отложивъ раду до болѣе благопріятнаго времени, немедленно отправить въ Москву представителей вновь присягнувшихъ полковъ съ челобитьемъ, въ которомъ Сомко, Горленко и пять остальныхъ «вѣрныхъ» полковниковъ, просили царя о назначеніи имъ гетмана и о при-

---

[1]) Величко, т. I, стр. 119.

сылкѣ на раду особы «отъ боку своего», а въ названные полки воеводъ съ ратными людьми [1]).

Прямо изъ-подъ Нѣжина Лазарь со своими козаками поспѣшилъ на югъ, для преграждевія непріятелю пути въ полтавскій полкъ, гдѣ еще держались послѣдніе мятежники. 16-го мая предводители дѣйствовавшаго двадцатитысячнаго отряда, Горленко, Животовскій и воевода Косаговъ сообщили Сомку, изъ лагеря на греблѣ Шиповой, радостную вѣсть объ окончательномъ умиротвореніи края: Полтава сдалась безъ боя, бывшій полковникъ Жученко принесъ повинную, а новоизбранный, со всѣми жителями города, былъ приведенъ къ присягѣ Горленкомъ и капитаномъ солдатскаго строя Толстымъ [2]).

Похвальная царская грамота отъ 29-го мая была наградой прилуцкому полковнику за военныя заслуги.

Все слѣдующее лѣто, осень и зима прошли въ непрерывныхъ военныхъ дѣйствіяхъ и только въ концѣ весны, послѣ неудавшейся вторичной попытки избрать гетмана, полученъ былъ указъ великаго государя объ учиненіи «полной» рады. Мѣстомъ ея предполагалось назначить Прилуки [3]) и уже были разосланы приглашенія по всѣмъ полкамъ, какъ новое вторженіе Ю. Хмельницкаго заставило опять козаковъ взяться за оружіе.

Въ то время, какъ съ перемѣннымъ счастьемъ шло единоборство Москвы съ Польшей изъ-за обладанія Украйной, внутренняя рознь и несогласія не переставали разъѣдать войско малороссійское. Въ средѣ его происходила ожесточенная борьба партій «городоваго» и «сѣчеваго» козачества, представителей началъ аристократическаго и демократическаго,—борьба не прекращавшаяся съ того самаго 1660 года, когда запорожцами былъ выдвинутъ въ качествѣ кандидата на гетманскую булаву кошевой атаманъ Брюховецкій. Ловкій и смѣлый честолюбецъ

---

1) Акты, т. V, стр. 56, 57, 60.

2) Ibid., т. V, стр. 64, 69.

3) Акты, т. V, стр. 106

искусно повелъ игру, опираясь, съ одной стороны, на свою приверженность къ московскому правительству, а съ другой—на преданность интересамъ народной массы. Въ короткое время онъ съумѣлъ пріобрѣсти среди простыхъ козаковъ большую популярность; въ вліятельной старшинѣ онъ уже издавна заискивалъ, не скупясь на тонкую лесть, щедрыя обѣщанія и подарки. Почуявъ опаснаго соперника, враждовавшіе полковники тѣснѣе сплотились вокругъ Сомка и въ соборной церкви прилуцкаго сотеннаго мѣстечка Ични присягнули ему на гетманство [1]). Однако льстивыя посланія Брюховецкаго къ знаменитому «пану полковнику прилуцкому» сдѣлали свое дѣло и посѣяли смуту въ Прилукахъ, до сихъ поръ вѣрныхъ Сомку: къ сношеніямъ Горленка съ Запорожьемъ отнеслись подозрительно и послѣдствіемъ этого въ концѣ 1662 года было появленіе въ званіи прилуцкихъ полковниковъ, сначала Терещенка, а вскорѣ затѣмъ и Дмитрія Чернявскаго [2]).

Но развязка близилась: дни противниковъ Брюховецкаго уже были сочтены.

Собравшаяся подъ Нѣжиномъ въ іюнѣ 1663 года кровавой памяти «черная рада» по своему рѣшила вопросъ въ пользу запорожскаго кошеваго, провозглашеннаго «вольными голосами» гетманомъ Малороссіи. Въ рѣшительную минуту приверженцы Сомка были покинуты своими полками и схвачены подъ предлогомъ измѣны царю, частью отданы на войсковую расправу, частью сосланы въ Москву, а оттуда въ Сибирь [3]). Послѣдней участи подвергся и прилуцкій полковникъ Чернявскій.

Новоизбранный гетманъ лѣвой стороны Днѣпра шагнулъ къ власти чрезъ трупы казненныхъ имъ соперниковъ. Трудно опредѣлить роль Горленка въ разыгравшейся въ Борзнѣ трагедіи, но извѣстно, что въ числѣ судей, изрекшихъ смертный приговоръ злосчастному Сомку и его друзьямъ, уже находился по-

---

1) Лѣтопись Самовидца, стр. 72, 74.

2) Архивъ Густынскаго монастыря и архивъ Маркевича, № 341.

3) Самовидецъ, стр. 77.

ставленный Брюховецкимъ въ Прилукахъ новый полковникъ, Данило Песоцкій [1]).

Судьба, казалось, сама хотѣла уничтожить всякое воспоминаніе о столь трагически завершившемся гетманствѣ Якима Сомка: страшный пожаръ испепелилъ Ичню и ту церковь, гдѣ за годъ передъ тѣмъ наказной гетманъ принялъ присягу отъ прилуцкаго полка, въ тотъ самый день, какъ Сомко и его единомышленники были взяты подъ стражу.

IV.

Временно заслоненный быстро смѣнявшимися событіями, Лазарь Горленко вскорѣ былъ снова вынесенъ силою ихъ теченія на сцену малорусской исторіи, въ тотъ бѣдственный ея періодъ, который запечатлѣлся въ памяти народной подъ характернымъ эпитетомъ «руины».

На первыхъ же порахъ своего гетманства, Брюховецкому пришлось считаться съ выдвинутымъ Польшей вмѣсто Хмельницкаго новымъ претендентомъ. Польскій ставленникъ, Павелъ Тетеря, перешелъ Днѣпръ и вторгся въ прилуцкій полкъ лютой зимой 1663 года. «Въ ту зиму», по образному выраженію современника, «на плечахъ козацкихъ и всей Украины были король съ коронным, литовскимъ и нѣмецкимъ войскомъ, Чарнецкій, три салтана съ ордой и Тетеря съ измѣнниками» [2]). Янъ-Казиміръ V съ полчищами хана Мехметъ-Гирея проникъ въ самое сердце лѣвобережной Украйны. Его военачальники, коронный гетманъ Потоцкій, Янъ Собѣсскій и кровожадный Чарнецкій, хорошо памятный своими страшными неистовствами въ Брацлавщинѣ въ 1653 году, огнемъ и мечемъ обозначали свой слѣдъ. На пути ихъ одни за другими, послѣ ожесточеннаго отпора, падали города и мѣстечки прилуцкаго полка. Взяты Монастырище, Ичня и Прилуки, гдѣ Тетеря, оставивъ «залогу», двинулся далѣе на сѣверъ, по глуховской военной дорогѣ, къ

[1]) Исторія Россіи, Соловьева, т. XI.

[2]) Акты, т. V, стр. 256.

Ичнѣ, на соединеніе съ королевскимъ войскомъ. Сотенное мѣстечко Монастырище, въ наказаніе за геройское сопротивленіе было выжжено и разграблено польскими жолнѣрами и козаками Тетери, а населеніе его огуломъ отдано въ полонъ татарамъ, не смотря на заступничество передавшагося полякамъ прилуцкаго полковника Песоцкаго [1]). Подъ Глуховымъ счастье измѣнило наконецъ непріятелямъ; Брюховецкій и Ромодановскій нанесли имъ рѣшительный ударъ и заставили въ безпорядкѣ отступить за Днѣпръ, куда былъ такимъ образомъ перенесенъ центръ военныхъ дѣйствій.

По измѣнѣ Песоцкаго, прилуцкое полковничество было возвращено Горленку, мужественно бившемуся съ Чарнецкимъ и буджацкой ордой и блистательно заявившему свои военныя качества во время заднѣпровскихъ походовъ къ Чигирину. Однако въ концѣ октября 1664 года, когда перевѣсъ оказался на сторонѣ превосходнаго по численности непріятеля, прилуцкому полку, оставленному «залогой» въ очищенной отъ поляковъ мѣстности, пришлось очень плохо. Занявшіе Лысянку [2]) со своими козаками Горленко и Витязенко, отрѣзанные отъ главныхъ силъ, очутились въ отчаянномъ положеніи. Гетманъ, запертый въ Каневѣ, не могъ выручить отряда, тщетно умолявшаго чрезъ перебѣжчиковъ о настоятельной помощи и въ свою очередь усиленно просилъ царя Алексѣя Михайловича о подкрѣпленіяхъ, «дабы», какъ писалъ онъ, «закрой Боже, въ Лысянкѣ какая отъ непріятелей поруха не учинилась» [3]).

Цѣлыхъ пять недѣль отбивался Горленко, «не щадя головы своей и не сдаваясь ни на какія непріятельскія прелести и подсылки» осаждавшихъ его Чарнецкаго и Тетери [4]). Стойкость прилучанъ и безуспѣшность приступовъ охладили пылъ нападав-

---

[1]) Самовидецъ, стр. 80; Ригельманъ, т. II, стр. 72.

[2]) Укрѣпленное мѣстечко звенигородскаго уѣзда кіевской губерніи, гдѣ въ 1639 году населеніе было поголовно вырѣзано поляками.

[3]) Акты, т. V, стр. 233—234.

[4]) Жалованная на дворянство грамота Горленку 1665 г. (Семейн. архивъ).

шихъ и въ декабрѣ поляки, снявъ осаду и отступивъ къ Кіеву, дали Горленку возможность соединиться съ гетманомъ.

Военныя дѣйствія затягивались, такъ какъ враги расположились зимовать на Украйнѣ.

Положеніе «матери городовъ русскихъ», самого Кіева, становилось весьма критическимъ. Охваченный желѣзнымъ кольцемъ непріятельскихъ отрядовъ, городъ былъ совсѣмъ изолированъ; запасы истощились, подвозу не было ни откуда. Слабый и до того кіевскій гарнизонъ рѣдѣлъ съ каждымъ днемъ, съ голодухи перебѣгая къ непріятелямъ. Ратнымъ людямъ, уже девятнадцать мѣсяцевъ не получавшимъ ни кормовыхъ денегъ, ни жалованья, нечего было ѣсть, даже начальные, не выдержавъ лишеній, стали передаваться полякамъ или, чтобы какъ-нибудь прокормиться, распродавали оружіе, амуницію, лошадей и послѣднее платье. Къ довершенею бѣды, кіевляне, потерявъ надежду на помощь и видя, что съ голоднымъ, едва прикрытымъ отъ холода людомъ, вдобавокъ изнуреннымъ постоянной караульной службой, не удержать ветхихъ полуразвалившихся укрѣпленій, стали сноситься съ непріятелями чрезъ проникавшихъ въ городъ лазутчиковъ и польскихъ купцевъ. Воеводѣ кіевскому Чаадаеву, сидѣвшему безъ денегъ и хлѣба, поневолѣ приходилось быть безсильнымъ свидѣтелемъ полной деморализаціи подвластнаго ему города [1]).

Жалкое положеніе Кіева обратило наконецъ вниманіе государя и по его требованію гетманъ 25 генваря отправилъ въ Кіевъ хлѣбные запасы, а на усиленіе гарнизона отрядилъ изъ Канева, по царскому указу, Горленка съ его полкомъ, предписавъ ему пробиться къ Кіеву и стать на Подолѣ, чтобы съобща съ ратными людьми «чинить промыселъ» надъ непріятелемъ и отвлечь его силы къ Полѣсью [2]).

Не прошло и пяти сутокъ со дня выступленія Горленка, какъ отъ него прибылъ въ Каневъ гонецъ съ письмомъ, возбу-

---

[1]) Акты, т. V. стр. 235. Донесеніе полковника Гамильтона.

[2]) Акты, т. V, стр. 246.

дившимъ въ главномъ лагерѣ Брюховецкаго сильнѣйшее негодованіе.

Горленко писалъ гетману, что въ Кіевѣ козаковъ встрѣтилъ столь неожиданный пріемъ, что они «никогда такого безчестія на себя быти не чаяли». Оказалось, что кіевскій воевода, по внушеніямъ мѣстнаго войта, не ладившаго съ Брюховецкимъ, ярымъ противникомъ городовыхъ привиллегій, и опасавшагося козацкой стоянки чуть-ли не болѣе непріятельскаго нашествія, не только приказалъ затворить городскія ворота передъ прилуцкимъ полкомъ, не велѣвъ пропускать «ни единаго изъ товариства, какъ измѣнниковъ его царскаго просвѣтлаго величества», но даже отказался ихъ «на малый часъ» впустить, для временной стоянки «на своихъ харчахъ». Самого полковника, Лазаря, настойчиво требовавшаго объясненій у воеводы, Чаадаевъ едва согласился принять у себя, въ Печерской крѣпости, и тутъ произошелъ у нихъ разговоръ, «какъ у волка съ овцой». Думный дворянинъ, давно уже возстановленный противъ Брюховецкаго, не стѣсняясь высказалъ Горленку, что онъ гетмана и его распоряженія не ставитъ ни во что[1]).

Письмо было помѣчено «31 генваря изъ подъ Кіева на лугу».

Такимъ образомъ, отрядъ высланный на помощь Кіеву, очутился между двухъ огней. Прилучанамъ, «какъ нетребникамъ какимъ», пришлось етать на выгонѣ, подъ городскими стѣнами, на лютой зимней стужѣ, безъ съѣстныхъ запасовъ и конскаго корму. Повсюду кругомъ были непріятели[1]), со дня на день грозившіе раздавить и уничтожить отрядъ прилуцкаго полковника. Со всѣхъ сторонъ получались вѣсти о приближеніи Чарнецкаго, уже занявшаго Мотовиловку и творившаго звѣрскую расправу съ сопротивлявшимися, не давая пощады ни полу, ни возрасту. Сотники бориспольскій и воронковскій письменно убѣждали Горленка не медлить болѣе, въ виду подозритель-

---

[1]) Акты, т. V, стр. 251. Письмо Горленка.

[2]) Въ Васильковѣ, Новоселкахъ, Безрадичахъ, Бояркѣ, Дымерѣ и т. д.

поведенія печерскихъ чернецовъ, переговаривавшихся съ врагами и поспѣшить занять укрѣпленія печерской горы, а кіевляне и слышать не хотѣли о томъ, чтобы пустить козаковъ въ городъ [1]).

Такъ какъ всѣ отписки и запросы гетмана къ Чаадаеву оставлялись безъ отвѣта, то Брюховецкій, близко принявъ къ сердцу оскорбленіе, нанесенное войску запорожскому въ лицѣ Горленка, обратился прямо къ государю, увѣдомляя его о происшедшемъ и препроводивъ къ нему собственное письмо Лазаря. Принося жалобу на воеводу, дерзнувшаго не оказать довѣрія и противиться посланному именемъ царскимъ полковнику, гетманъ привлекалъ вниманіе государя на то, что великое безчестіе это было нанесено военачальнику особенно избранному, извѣстному всѣмъ своими заслугами и непоколебимой преданностью царю. «Лазарь Горленко, полковникъ вѣрнаго войска вашего царскаго пресвѣтлаго величества запорожскаго прилуцкій», писалъ онъ, «вѣрне вашему царскому пресвѣтлому величеству служачи, прошлыя зимы, по отходѣ короля польскаго, тое стороны заднѣпровскіе городы, отчину вашего царскаго пресвѣтлаго величества отъ непріятеля очищалъ и, не щадя здоровья своего, за достоинство пресвѣтлаго престола и благородныхъ наслѣдниковъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества... противъ непріятеля стоячи, многи на себѣ раны отнесъ» [2]).

Чаадаевъ въ свою очередь не жалѣлъ обвиненій противъ гетмана и его козаковъ, приписывая даже прекращеніе подвоза хлѣба не столько страху предъ поляками, сколько безчинствамъ гетманскихъ людей, грабившихъ по большимъ дорогамъ. «Волокита» тянулась, время уходило и прилуцкій полковникъ, вмѣсто того, чтобы съ кіевлянами ударить на общаго врага, продолжалъ стоять въ бездѣйствіи, «на лугу», не взирая на представляемыя имъ воеводѣ письма и копіи съ царскихъ указовъ. Уже поляки, узнавъ, въ чемъ дѣло, пріостановили свое отступленіе и гетманъ выражалъ царю опасеніе, что надъ слу-

---

[1]) Ibid.

[2]) Акты, т. V, стр. 250. Письмо Брюховецкаго отъ 3 февраля.

чившимся враги «не токмо тѣшитися будутъ», но станутъ смѣло тѣснить Кіевъ и другіе города [1]).

Скоропостижная смерть Чарнецкаго положила конецъ продолжавшемуся цѣлый мѣсяцъ безъвыходному положенію Горленка.

V.

Весной 1665 года, съ замѣной умершаго Чарнецкаго княземъ Яблоновскимъ, дѣла поляковъ пошли хуже. Въ апрѣлѣ сдался Корсунь, причемъ попало въ плѣнъ важное лице—наказной гетманъ Тетери Носачъ, бывшій при Хмельницкомъ полковникомъ прилуцкимъ, а 21-го мая самъ Яблоновскій подъ Бѣлой Церковью былъ разбитъ на голову соединенной велико и малорусской ратью, съ помощью пришедшей съ Хитровымъ калмыцкой орды. Торжествовавшій гетманъ, «наскоро» снарядивъ въ Москву своего гонца, Селецкаго, извѣстилъ государя, что отправляетъ къ нему «Лазаря полковника прилуцкаго», который объявитъ его царскому пресвѣтлому величеству о радостномъ событіи и «объ иныхъ дѣлахъ простране» [2]).

26-го мая козацкое посольство, съ Горленкомъ во главѣ, выѣхало изъ Канева и, переправившись чрезъ Днѣпръ у Переяславля, прослѣдовало чрезъ Прилуки и Нѣжинъ въ Великороссію. Въ свитѣ посла находился старшій сынъ его, Петръ, несшій уже боевую службу подъ руководствомъ отца и только что побывавшій на Запорожьѣ—въ воинской школѣ тогдашней молодежи [3]). Въ посольскомъ обозѣ ѣхали, подъ крѣпкой охраной, живые подарки царю—взятые въ плѣнъ подъ Бѣлой Церковью нѣмцы и поляки, между которыми былъ капитанъ солдатскаго строя и пять шляхтичей различныхъ хоругвей.

Около 20-го іюня посольство совершило свой въѣздъ въ столицу и ударило челомъ отъ имени гетмана и всего войска запорожскаго царю Алексѣю Михайловичу, царевичамъ, ближ-

---

[1]) Акты; т. V, стр. 252.
[2]) Ibid., т. VI, стр. 281.
[3]] Акты, т. VI, стр. 283.

нему боярину Салтыкову, вологодскому намѣстнику и другимъ приближеннымъ вельможамъ. Въ аудіенціи малороссійскій посолъ принесъ его царскому пресвѣтлому величеству поздравленія «съ значной надъ ляхами побѣдой, идѣже гусарскаго, рейтарскаго панцырнаго, козацкаго и нѣмецкаго люду не мало на вступномъ бои пропало», и благодарилъ государя за присылку вспомогательныхъ калмыцкихъ войскъ.

По принятому въ Москвѣ обычаю, Горленко съ товарищами посѣтили завѣдывавшаго приказомъ Малой Россіи, думнаго дьяка Ивана Поликарповича и были распрашиваемы о политическихъ событіяхъ на югѣ. Приведенные плѣнные «языки» также подверглись «распроснымъ рѣчамъ» [1]).

Изложивъ общій ходъ военныхъ дѣйствій въ Полѣсьѣ и на Украйнѣ и коснувшись затѣмъ состоянія Польши и Крыма, Горленко указалъ на затруднительное положеніе гетмана, ведущаго войну на свой страхъ и рискъ, съ далеко недостаточными силами. То обстоятельство, что ему уже два года не присылали московскихъ ратныхъ людей, поколебало его авторитетъ и истолковывалось его недоброжелателями въ смыслѣ неблаговоленія московскаго правительства; отступленіе къ Бѣлгороду стряпчаго Тухачевскаго являлось какъ-бы оправданіемъ этихъ злонамѣренныхъ слуховъ и еще болѣе смущало малороссіянъ. Прося, вслѣдствіе этого, ускорить присылку подкрѣпленій, прилуцкій полковникъ сослался на благопріятный оборотъ, принятый дѣлами съ приходомъ 7000 калмыцкой орды. По его словамъ, козаки очень цѣнили своихъ дикихъ союзниковъ и всячески ухаживали за ними, продовольствуя ихъ «добрымъ товаромъ, овечками, хлѣбомъ, медомъ, пивомъ, виномъ, тютюномъ» [2]). Дѣйствительно, эти страшные на видъ кочевники, къ тому же не-

---

1) Акты, т. VI, стр. 283.

2) Интересно сопоставить донесеніе Горленка съ свидѣтельствомъ Самовидца, характеризующаго видъ калмыковъ слѣдующимъ образомъ: „а потрава онымъ *всякій звѣрь, що есть на свѣтѣ;* ничѣмъ ся не бридятъ: и мишь, жаба, свиня, только сирѣчь рака единаго не люблятъ и бридятся ракомъ“. (Самовидецъ, стр. 88).

примиримые враги крымцевъ, однимъ своимъ появленіемъ приводили татаръ въ какой-то суевѣрный ужасъ. Сынъ Лазаревъ, молодой Горленко, замѣтилъ, что бывши въ Запорожской Сѣчи, онъ видѣлъ побѣдоносное возвращеніе остальной части калмыцкой орды изъ-подъ Перекопа, гдѣ она, вмѣстѣ съ извѣстнымъ кошевымъ атаманомъ Сѣркомъ, разгромила шедшаго было на Украйну мурзу Карачъ-бея и сожгла татарскіе улусы по черноморскому побережью [1]).

Возложенная на Лазаря Горленка дипломатическая миссія требовала не только извѣстной подготовки и опытности, но и предполагала основательное знакомство съ возбуждаемыми ею разнообразными вопросами. Данныя ему письменныя инструкціи были весьма обширны: въ тринадцати пунктахъ «информаціи» были перечислены дѣла, какъ свѣтскія, такъ и духовныя, о которыхъ посолъ былъ уполномоченъ вести переговоры съ царемъ и его совѣтниками [2]). Брюховецкій поступался уже своими и всей страны правами съ цѣлью укрѣпить собственное непрочное положеніе. Горленку поручено было хлопотать о присылкѣ въ кіевскую митрополію великорусскихъ духовныхъ властей изъ Москвы, «дабы», какъ говорилось въ «информаціи», »чинъ духовный кіевскій къ лядскимъ митрополитамъ не метався и изъ послушанія святѣйшихъ патріарховъ московскихъ не удалился», но чтобы тѣмъ самымъ «Русь Малая, услышавъ о присланіи русскаго на митрополію строителя, утверждалась и подъ высокою его царскаго пресвѣтлаго величества рукою укрѣплялась». Вмѣстѣ съ тѣмъ Горленко просилъ обуздать малорусскихъ «поповъ», безъ вѣдома гетманскаго и войсковаго, ѣздящихъ въ Москву «выправлять себѣ маетности» на счетъ козаковъ, чтобы затѣмъ ихъ же самыхъ, «которые головы свои, съ непріятелями бьючися, полагаютъ»— облагать повинностями и изгонять изъ своихъ помѣстій [3]). Кромѣ того инструкціи касались спеціальныхъ вопросовъ ратнаго

---

[1]) Акты, т. VI, стр. 283.

[2]) Ibid., стр. 281.

[3]) Акты, т. VI, стр. 281, § 8 и § 12.

дѣла, между прочимъ, основанія селитренныхъ майдановъ для снабженія войскъ порохомъ, вопроса продовольственнаго, вопросовъ о жалованьи, подкрѣпленіяхъ, а также соображеній, намѣреній и плановъ гетмана относительно начавшейся компаніи.

Не забыто было, ни Брюховецкимъ, ни Горленкомъ, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ управленіи гетманскомъ,—вопросъ о городовыхъ привиллегіяхъ, данныхъ королями польскими по магдебурскому праву нѣкоторымъ украинскимъ городамъ,—привиллегіяхъ, ограничивавшихъ гетманскую власть и послужившихъ исходной точкой несогласій между гетманомъ и кіевскимъ воеводой, защитникомъ интересовъ горожанъ. Жалобы на неправды и насилія Чаадаева были перечислены въ двухъ особыхъ параграфахъ и Горленко не преминулъ довести до свѣдѣнія государя «о своемъ и всего полку прилуцкаго безчестіи, которое отъ думнаго дворянина пріялъ, чѣмъ непріятель радовался, а войско запорожское въ смятеніе пришло было, что купцовъ львовскихъ и инших ляцкихъ въ Кіевъ пускали, а вѣрныхъ людей государевыхъ, которые кровъ свою проливаютъ, пустити не хотѣли» [1]).

Оскорбленіе, нанесенное прилуцкому полковнику и его полчанамъ, не осталось безъ возмездія: замѣна Чаадаева княземъ Львовымъ была ближайшимъ послѣдствіемъ миссіи Горленка, а вскорѣ бывшій кіевскій воевода, «по слезной челобитной», былъ окончательно отозванъ въ Москву и уволенъ вовсе отъ должности [1]).

Тревожныя вѣсти изъ Малороссіи ускорили возвращеніе Лазаря и его товарищей.

VI.

Снова зашумѣло, заволновалось козачество на Украинѣ.

На смѣну сошедшему со сцены правобережному гетману Тетерѣ выступилъ новый противникъ союза съ Москвою, искатель гетманской булавы. Это былъ хорошо знакомый прилучанамъ

---

1) Акты, т. VI, стр. 281.

2) Акты. т. VI. стр. 287

Петръ Дорошенко, бывшій у нихъ въ 1657—59 годахъ полковникомъ, имѣвшій когда-то «великіе бои» съ Ромодановскимъ, Куракинымъ, Шереметевымъ и Трубецкимъ [1]).

Не смотря на наступившія на правой сторонѣ Днѣпра смутныя обстоятельства, грозившія замѣшательствомъ и въ лѣвобережной Украйнѣ, Брюховецкій не счелъ возможнымъ долѣе откладывать свою поѣздку въ Москву, куда его не переставали звать, и рѣшилъ лично представиться царю, чтобы разрѣшить нѣкоторые неотложные вопросы, отчасти уже подготовлеенны предшдствовавшей миссіей Горленка.

Во время своего отсутствія, Брюховецкій поставилъ въ Каневѣ, служившемъ ему наблюдательнымъ пунктомъ и операціоннымъ базисомъ на правой сторонѣ, наказнымъ гетманомъ своего любимца, переяславскаго полковника Ярмоленка, съ прилуцкимъ и другими тремя полками [2]).

Отсутствіе желѣзной руки, сдерживавшей козацкую «шатость» и своеволіе, сказалось очень скоро по отъѣздѣ гетмана и старшинъ. Въ Каневѣ началось броженіе, принимавшее все большіе размѣры, въ виду угрожающаго положенія Дорошенка, готовившагося совмѣстно съ крымской ордой къ набѣгу на лѣвую сторону Днѣпра. Бывшіе при Ярмоленкѣ лѣвобережные полковники, опасаясь за свои дома, стали разъѣзжаться по своимъ полкамъ, чтобы приготовиться къ ихъ защитѣ, да и простыхъ козаковъ едва можно было удержать въ Каневѣ. Оставленные подъ начальствомъ наказнаго полковника Стычинскаго прилучане на отрѣзъ отказались повиноваться и не пошли въ Полѣсье, куда ихъ посылалъ наказной гетманъ, для охраны отъ непріятелей важнаго пункта—переправы близь Дымера [3]).

Между тѣмъ гетманъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій прибылъ 13 сентяаря наступившаго 1666 (по старому лѣтосчисленію) года въ Москву съ блестящей свитой изъ 500 съ

---

1) Ibid., т. V, стр. 251.

2) Акты, т. VI, стр. 61.

3) Акты, т. VI, стр. 41. Костомаровъ, Монографіи, т. XV, стр. 94.

лишнимъ лицъ и былъ принятъ съ большимъ почетомъ и пышностью, какъ высокая владѣтельная особа. Тутъ-то онъ отъ имени своего, генеральной старшины и полковниковъ «ударилъ челомъ всѣми малороссійскими городами и мѣстами и мѣстечками и съ слободами и съ уѣздами и со всякими доходы»[1]).

Царскія милости не замедлили щедро посыпаться на участниковъ этого рѣшенія, осуществовившаго завѣтныя стремленія московской политики. Гетманъ былъ возведенъ въ небывалое на Украйнѣ боярское достоинство, бывшіе съ нимъ старшины, а также вліятяльнѣйшіе изъ отсутствовавшихъ, пожалованы вотчинами и россійскимъ дворянствомъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ Горленко, лично извѣстный государю и московскому правительству [2]).

По грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 17 ноября 7174 г. (1665 г.), данной «въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ» [3]), Лазарь Горленко, полковникъ прилуцкій, «за многія службы, храбрость и непоколебимую вѣрность... написанъ во дворяне» и пожалованъ «селомъ Ольшаною [4]), въ прилуцкомъ полку, въ 50 дворовъ, со всѣми угодіи» [5]).

---

[1]) Полное собраніе законовъ Россійской имперіи, т. I, стр. 613. По списку, представленному царю, въ прилуцкомъ полку числились слѣд. города, или крупныя мѣстечки, обведенныя рвами, валами и деревянными укрѣпленіями: Прилуки, Ичня, Красный (Колядинъ), Сребное, Варва, Иваница, Переволочная и Журавка; послѣдняя была совсѣмъ разорена. (Акты, т. VI, стр. 19).

Уполномоченными отъ прилуцкаго полка при гетманѣ были сотникъ прилуцкій Тищенко и сотникъ краснянскій Сычъ. (Ригельманъ, ч. II, стр. 88).

[2]) Акты, т. VI, стр. 15.

[3]) Подлинникъ хранится въ губернскомъ черниговскомъ архивѣ.

[4]) Нынѣ село прилуцкаго уѣзда, въ 15 верстахъ отъ Прилукъ; населенія свыше 300.

[5]) Божіею милостію, мы, великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ (слѣдуетъ большой титулъ), пожаловали есмя нашего царскаго величества Войска Запорозскаго, прилуцкаго полковника, Лазаря Горленка, за его къ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, многія службы. Какъ подъ нашею государскою высокодержавною рукою учинилась въ подданствѣ предковъ нашихъ, великихъ государей, князей россійскихъ и нашего царскаго величества отчина, Малая Россія, и онъ, Лазарь, служилъ намъ, великому государю, нашему

На память о пребываніи въ гостяхъ у великаго государя малороссіяне получили богатые подарки. Царь прислалъ каждому изъ полковниковъ по драгоцѣнному кубку, сороку соболей въ 80 р. сорокъ, куску дорогой шелковой матеріи и штукѣ англійскаго сукна.

царскому величеству, по своему обѣщанію вѣрно и противъ непріятелей стоялъ твердо и мужественно, не склоняясь ни на какія непріятельскія прелести и на подсылки и бился, не щадя головы своей, и поиски многіе надъ непріятели чинилъ, и за тѣ его многія службы, мы, великій государь, наше царское величество, пожаловали его, Лазаря, влѣли написать во дворяне и сію нашу, царского величества, жалованную грамоту на дворянство дати. И билъ челомъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, онъ, Лазарь, чтобъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, пожаловати его, велѣть ему дать въ прилуцкомъ полку село Ольшаное, въ немъ 50 дворовъ, со всѣми угодіи, да два вешняка (мельницы, работающія весной, въ половодье): и мы великій государь, наше царское величество, пожаловали въ прилуцкомъ полку село Ольшаное, 50 дворовъ крестьянскихъ, со всѣми угодіи, опричь казачьихъ дворовъ и земель, и два вешняка дать ему велѣли, и по нашей государской милости, полковнику Лазарю Горленку тѣмъ селомъ Ольшанымъ со крестьяны и со всѣми угодіи, опричь казачьихъ дворовъ и земель, и вешняками владѣть и доходы съ нихъ надлежащіе имати, и ему, Лазарю, видя къ себѣ нашу государскую милость и жалованье, служити намъ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, и нашимъ государскимъ дѣтямъ: благовѣрному цесаревичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и благовѣрному царевичу и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и благовѣрному царевичу и великому князю Симеону Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи и нашимъ государскимъ наслѣдникамъ вѣрно и всякаго добра хотѣти и наше государское повелѣніе исполняти по своему обѣщанію. Дана сія наша, царскаго величества, жалованная грамота въ нашемъ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7174, ноября 17-го дня.

Божіею милостію великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя Россіи самодержецъ.

Примѣчаніе. Первыми русскими дворянами изъ козаковъ были сдѣланы 12 лицъ: генеральный судья Забѣла, генеральный писарь Гречаный, полковники: прилуцкій Горленко, кіевскій Дворецкій, черниговскій Многогрѣшный (будущій гетманъ), полтавскій Витязенко, миргородскій Апостолъ, переяславскій Ярмоленко, нѣжинскій Гвинтовка, лубенскій Гамалѣя и стародубовскій Острянинъ и войсковой писарь Шійкевичъ (тогда же лишенный дворянства и сосланный въ Сибирь).—Акты, т. VI, стр. 15.—Кажется, что потомство первыхъ московскихъ дворянъ въ Малороссіи сохранилось только въ лицахъ Горленковъ, Забѣлъ и Гамалѣевъ.

На Украйнѣ извѣстіе о пожалованныхъ старшинамъ отличіяхъ, возводившихъ ихъ на степень «пановъ» и юридически вводившихъ въ Малороссіи крѣпостное право», встрѣчено было общимъ неудовольствіемъ. Усиленію его еще болѣе способствовали надменность и произволъ боярина-гетмана, вернувшагося къ Рождеству съ царскими воеводами изъ Москвы, гдѣ онъ изъ личныхъ видовъ столь легко поступился интересами духовенства, мѣщанства и поспольства. Жалованныя дворянскія грамоты возбуждали сильный ропотъ козаковъ. «У насъ» твердили они, «съ предковъ бояръ и дворянъ не бывало: всѣ мы равны». Новые дворяне не только не смѣли чваниться своимъ привилегированнымъ положеніемъ, но дѣлали видъ, что нисколько имъ не дорожать, говоря, что имъ-де дворянства не надобно и что они по старому козаки![1]). Болѣе всѣхъ были раздражены бывшіе друзья Брюховецкаго, запорожцы, и громко осуждали неслыханныя нововведенія, угрожавшія старымъ народнымъ вольностямъ.

Первая вспышка произошла вскорѣ въ переяславскомъ полку.

Въ серединѣ лѣта Горленко получилъ предписаніе какъ можно скорѣе идти въ сосѣдній Переяславль, на выручку недавно назначеннаго воеводой Вердеревскаго. Въ городѣ вспыхнуло возмущеніе, грозившее, по словамъ Брюховецкаго, «разгорѣться въ большой огонь[2]).

Переяславцы поднялись, изрубили ненавистнаго имъ полковника и осадили въ мѣстномъ „замкѣ“ великороссійскаго резидента. Подоспѣвшій Горленко съ сосѣдними полками и людьми стольника князя Щербатова разогналъ возставшихъ и преслѣдовалъ ихъ до Золотоноши. Окруженные со всѣхъ сторонъ переяславцы послали за помощью къ Дорошенку, чутко слѣдившему за событіями лѣвобережной Украйны, и тотъ не замедлилъ увѣдомить крымскаго хана, что настало удобное время для пораженія Москвы. По первому его призыву, 30,000 отборной орды, всегда готовой къ войнѣ и грабежу, перешло къ

---

[1]) Костомаровъ, Монографіи, т. XV, стр. 125.

[2]) Акты, т. VI, стр. 129.

1 октября Днѣпръ, подъ предводительствомъ трехъ ханскихъ братьевъ, Нуреддина, Махмета и Саломета-Гиреевъ.

Прежде всего враги массой устремились подъ Переяславль, на укрѣпленный лагерь главныхъ козацкихъ силъ, думая захватить его врасплохъ, но были отбиты со значительнымъ урономъ Горленкомъ и другими вождями и отступили, потерявъ «много значныхъ людей» [1]). Побѣдители воспользовались замѣшательствомъ сторонниковъ Дорошенка и поспѣшили занять стратегическіе пункты у Днѣпровскихъ переправъ. Чтобы отрѣзать непріятелю отступленіе, Горленко двинулся изъ подъ Переяславля «шляхомъ татарскимъ» со своимъ «товариствомъ» и рейтарами князя Щербатова [2]).

Однако, отброшенные отъ Переяславля, татары разбились на три отряда и одинъ изъ нихъ сокрушительнымъ потокомъ прорвался къ сѣверу, въ незащищенные лѣвобережные полки. Пользуясь отсутствіемъ козацкихъ силъ, Салометъ Гирей немилосердно выжегъ, разорилъ и опустошилъ окрестности Борзны, Нѣжина и Прилукъ. 9 октября «чамбулы» его вторглись въ прилуцкій уѣздъ и горожане, твердо надѣявшіеся на войско, стоявшее подъ Золотоношей, съ ужасомъ увидали внезапно показавшіяся изъ лѣсовъ пестрыя шайки татаръ, облегавшія со всѣхъ сторонъ городъ. Лазарь Горленко со своимъ полкомъ былъ далеко «на великаго государя службѣ», а новый московскій воевода, Загряжскій, имѣя при себѣ ничтожную горсть людей [3]), не только въ случаѣ нападенія, не могъ бы дать отпора, но укрывшись съ жителями и ихъ семьями въ «замкѣ», не имѣлъ никакихъ сообщеній съ окрестностями и не зналъ, что кругомъ дѣлается [4]). Къ счастью, набѣгъ былъ кратковременный и крымцы города взять не рѣшились, но за то безнаказанно

---

[1]) Акты т. VI, стр. 155.

[2]) Акты т. VI, стр. 156.

[3]) 1 прапорщика и 50 чел. солдатъ (Ibid.).

[4]) Иченцы захватили одного татарина и привезли его въ Прилуки, откуда воевода препроводилъ его въ Москву, въ качествѣ „языка“. (Ibid.).

опустошили всѣ поселенія прилуцкаго полка, сожгли хлѣбъ и дворы и, разграбивъ все, что могли, угнали за Днѣпръ громадную толпу несчастныхъ, не успѣвшихъ скрыться за прилуцкими валами [1]).

Подобные набѣги были обыденнымъ явленіемъ въ Малороссіи суроваго XVII вѣка. Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы едва вздохнувшая послѣ иноземныхъ нашествій Украйна не стонала снова подъ копытами татарскихъ коней. Вихремъ налетали шайки свирѣпыхъ хищниковъ, на своихъ степныхъ скакунахъ, на беззащитныя поселенія и дикіе зловѣщіе клики «алла!» похороннымъ звономъ отдавались въ ушахъ обезумѣвшихъ жителей. Мусульмане ураганомъ проносились по странѣ: сразу уничтожались долголѣтніе труды, цвѣтущіе хутора обращались въ пепелъ, нивы вытаптывались, табуны и стада угонялись и столь же быстро, при первомъ появленіи козаковъ, птицами исчезали татары въ необъятныхъ степяхъ, на лету подхватывая своихъ раненныхъ и убитыхъ, гоня передъ собой тысячный «ясcырь» и избивая плѣнниковъ, затрудняющихъ ихъ бѣгство. Назади оставались трупы да дымящіяся, обугленныя развалины. Уцѣлѣвшимъ, безъ пищи и крова, оставалось лишь умирать съ голоду, скитаясь по лѣсамъ подобно звѣрямъ, или становиться жертвами свѣжихъ ордъ, появлявшихся на мѣсто ушедшихъ и загонами разсыпавшихся по краю. Особенно терроризована была ими правая сторона Днѣпра и горемычные ея обитатели, обнищавшіе, голодные, нагіе, «какъ овцы» [1]), въ паническомъ страхѣ, бѣжали на лѣвый берегъ и разсказами о мучительствахъ басурманъ распространяли ужасъ въ народѣ. Благодатнѣйшій край, славившійся изобиліемъ и богатствомъ, превращался въ безлюдную пустыню. Десятки тысячъ лучшей украинской молодежи томились въ крымскихъ цѣпяхъ и наполняли восточные рынки, а малорусскихъ неволь-

---

[1]) Акты, т. VI, стр. 155, 156. Донесеніе Загряжскаго; Самовидецъ, стр. 92; Грабянка, стр. 191; Ригельманъ, т. II, стр. 98.

[2]) Акты, т. VI, стр. 63.

никовъ встрѣчали на побережьи Адріатики и даже въ Испаніи... Прошли года, десятки лѣтъ, столѣтія, мрачныя событія того желѣзнаго вѣка стали преданіемъ далекаго прошлаго, а болѣзненный стонъ несчастливцевъ все еще чудится въ современной думѣ, поминающей страданія украинскаго народа:

«Зажурилась Украина, що негдѣ ся дѣти:
Вытоптала орда коньми уси мали дѣти,
Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А середніи забрала,—у полонъ погнала... [1]).

Князь А. Дабижа.

(Продолженіе слѣдуетъ)

[1]) Максимовичъ: Украинскія народныя пѣсни, т. II, стр. 108.—Полагаютъ, что въ теченіи XVII и XVIII ст. до 150,000 малороссіянъ было уведено въ татарскій полонъ.

КОЗЕЛЕЦКАЯ РАДА 1662 ГОДА.

Знаменитый бытописатель Малороссіи Н. И. Костомаровъ, много занимаясь собираніемъ матеріаловъ для своихъ работъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя въ его произведеніяхъ цитаты изъ документовъ этого архива, не коснулся однако одного отдѣла архивныхъ документовъ, гдѣ онъ могъ-бы почерпнуть очень много матеріаловъ для исторіи Малороссіи. Это документы Сибирскаго приказа. Разумѣется, и самое названіе: «сибирскій приказъ» не могло побудить его, занятаго Малороссіей, заглянуть въ дѣла этого приказа, а потому, конечно, игнорированіе этихъ документовъ нельзя поставить ему въ вину, тѣмъ болѣе, что и другой знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, писавшій *общую* исторію Россіи и тоже много занимавшійся въ архивѣ, совершенно упустилъ изъ виду этотъ отдѣлъ документовъ. Такъ какъ документы сибирскаго приказа, относящіеся къ исторіи Малороссіи [1]), принадлежатъ конечно къ числу тѣхъ, которые потомъ были распредѣлены между главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и архивомъ министерства юстиціи, то, понятно, они восполняютъ тѣ пробѣлы въ исторіи Малороссіи, которые сдѣлали оба историка въ своихъ трудахъ, пользуясь лишь извѣстными въ обоихъ архивахъ матеріалами. Къ числу такихъ пробѣловъ принадлежитъ извѣстіе о Козелецкой радѣ, состоявшейся 19 апрѣля 1662 г.

Вотъ что пишетъ о ней С. М. Соловьевъ.

«Весною 1662 г. въ Москвѣ узнали, что въ Козельцѣ была рада для избранія гетмана, и немедленно объ этой радѣ пришли

---

[1]) Обозрѣніе этихъ документовъ со временемъ будетъ представлено на страницахъ „Кіевской Старины“.

различныя извѣстія: съ одной стороны писалъ Сомко и преданные ему полковники, что на радѣ былъ епископъ Меѳодій, полковники, сотники и асаулы сей стороны Днѣпра, а черни и всего поспольства не было; черни и поспольству Сомко быть не велѣлъ потому, чтобъ городу большихъ убытковъ не было; на радѣ выбрали въ гетманы Сомка до указа великаго государя, а какъ великаго государя указъ будетъ о полной радѣ, то на этой полной радѣ гетманъ велитъ быть всему поспольству и черни. Когда послѣ рады присутствовавшіе разъѣхались по домамъ и пріѣхали въ Нѣжинъ епископъ Меѳодій и Василій Золотаренко, то послѣдній епископу говорилъ, что Сомко принялъ гетманство самовольствомъ, а онъ, Василій, съ своимъ полкомъ ни въ какихъ расправахъ его слушать не хочетъ»... И далѣе: «легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести въ Москвѣ подобныя грамоты: Сомко и приверженцы его писали безсмыслицу (?), за которою скрывалось какое-то незаконное дѣло: что это была за рада въ Козельцѣ безъ черни и поспольства? Гетманъ выбранъ, зачѣмъ-же еще нужна новая рада? Что нибудь одно: или рада въ Козельцѣ была незаконная, или новая рада не нужна!» [1]).

«Ожидая вновь нашествія Хмельницкаго, пишетъ Н. И. Костомаровъ, Сомко, 23 апрѣля 1662 года, оповѣстилъ раду въ Козельцѣ, какъ-бы для совѣщанія о средствахъ обороны. Онъ надѣялся, что здѣсь, между прочимъ, состоится выборъ его въ гетманы, и тогда останется только просить царскаго утвержденія.... Когда одна часть козаковъ желала имѣть его гетманомъ, другая, настроенная Меѳодіемъ и Золотаренкомъ, кричала, что онъ недостоинъ, что онъ измѣнникъ, сносится съ Юраскомъ, дружитъ полякамъ. Преданная ему партія составила избирательный актъ; приложены были руки и печати; другіе, подстрекаемые Меѳодіемъ, не признавали законнымъ этого акта. Сомко остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не болѣе. Постановили просить царя о присылкѣ рати, а тѣмъ часомъ дѣйствовать сообща противъ Хмельницкаго, *избраніе-же отложить* до того времени, когда прибудетъ царскій посланникъ. Съ тѣхъ поръ приверженцы Сомка полагали, что избраніе въ Козельцѣ совершилось: присланному отъ царя не останется ничего, какъ только утвердить

[1]) Исторія Россіи, Соловьева, т. II, гл. 2, стр. 126—127. Изд. 2-е.

состоявшееся избраніе; но противники ихъ говорили, что никакого избранія отнюдь не было, и оно должно произойти снова при царскомъ посланникѣ, и не иначе, какъ черною радою, то есть, гдѣбы участвовали громады козаковъ и поспольства».

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя намъ историками о Козелецкой радѣ; въ дѣйствительности дѣло происходило нѣсколько иначе.

Съ измѣною Ю. Хмельницкаго подъ Слободищами открылась кандидатура на званіе гетмана его пресвѣтлаго царскаго величества войска запорожскаго и кандидаты, разумѣется, не замедлили явиться; это были: Якимъ Сомко, полковникъ переяславскаго полка, выбранный послѣ измѣны Хмельницкаго наказнымъ гетманомъ, Василій Золотаренко, полковникъ нѣжинскій, и Иванъ Брюховецкій, кошевой атаманъ запорожскаго войска. Всѣ три кандидата искали поддержки у Меѳодія, епископа мстиславскаго и оршанскаго, блюстителя кіевской митрополіи. Меѳодій, ставленникъ Москвы, имѣлъ большое вліяніе на малорусскія дѣла, какъ человѣкъ, которому больше, чѣмъ кому нибудь, довѣряло московское правительство, не знавшее, на кого изъ малороссіянъ можно положиться, кому можно довѣрять. Рекомендаціи Меѳодія имѣли большое значеніе въ Москвѣ; поэтому всѣ полковники, вѣрные Россіи, со всѣми просьбами обращались къ нему, искали у него совѣта и одобренія своимъ дѣйствіямъ. Человѣкъ хитрый, честолюбивый, Меѳодій, преслѣдуя свои личныя цѣли, старался, сколько могъ, для московскаго правительства: поддерживалъ между полковниками согласіе, заставлялъ одного помогать другому, собиралъ вѣсти о непріятеляхъ, раздавалъ кому нужно подарки и деньги, разумѣется, получая за то вдвое съ правительства. Видя троихъ кандидатовъ на гетманскую булаву, Меѳодій до поры до времени не хотѣлъ никому изъ нихъ отдать преимущество: обнадеживая Сомка въ своей помощи, онъ увѣрялъ въ своей дружбѣ Золотаренка и въ тоже время переписывался съ Брюховецкимъ, удерживая его отъ крайнихъ поступковъ, которые могли-бы повредить ему въ глазахъ правительства. Но нѣтъ сомнѣнія, что Брюховецкій давно уже былъ желаннымъ для него кандидатомъ, Меѳодій самъ могъ расчитывать на него впослѣдствіи, какъ на человѣка, который всецѣло обязанъ ему своимъ выборомъ, и при содѣйствіи его достичь тѣхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился. И вотъ начинается комедія: дружа, повидимому, съ Сомкомъ, онъ натра-

вливаетъ его на Золотаренка, который служитъ де ему помѣхой, чтобы сдѣлаться гетманомъ, доказательствомъ чему была Быховская рада, на которой лишь Золотаренко воспротивился избранію Сомка въ гетманы; въ тоже время онъ совѣтуетъ Золотаренку избавиться отъ опаснаго конкуррента доносами на него въ Москву; наконецъ, по его-же совѣту, Брюховецкій пишетъ доносы въ Москву и на Сомка, обвиняя его въ измѣнѣ, и на Золотаренка, обвиняя его въ бездѣятельности.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда зашла рѣчь о Козелецкой радѣ.

Въ февралѣ 1662 г. Сомко дружески бесѣдовалъ въ Кіевѣ съ епископомъ Меѳодіемъ о положеніи дѣлъ въ Малороссіи. Между прочимъ Сомко просилъ Меѳодія отписать государю, чтобы скорѣе былъ присланъ бояринъ для выбора гетмана. По этому поводу въ Кіевѣ 21 февраля состоялась рада, на которой присутствовали полковники: нѣжинскій Золотаренко, черниговскій Іоанникій Силинъ съ сотниками и козаками, а отъ имени Сомка, не явившагося на раду, были полковники: барышпольскій Григорій Гаркуша и воронковскій Даніилъ Кириловъ. На этой радѣ было постановлено: послать къ государю просьбу о присылкѣ боярина, который-бы присутствовалъ на радѣ при избраніи гетмана и чтобы на раду былъ приглашенъ и гетманъ войска запорожскаго Иванъ Брюховецкій. Такое челобитье и было послано 27 марта съ барышпольскимъ полковникомъ Григоріемъ Гаркушею съ товарищами.

Крѣпко не понравилось Сомку то обстоятельство, что на радѣ долженъ присутствовать Брюховецкій, такъ какъ это былъ опасный конкуррентъ ему; за Брюховецкаго было многое: за нимъ было много козачества, такъ какъ онъ проповѣдывалъ всеобщее равенство козаковъ, чѣмъ въ особенности была обольщена чернь, за него былъ Меѳодій, о чемъ не могъ не догадываться Сомко, и наконецъ за него было правительство, настроенное въ его пользу Меѳодіемъ. Надо было такъ или иначе отдѣлаться отъ этого соперника, а единственнымъ исходомъ было собраніе рады прежде, чѣмъ явится Брюховецкій. Къ этому могло побуждать и то обстоятельство, что Сомко не находилъ себѣ соперниковъ среди полковниковъ, которые должны были присутствовать на радѣ; игру съ Золотаренкомъ Меѳодій велъ такъ тонко, что никто не могъ видѣть въ немъ кандидата на гетманство, въ

Мефодій-же Сомко былъ увѣренъ, такъ какъ въ руки его не мало попало отъ Сомка «вкладовъ по душѣ», въ чемъ впослѣдствіи Мефодій оправдывался передъ московскимъ правительствомъ. Будучи увѣренъ въ удачномъ исходѣ задуманнаго предпріятія, Сомко созываетъ въ отбитый имъ у поляковъ городокъ Козелецъ полковниковъ, «чтобы поговорить о нужныхъ великаго государя дѣлахъ и порадиться, какъ-бы лучше противъ непріятелей стоять», приглашая ихъ явиться лишь съ немногими людьми, «человѣкъ по десяти съ собой имѣючи»; такъ объ этомъ приглашеніи писалъ потомъ въ Москву епископъ Мефодій, тоже приглашенный на раду «для всякой порады». Опасаясь противодѣйствія своему избранію со стороны воеводъ, Сомко ни одного изъ нихъ не пригласилъ на раду и, выѣхавъ изъ Переславля въ Козелецъ 5 апрѣля, не увѣдомилъ даже переславскаго воеводу, кн. В. Волконскаго о предстоящей радѣ. Но этотъ послѣдній, будучи въ неладахъ съ Сомкомъ и въ то же время вслѣдствіе постоянныхъ доносовъ на Сомка, обвинявшихъ его въ измѣнѣ, имѣвшій по порученію правительства строгій надзоръ за его поступками, послалъ въ Козелецъ стрѣлецкаго голову Никифора Батюшкова съ приказаніемъ шагъ за шагомъ слѣдить за всѣмъ, что произойдетъ въ Козельцѣ. Батюшковъ пріѣхалъ въ Козелецъ 13 апрѣля и нашелъ тамъ полковниковъ: черниговскаго, нѣжинскаго, полтавскаго, миргородскаго и прилуцкаго; дожидали лишь Мефодія, чтобы открыть раду. Между тѣмъ переславскій воевода князь В. Волконскій, тотчасъ-же по выѣздѣ изъ города Сомка, поставилъ караулъ къ его дому и арестовалъ многихъ козаковъ, распространяя повсюду слухъ, что «Сомко поѣхалъ изъ Переславля великому государю измѣною, а не для рады, хотя скарбъ свой и кошъ, по мѣстечкамъ ѣздя, испродать, а испродавъ, отъѣхать къ ляхамъ». Слухъ объ этомъ дошелъ и до Козельца и сильно возмутилъ собравшихся полковниковъ.

«Съ листовъ Тимоѳея Гуляницкаго», писали полковники кн. Волконскому, «судьи войскового, съ Переяславля до пана Якима Сомка, гетмана наказного, писаныхъ, вѣдомо намъ учинилося, что вы, пріятель нашъ, усумнѣваетесь о томъ, что той-же панъ гетманъ наказный съ нами вкупѣ въ дѣлахъ его царскаго величества и всему православію полезныхъ на съѣздѣ въ Козельцѣ, и безъ бытности гетманской не малое въ Переяславлѣ смущеніе починаетъ быти. Потомъ вамъ, пріятелю нашему, буди вѣдомо о томъ,

что мы всѣ на семъ боку будучіе полковники, какъ прежде сего вѣрно Богу и великому государю нашему, его царскому величеству, головъ своихъ не щадя, служили и за достоинство его царского величества отпоръ бусурманомъ, и измѣнникомъ, и ляхомъ, по силѣ нашей, давали, такъ и нынѣ не для чего иного союзный съѣздъ учинили есмя, токмо для того, чтобъ, поговоря съ паномъ гетманомъ наказнымъ, промыслъ о цѣлости всего боку, великому государю нашему, его царскому пресвѣтлому величеству, вѣрно радѣючи, учинили есми и общее отъ того бочнаго непріятеля безопаство симъ краемъ умыслили есми, чтобъ на семъ-же съѣздѣ видимое радѣніе и дружелюбную въ той мѣрѣ рѣчь между собою учинивъ, не подаватись врагомъ государевымъ и нашимъ въ третью безхлѣбную осаду; зачѣмъ вы, пріятель нашъ, не усумнѣвайтеся о томъ съѣздѣ нашемъ и до ушей своихъ словъ, любовь нашу развращающихъ, не допускайте..... всякія вражды на пана гетмана наказного и на насъ всѣхъ вѣрныхъ его царскому величеству подданныхъ покиньте и дружелюбно въ Переяславлѣ съ миромъ извольте, кромѣ всякаго прекословія, жити..... А если-бы вы, пріятель нашъ, нашу братолюбную пріязнь его царскаго величества людемъ развращати допущали и съ боку прелестниковъ вѣру яли и до не належащаго себѣ дѣла утруждалися, задаючи пану гетману наказному и намъ всѣмъ оскорбленіе, тогда въ той скорби нашей будемъ бити челомъ великому государю, его царскому пресвѣтлому величеству».

Въ такомъ-же родѣ послалъ нѣсколько писемъ къ Волконскому и Сомко; писалъ къ нему и Меѳодій 13 апрѣля, собираясь на раду: «лучшей-бы, государь мой, вѣдалъ и зналъ ты о наказномъ гетманѣ, какая-бъ его неправда передъ великимъ государемъ была, потому что живешь съ нимъ въ одномъ мѣстѣ, а нежели тамъ въ такомъ далекомъ разстояніи вѣдати о томъ. Я мню, что есть то неправда и есть отъ непріятелей нашихъ такія наносныя слова на наказнаго гетмана, которые непріятели хотятъ насъ до ссоры довести. Молю тя, государя моего, съ великимъ усердіемъ, Бога ради тѣхъ присланныхъ козаковъ утѣшай и про наказнаго гетмана все съ ними добро говори и къ запорожскому кошевому гетману, къ Ивану Брюховецкому, пожалуй изволь отписать отъ себя съ ними о службѣ и о вѣрности, которую вѣдаешь къ великому государю наказнаго гетмана Якима Сомка, чтобъ ихъ въ соединеніе привести и тѣмъ не

ссорити и великаго государя дѣлу порухи не учинить. И тебя, государя моего, и паки молю, пожалуй, Господа ради, съ наказнымъ гетманомъ поживи въ любви и въ совѣтѣ добромъ, какъ изначала, такъ и до конца, а ссорныхъ словъ безъ подлиннаго сыску ни отъ кого не слушай. Да молю тя, государя моего, повторе и по десяте, пожалуй, Господа ради, изволь отписать къ Ивану Брюховецкому съ уничиженіемъ, чтобъ онъ теперь подождалъ и ничего не починалъ до зупольной рады, чтобъ обрали себѣ досконалого гетмана войскомъ; а великій государь боярина для рады вскорѣ пришлетъ».

Послѣ оказалось, что вся эта переписка возникла по слѣдующему поводу: Брюховецкій прислалъ въ Переяславль съ своими козаками письмо, въ которомъ обвинялъ Сомка въ измѣнѣ; письмо попало въ руки товарища Волконскаго, воеводы Ив. Чаадаева, который немедленно распорядился поставить караулъ у дома Сомка, объявляя, что Сомко измѣнникъ. Что бы однако не послужило поводомъ къ такому оскорбленію Сомка, оскорбленіе это произвело сильное впечатлѣніе на собравшихся полковниковъ и невольно привело ихъ къ мысли, что этого не случилось бы, если бы у нихъ былъ гетманъ, защищавшій ихъ права и свободу отъ насилій московскихъ воеводъ. Переговоры въ этомъ родѣ уже происходили въ Козельцѣ, когда прибылъ туда Меѳодій, какъ видно изъ его письма къ Волконскому, не подозрѣвавшій умысла Сомка.

О томъ, что произошло по пріѣздѣ Меѳодія въ Козелецъ, имѣются три, болѣе или менѣе отличающіяся одно отъ другаго извѣстія: донесенія стрѣлецкаго головы Никифора Батюшкова, письма къ государю Якима Сомка и письма епископа Меѳодія. Чтобы судить, на чьей сторонѣ правда, разберемъ всѣ эти сообщенія.

«И апрѣля въ 16 день», пишетъ въ статейномъ спискѣ Батюшковъ, «пріѣхалъ въ Козелецъ изъ Кіева Меѳодій, епископъ, и всѣ полковники: нѣжинскій Василей Золотаренокъ, да черниговскій полковникъ Аникій Силинъ, прилуцкой Лазарь Горличенко, лубенской Андрей Пирской, миргородскій Павелъ Царенко, зинковской Василей Шабанъ и сотники и ясаулы съ казаками, которые за ними полковниками пріѣхали изъ городовъ, человѣкъ по тридцати, и по двадцати, и по пятнадцати нарочитыхъ людей, а ждалъ онъ къ себѣ на раду епископа, и съ ними совѣтовали и думали, кому у нихъ быть надъ ними старшиною до государева указу и полнымъ гетма-

номъ. И того числа полковники и сотники и ясаулы приговорили, чтобы надъ ними полковниками, и сотниками, и казаками, и всѣхъ государевыхъ черкасскихъ городовъ надъ мѣщаны, старшиною и полнымъ гетманомъ быть Якиму Самку, и о томъ они полковники и сотники и ясаулы и всѣ козаки, бывъ у епископа, пришедъ на дворъ къ наказному гетману Якиму Самку и учали словесно говорить, чтобъ онъ, Якимъ Самко, надъ ними былъ старшиною и полнымъ гетманомъ *до государева указу*, а не наказнымъ. И Якимъ Самко тѣмъ полковникамъ и сотникамъ и казакамъ въ гетманствѣ отказывалъ и старшиною быть у нихъ не хотѣлъ. Полковники, и сотники, и казаки учали говорить наказному гетману Якиму Самку, что окромѣ де намъ тебя Якима Самка старшиною и полнымъ гетманомъ выбрать некого. И гетманъ Якимъ Самко, по ихъ мирскому выбору и словесному приговору, съ ними полковники, и ясаулы, и козаки пошли въ соборную церковь къ епископу крестъ цѣловать великому государю въ службѣ своей и въ правдѣ. И епископъ Меѳодій въ соборной церкви гетмана Якима Самка и всѣхъ полковниковъ и сотниковъ, и ясауловъ и козаковъ къ крестному цѣлованію не приводилъ и говорилъ гетману Якиму Самку и всѣмъ полковникамъ и сотникамъ, ясауламъ и козакамъ: приводить де я васъ ко кресту безъ государева указу не смѣю, потому что писано у насъ преже сего къ великому государю къ Москвѣ, кому укажетъ великій государь быть въ своихъ государевыхъ черкасскихъ городахъ гетманомъ, и изъ соборныя церкви всѣхъ, не приводя къ вѣрѣ, выслалъ. И въ то время учалъ ему епископу говорить нѣжинскій полковникъ Вас. Золотаренокъ, при всѣхъ полковникахъ и казакахъ: ты де епископъ нашего воинскаго дѣла не знаешь, зналъ бы де ты свой монастырь и молилъ за великаго государя Бога и спасалъ душу свою; а на насъ де нынѣ и на его государевы городы наступаютъ вскорѣ изъ за-Днѣпра государевы непріятели, и государевы города хотятъ разорить, а насъ погубить всѣхъ безъ остатку, а намъ, безъ старшины будучи и безъ гетмана, управиться съ тѣми государевыми непріятели не кѣмъ, для того де мы и выбираемъ себѣ старшину и полнаго гетмана *до государева указу* Якима Сомка, чтобъ намъ, собрався съ войскомъ, стать подлѣ Днѣпра, чтобъ государевыхъ непріятелей въ государевы украинные города не пропустить. И апрѣля въ 18 день полковники и сотники, ясаулы

и казаки совѣтовали и ходили къ епископу на дворъ, чтобъ ихъ благословилъ выбирать себѣ *до государева указу* старшину и гетмана и къ вѣрѣ-бъ ихъ въ государевой службѣ привелъ. И того числа епископъ Меѳодій ихъ полковниковъ, и сотниковъ, и казаковъ благословилъ и велѣлъ имъ выбрать *до государева указу* гетмана. И они полковники и сотники, ясаулы и козаки выбрали гетманомъ его-жъ Якима Сомка.

А въ то время было у Якима Сомка въ городѣ въ Козельцѣ введено пѣшихъ людей сотъ съ шесть и больше и велѣлъ по городу, въ которую пору выбирали гетмана и договоръ былъ, поставить по воротамъ караулъ человѣкъ по сту и больше и выпускать никого изъ города не велѣлъ, а у его Якимова двора и на дворѣ, гдѣ у нихъ былъ договоръ, стоялъ караулъ же человѣкъ со сто и больше и нарядъ, собравъ съ городовой стѣны, поставленъ былъ у его жъ двора у воротъ.

И выборъ полковники на себя за своими руками и печатьми ему Якиму Сомку дали, что во всемъ его гетмана великаго государя въ дѣлахъ и службахъ и во всякихъ справахъ слушать и ни въ чемъ не огуряться, а станемъ де мы писать и бить челомъ великому государю вообще, чтобъ великій государь насъ пожаловалъ и велѣлъ ему Якиму Сомку прислать свое жалованье—знакъ и булаву».

Далѣе Батюшковъ разсказываетъ о приводѣ Меѳодіемъ ко кресту новообраннаго гетмана, полковниковъ и казаковъ и о собраніи послѣ того полковниковъ у Сомка, причемъ онъ потребовалъ, чтобы полковники дали ему согласіе, въ случаѣ непослушанія, «карать ихъ горломъ, не отписываясь къ великому государю». Полковники передали Сомку, каждый отъ своего полка, и именные списки козаковъ, общее число которыхъ простиралось до 35 тысичъ.

Совсѣмъ иначе разсказываетъ объ этихъ событіяхъ епископъ Меѳодій. «Вѣдомо тебѣ, государю моему, чиню», пишетъ онъ кн. Волконскому, «что гетманъ Якимъ Сомко обманулъ всѣхъ насъ, меня и полковниковъ, такимъ обычаемъ: писалъ къ полковникамъ, чтобъ съѣхались въ Козелецъ не съ большими людьми, человѣкъ по десяти съ собою имѣючи, не для рады и не для обранія гетмана совершеннаго, только чтобъ поговорить о нужныхъ великаго государя дѣлахъ и порадиться, какъ бы лучше противъ непріятелей

стоять; также и ко мнѣ писалъ, чтобъ я пріѣхалъ въ Козелецъ къ нимъ для всякой порады. И какъ съѣхались полковники и я къ нимъ въ Козелецъ пріѣхалъ, и онъ не подалеку потаенное войско, сколько тысячъ имѣючи козаковъ пѣхоты, въ городъ впровадилъ и замкнулъ городъ, а замкнувши началъ говорить полковникамъ, чтобъ совершеннаго обрали гетмана. И я ему много въ томъ противился, чтобъ до указу великаго государя и до пріѣзду посланцовъ полковника Гаркуши съ товарищи такъ бы онъ не чинилъ и гетманомъ бы совершеннымъ сильно, безъ указу его царскаго пресвѣтлаго величества, не учинился и безъ совершенной рады, также и безъ запорожскихъ козаковъ; и онъ меня не послушалъ, а полковникамъ грозилъ смертью, а найпаче полковникамъ: нѣжинскому, черниговскому и прилуцкому. И я такое насильство и неправду видячи, изъ церкви выгналъ было гетмана Якима Сомка, а потомъ боячись, чтобъ не погубилъ полковниковъ, а найпаче нѣжинскаго Василья Золотаренка, иа котораго онъ весь ядъ свой обращалъ, мусилемъ (долженъ былъ) позволить, чтобъ невинные люди, а найпаче великіе великому государю доброхоты не пропали, также и не боронилъ таковаго разбойническаго обранія ему на гетманство, гдѣ онъ учинился сильно гетманомъ неправдою и лукавствомъ; а еще и на полковникахъ присягу вымучилъ, чтобъ его во всемъ слушали и ему бъ грамоту, и знамя, и булаву на вѣчное гетманство у великаго государя выправили, что учинилъ противъ Бога и великаго государя и всего войсковаго давняго звычаю».

Чтоже говоритъ самъ новообранный гетманъ о событіяхъ въ Козельцѣ?

«Понеже», пишетъ онъ къ государю, «нынѣшняго времени слышачи непріятель объ отступленіи изъ Украйны войскъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества въ великороссійскіе края, знаючи насъ пребывающихъ опричь всякаго порядку и звычайныхъ въ войскѣ нашемъ запорожскомъ поступковъ, почался сбирати и къ намъ сближати, зачѣмъ всѣ полковники наши заднѣпровскіе, забѣгаючи такому непріятельскому замыслу и не хотя до остатного упадка и спустошенья чрезъ урядъ придти, умыслили то, какъ бы, съѣхавшися и вкупѣ собравшись, всякій порядокъ на вѣрную службу вашего царскаго пресвѣтлаго величества, совокупясь, учинити и постановити, и, сложивши въ мѣстечкѣ Козельцѣ раду, съѣхалися

всѣ полковники, сотники и чернь войска вашего царскаго величества запорожскаго, на который съѣздъ и я прибылъ для достовѣрнѣйшаго всѣхъ справъ совершенья, и упросили есмо сполне велебнаго господина отца Меѳодія Филимоновича, епископа мстиславскаго и прочая. И такъ за пріѣздомъ его къ намъ въ Козелецъ учинили полковники, сотники и вся чернь такое постановленіе, что безъ совершеннаго старшаго никакой порядокъ доброй не можетъ быть, про то надѣясь на неизреченную милость вашего царскаго пресвѣтлаго величества, что имъ того поступка въ гнѣвъ почитати не изволишь, учинивъ раду на обраніе гетмана совершеннаго, единомысленно всѣ меня просили на тотъ урядъ. И я, имѣючи многія свои причины: одно, ижъ есмо о томъ о всемъ до вашего царскаго пресвѣтлаго величества посланцовъ своихъ послали, другое, что недужство силъ моихъ подъ таковое время не можетъ понести того бремени, третее, что большая, чтобъ тѣмъ милостиво жалованья вашего царскаго пресвѣтлаго величества (не лишиться), чрезъ дни многіе всѣми силами отговаривался, а понеже великая наступила просьба и единодушное изволеніе полковниковъ, сотниковъ и всей черни и всего поспольства, не моглмся того наложенного уряду отговорити и чтобъ то постоянное было и непоколебимое обраніе гетманства, присягою, такъ я на вѣрное подданство вашего царскаго пресвѣтлаго величества, какъ и всѣ полковники на тожъ и мнѣ на послушенство, при бытности г. отца Меѳодія Филимоновича, епископа мстиславскаго и многихъ духовныхъ и отеческихъ, въ церкви соборной всемилостиваго Спаса въ Козельцѣ, утвердили есмо, о чемъ о всемъ тѣжъ полковники, собрався тотчасъ до войска, будутъ вашему пресвѣтлому царскому величеству челомъ бить. А нынѣ отецъ епископъ, яко самовидецъ всего того дѣла, пространно вашему царскому пресвѣтлому величеству объявитъ чрезъ отца протопопа кіевскаго Василья Барскаго и списки присяги моей и полковницкой посылаетъ».

Сопоставляя эти три разсказа объ избраніи гетмана, большую достовѣрность слѣдуетъ придать сообщенію Батюшкова, какъ потому, что онъ былъ постороннимъ свидѣтелемъ, не заинтересованнымъ лицемъ при избраніи, такъ и потому, что, зная нерасположеніе Волконскаго къ Сомку, въ своемъ статейномъ спискѣ сообщилъ бы скорѣе такіе факты, которые говорили бы противъ Сомка; онъ и упоминаетъ о вводѣ Сомкомъ 600 своихъ козаковъ въ городъ, ко-

торые охраняли городскія ворота и дворъ, гдѣ происходила рада. По разсказу Батюшкова можно представить такую картину: полковники, собравшіеся въ Козельцѣ еще до пріѣзда Меѳодія, пришли къ заключенію, что въ виду наступленія такого времени, когда удобно начать военныя дѣйствія, и ожидая нападенія со стороны непріятелей, необходимо имѣть надъ собою одного начальника, который согласовалъ бы ихъ дѣйствія въ борьбѣ съ врагами; а между тѣмъ ожидать прибытія отъ царя боярина, который присутствовалъ бы на радѣ при избраніи гетмана, казалось невозможнымъ, такъ какъ о такой присылкѣ не было ни слуху, ни духу; такой царскій посланецъ могъ явиться въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій, когда было бы не до выборовъ, какъ это и было раньше. Когда пріѣхалъ Меѳодій и полковники сообщили ему свое намѣреніе, онъ, какъ настоящій слуга московскаго правительства, заботящійся о водвореніи порядка и согласія между полковниками, не могъ отказать имъ въ своемъ благословеніи избрать начальника, ограничивая однако свое согласіе двумя условіями, именно: чтобы выборъ былъ *словесный*, а не письменный, и чтобы избранный начальствовалъ лишь *до государева указу*. Этими двумя условіями онъ отнималъ всякую дѣйствительность выборовъ: избранный гетманъ гетманствовалъ бы лишь до пріѣзда государева боярина, а отсутствіе письменнаго выбора предоставляло полную свободу выборщикамъ подавать свои голоса на будущей радѣ за кого они похотѣли бы. Дѣйствуя такимъ образомъ, Меѳодій достигалъ двухъ цѣлей: оставался вѣрнымъ слугою Москвы и оставлялъ открытымъ путь къ гетманству своему кандидату Брюховецкому. Но Сомко, разумѣется, не желалъ удовлетвориться предоставляемымъ ему положеніемъ: ужъ выбирать такъ выбирать совершеннаго гетмана съ соблюденіемъ всѣхъ условій, какія существовали относительно выбора гетмановъ, съ составленіемъ выборной записи и съ принятіемъ присяги на послушаніе ему. И вотъ, принявши выборъ, онъ прежде всего потребовалъ принятія присяги полковниками въ вѣрности. Требованіе законное, поддержанное и соперникомъ Сомка—Василіемъ Золотаренкомъ, заставлявшимъ Меѳодія привести ихъ къ присягѣ. Но Меѳодій вовсе этого не хотѣлъ: обязавши полковниковъ присягою на вѣрность *совершенному гетману*, онъ отнималъ возможность у Брюховецкаго искать этого уряда; поэтому онъ на отрѣзъ отказалъ въ приведеніи

ко кресту. Это было 16 апрѣля. На другой день Меѳодій, разумѣется, постарался убѣдить полковниковъ, что они затѣяли нехорошее дѣло, выбирая гетмана безъ царскаго указа; намекнулъ Золотаренку на то, что теперь путь къ гетманству ему будетъ отрѣзанъ, и полковники готовы были взять назадъ свой выборъ. Тогда-то Сомко прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: ввелъ своихъ козаковъ въ городъ, поставилъ у воротъ караулы и, быть можетъ, угрожалъ Меѳодію и Золотаренку насиліемъ. Будучи вынужденъ такимъ поступкомъ Сомка къ тому, чтобы утвердить выборъ его въ гетманы приведеніемъ его и полковниковъ къ присягѣ, Меѳодій сразу-же по выѣздѣ изъ Козельца указалъ на эту вынужденность, а отсюда и недѣйствительность присяги; а чтобы объяснить свою перемѣну къ Сомку, доселѣ бывшему его другомъ, сталъ обвинять его въ измѣнѣ на основаніи писемъ Брюховецкаго, которымъ самъ двѣ недѣли тому назадъ просилъ Волконскаго не вѣрить. Обвиненіе въ измѣнѣ было необходимо, потому что съ формальной стороны выборъ былъ обставленъ правильно и никто изъ присутствовавшихъ на радѣ не протестовалъ, кромѣ Золотаренка; напротивъ, всѣ полковники прямо изъ Козельца отправились подъ Быховъ, гдѣ и собрали свои полки подъ начальствомъ Сомка. Можно вообще сомнѣваться, чтобы со стороны Сомка были употреблены насильственныя мѣры при выборахъ: не сталъ-бы онъ поручать Меѳодію писать отчетъ о выборѣ его въ гетманы къ государю, если бы тотъ явно показывалъ свое неудовольствіе на выборъ; безъ сомнѣнія Сомко имѣлъ-бы полное основаніе сомнѣваться въ вѣрности сообщенія Меѳодія о выборахъ, если-бы тотъ сильно противился этому. Да и съ извѣстіемъ о выборѣ былъ посланъ въ Москву отъ Сомка кіевскій протопопъ Барскій, подчиненный Меѳодія, который, конечно, не пощадилъ-бы Сомка при распросахъ въ Москвѣ, и Сомко не послалъ-бы его, если-бы не былъ увѣренъ въ правильности своего выбора. Законность этого выбора признавала и вся Малороссія, кромѣ Меѳодія и Золотаренка; послѣдній самъ въ письмѣ своемъ къ государю отъ 27 мая проситъ поскорѣе прислать бояръ для избранія гетмана, «что-бы за скорымъ поспѣхомъ боярскимъ въ Козельцѣ попсованныя рѣчи вскорѣ направити и чтобъ тѣхъ рѣчей въ разшнреніе, не малую болѣзнь нужному малороссійскому народу наносячее, не допускати»; и далѣе: «если затѣмъ тѣ

бояре и окольничіе не поспѣшатъ и въ скоромъ времени не пріѣдутъ, тогда козельская злоба не токмо умѣряться и уменьшаться не будетъ, но развѣ большую смуту прибавить и горшее разширеніе»..... Но голосъ Золотаренко былъ единичнымъ, никто къ нему не присоединялся, всѣ признавали Сомка гетманомъ; обвиненія-же въ измѣнѣ опровергались удачными военными дѣйствіями Сомка, при которомъ находились восемь полковниковъ: переяславскій, ирклеевскій, лубенскій, прилуцкій, кременчугскій, миргородскій и гадячскій съ 20 тысячами козаковъ; черниговскій полковникъ былъ посланъ подъ Гомель.

Какъ-же отнеслось къ выбору въ гетманы Якима Сомка московское правительство?

Въ документахъ, которыми мы пользуемся, нѣтъ указанія на то, какому изъ трехъ сообщеній оно повѣрило. Оно было поставлено въ затруднительное положеніе: не признать Сомка совершеннымъ гетманомъ было опасно, потому что за нимъ стояла значительная сила; признать, значитъ возбудить неудовольствіе Золотаренка и еще болѣе опаснаго человѣка, Ивана Брюховецкаго, которому было обѣщано участіе въ выборѣ гетмана и который самъ, какъ объ этомъ было извѣстіе, добивался этого уряда; при томъ постоянныя увѣренія Брюховецкаго, Золотаренка и Меѳодія, что Сомко измѣнникъ, заставляли относиться къ нему съ большою осторожностью. Москва вышла изъ затрудненія съ свойственной ей изворотливостью: «писалъ ты гетманъ съ кіевскимъ протопопомъ Василіемъ Барскимъ, на нынѣшней де козельской радѣ, по прошенью всѣхъ полковниковъ, которые съ тобою для нашихъ великаго государя дѣлъ въ томъ вышеписанномъ городѣ Козельцѣ съѣздъ имѣли для наступленіи непріятельскаго на наши великаго государя украинные города, учинился ты Іоакимъ Сомко совершеннымъ гетманомъ; а нынѣшняго-жъ 170 г. (1662) присланы къ намъ великому государю какъ отъ богомольца нашего Меѳодія, епископа мстиславскаго и оршанскаго и блюстителя митрополіи кіевской, нѣжинскій протопопъ Семіонъ, такъ и отъ васъ гетмана и полковниковъ посланцы барышпольскій полковникъ Григорій Горкуша съ товарищи съ желательнымъ и нижайшимъ челобитьемъ, чтобъ мы, великій государь, васъ пожаловали, для обороны отъ непріятельскихъ

приходовъ, указали съ бояриномъ нашимъ или съ инымъ съ кѣмъ прислати къ вамъ на помочь ратныхъ людей; да къ вамъ-же бы прислати для обранія гетмана, кого мы, великій государь, укажемъ; да намъ-же великому государю велѣти-бъ послати нашъ государевъ указъ на Кошъ къ гетману къ Ивану Брюховецкому и къ козакамъ, чтобъ онъ для гетманскаго обиранья на раду ѣхалъ, или отъ всего войска прислалъ къ вамъ посланцовъ съ полною мочью, а безъ запорожскихъ низовыхъ кошевыхъ козаковъ гетманское обиранье быти не можетъ..... А нынѣ ты, гетманъ, не дожидаясь, противъ челобитья *своего*, отъ насъ великаго государя милостиваго указу и высланнаго боярина нашего и воеводы на полную раду для гетманскаго обиранья пріѣзду, также и изъ Запороговъ полковника нашего Ивана Брюховецкаго, или отъ него посланцовъ присылки, и, мимо вашего стародавняго войска запорожскаго обычая, смѣлъ дерзнуть учинился гетманомъ въ маломъ городкѣ и не на полной радѣ безъ совѣту всего войска запорожскаго, при немногихъ полковникахъ, самоизволомъ, забывъ нашу великаго государя милость и жалованье..... И какъ къ тебѣ гетману сія наша великаго государя грамота прійдетъ, а бояринъ..... съ вами сближится, и тебѣ-бъ *наказному* гетману..... учинить полную раду, гдѣ пристойно».....

Далѣе въ грамотѣ сказано, что если его, Сомка, на полной радѣ выберутъ, то государь пришлетъ ему знамя и булаву, а за теперешнюю вѣрную службу его «милостиво похваляютъ». Вышло такимъ образомъ, что Сомко побилъ себя своимъ собственнымъ оружіемъ; онъ-же просилъ о присылкѣ боярина для гетманскаго обиранья, онъ-же указалъ на необходимость присутствія на радѣ депутатовъ отъ коша запорожскаго, и самъ-же нарушилъ эти условія. Мало того, онъ, блюститель правъ и привиллегій малороссійскихъ козаковъ, нарушилъ исконный козацкій обычай—собирать раду для выбора гетмана *въ полѣ*, а не въ городѣ. Таковаго-же содержанія грамоты, съ указаніемъ *на незаконность рады, а не на правильность* выбора Сомка въ гетманы, были посланы и всѣмъ полковникамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они приглашались явиться на пол-

ную раду для выбора гетмана съ соблюденіемъ всѣхъ установившихся обычаевъ.

Гетманство Сомка продолжалось всего одинъ мѣсяцъ, а затѣмъ, по справедливому замѣчанію Н. И. Костомарова, «онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не болѣе». Три раза ускользала у него изъ рукъ гетманская булава, въ четвертый разъ онъ сложилъ за нее голову на плахѣ.

А. Востоковъ.

Москва.
15 декабря 1886 г.

Записки Ивана Матвѣевича Сбитнева.

(Изъ времени учрежденія на Волыни и Подоліи, послѣ возстанія 1831 г., русскихъ школъ, въ замѣнъ польскихъ).

Авторъ предлагаемыхъ записокъ, Иванъ Матвѣевичъ Сбитневъ, родился въ Новгородъ-Сѣверскѣ, воспитывался въ тамошней же гимназіи, изъ которой, по окончаніи полнаго курса, въ 1816 году поступилъ въ харьковскій университетъ по физико-математическому факультету. Окончивъ здѣсь курсъ со степенью кандидата, Сбитневъ былъ назначенъ учителемъ гимназіи въ Екатеринодаръ, а оттуда въ 1820 году переведенъ въ новгородъ-сѣверскую гимназію учителемъ математики. Въ 1832 г. онъ, въ числѣ другихъ учителей, былъ употребленъ учебнымъ начальствомъ для дѣла устройства учебныхъ заведеній въ юго-западномъ краѣ на новыхъ началахъ.

Какъ извѣстно, здѣсь, со времени присоединенія края къ Россіи, царила система польскаго образованія, поддерживаемая всѣми силами польскаго общества и такихъ выдающихся его дѣятелей, какъ Адамъ Чарторыйскій и Ѳаддей Чацкій, и широко сѣяла польскій духъ, симпатіи и традиціи въ средѣ кореннаго русскаго населенія. Съ обнаруженіемъ польскаго возстанія, подготовленнаго главнымъ образомъ путемъ школы, императоръ Николай повелѣлъ закрыть всѣ польскія учебныя заведенія въ цѣломъ краѣ, чтобы образовать въ замѣнъ ихъ русскія. Въ эти новыя заведенія требовались новые дѣятели, которыхъ рѣшили выбрать изъ среды русскихъ учителей; кромѣ того надо было привести въ точную извѣстность средства существованія прежнихъ училищъ, исключительно частныя, т. е. дарственныя записи польскихъ пановъ, такъ называемые фундуши. Для этой то цѣли и былъ избранъ, въ числѣ другихъ, авторъ настоящихъ записокъ, И. М. Сбитневъ,

прежде исполненія сего послѣдняго порученія назначенный инспекторомъ новообразованной русской гимназіи въ г. Каменцѣ-Подольскомъ.

Записки Сбитнева обнимаютъ время 1832—1835 г. и касаются самой темной поры въ мѣстной исторіи народнаго образованія. Этимъ опредѣляется немаловажное историческое ихъ значеніе. Сущность даннаго Сбитневу порученія заключалась въ открытіи школьныхъ фундушей и актуальномъ ихъ установленіи для такъ называемыхъ приходскихъ училищъ въ Подоліи и на Волыни; въ свѣдѣніяхъ объ этомъ и главный интересъ его записокъ. Но этимъ не исчерпывается содержаніе ихъ: авторъ съ большою подробностію говоритъ о выборѣ дѣятелей народнаго образованія для юго-западнаго края и о своемъ переходѣ туда на службу, а при этомъ нерѣдко, хотя мимоходомъ, даетъ весьма интересныв свѣдѣнія, рисующія современное положеніе школьнаго дѣла, его предшествующую судьбу и главныхъ его дѣятелей. Автору не достаетъ широты кругозора; ему неизвѣстны ни правительственные планы во всей ихъ широтѣ, ни ихъ политическая основа, ни частности дѣла, къ которому онъ вмѣстѣ съ другими призывался, онъ смутно представляетъ это дѣло и съ боязнію смотритъ на предстоящую ему службу въ краѣ, который всѣ считали еще польскимъ; но что доступно было его вѣдѣнію и наблюденію, то онъ отмѣчаетъ тщательно и вполнѣ добросовѣстно.

Ведя свои записки въ формѣ путевыхъ замѣтокъ и наблюденій, авторъ разнообразитъ и пополняетъ свой разсказъ описаніемъ, иногда же и краткою исторіею посѣщенныхъ имъ мѣстъ—отъ Новгородъ-Сѣверска до Харькова и отъ Харькова до Каменца-Подольскаго и отдаленныхъ сѣверныхъ пунктовъ Волыни. Это придаетъ запискамъ живость, которую они утратили бы, еслибы представлены были въ формѣ оффиціальнаго отчета.

Помимо историческаго интереса записки Сбитнева не лишены и нѣкоторыхъ литературныхъ достоинствъ; авторъ ихъ въ свое время пописывалъ въ столичныхъ журналахъ и въ запискахъ его замѣтно выдѣляются литературные пріемы того времени.

И. М. Сбитневъ былъ вообще образованнымъ и развитымъ человѣкомъ своего времени. Многочисленные ученики его сохранили самую свѣтлую о немъ память за его гуманное съ ними обращеніе; онъ былъ врагъ педантизма того времени, защищалъ своихъ учениковъ въ совѣтѣ гимназіи, старался развить въ нихъ вкусъ къ литературному чтенію и пониманіе высшихъ интересовъ жизни. Прослуживъ болѣе опредѣленнаго срока, онъ вышелъ въ отставку, поселился снова въ Новгородъ-Сѣверскѣ и умеръ здѣсь въ августѣ 1856 года.

Записки начинаются призывомъ ихъ автора въ командировку и оканчиваются съ исполненіемъ даннаго ему порученія.

3-е іюля 1832 года. Новгородъ-Сѣверскъ.

Наконецъ наступило время отдыха, которое введено въ учебныя заведенія министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1803 году. Кто изъ насъ не вспомнитъ о тѣхъ сладкихъ минутахъ, которыя мы имѣли въ юности нашей при наступленіи лѣтняго отдохновенія! Бывало, съ какою быстротою мы собирались въ путь, съ какимъ трепетаніемъ сердца приближались къ нашимъ домамъ, съ какою радостію бросались въ объятія родителей, принимали ласки домочадцевъ!...

Дѣти, послѣ годичной разлуки, вносили въ дома своихъ родителей или отраду, или огорченіе. Праздникъ въ семействѣ, если дитя явилось къ нимъ на вакацію съ похвалою, наградою отъ училищнаго начальства и переводомъ въ высшій классъ; скука, огорченіе родителямъ, если свидѣтельства обнаружатъ шалость, лѣнь и нерадѣніе ихъ дѣтей.

Въ народныхъ училищахъ, основанныхъ еще въ царствованіе Екатерины Великой, до означеннаго выше времени были два экзамена для учениковъ: одинъ предъ праздникомъ Рождества Христова и двѣ недѣли для отдохновенія, а другой, окончательный, въ іюлѣ мѣсяцѣ, и—одна только недѣля для вакаціи. Но въ замѣнъ того было гораздо болѣе праздничныхъ дней въ году, въ которые не было ученія. Число этихъ праздничныхъ дней значительно превышало число дней нынѣшней лѣтней вакаціи.

Введеніе мѣсячной вакаціи въ учебныя заведенія несравненно полезнѣе для учащихся и учащихъ, чѣмъ прежнія, прерывчатыя отдохновенія во время множества церковныхъ праздниковъ. Дѣти, проводя въ кругу своихъ родныхъ самое лучшее время въ году, имѣютъ благодѣтельный случай, при постоянной свободѣ, отдохнуть, укрѣпить свои силы; за то послѣ вакаціи они уже предаются занятіямъ наукою охотнѣе. Но лишь только начнутся перемежки, праздники, святки, дѣти станутъ развлекаться, слабѣть въ трудахъ. Подлинно, каждый изъ преподавателей не могъ не замѣтить, что дѣти, начиная отъ послѣднихъ чиселъ декабря до истеченія святокъ Свѣтлаго праздника,

учатся не такъ ужъ успѣшно, и только приближеніе грознаго годичнаго отчета, рѣшающаго ихъ судьбу, снова пробуждаетъ въ нихъ заснувшее усердіе, рвеніе къ успѣшному прохожденію науки. Тогда въ одинъ день они дѣлаютъ несравненно болѣе успѣховъ, чѣмъ прежде сего въ недѣлю. Но ослабленіе въ трудахъ, въ усердіи къ наукѣ, проявляющееся между воспитанниками, не происходитъ ли также отъ ослабленія въ трудѣ и недостатка въ усердіи самыхъ воспитателей?—Воспитатели обыкновенно любятъ обвинять дѣтей, будучи иногда сами виновны. Рѣдко, очень рѣдко, въ теченіи моей долговременной службы по учебному вѣдомству, случалось мнѣ замѣтить, чтобы дѣти за нашъ теплый трудъ въ преподаваніи науки, за наше къ нимъ усердіе, заплатили намъ лѣностію, нерадѣніемъ и не успѣхами. Итакъ мы, воспитатели, отвѣчаемъ предъ Богомъ, закономъ и родителями за половину юнаго поколѣнія, которое поступило къ намъ или съ малымъ приготовленіемъ въ наукѣ, или со слабыми способностями. Обязанность добросовѣстнаго наставника состоитъ въ занятіяхъ не съ дѣтьми, хорошо приготовленными, одаренными воспріимчивостію, но съ дѣтьми, которыя имѣютъ слабыя способности, наклонны къ разсѣянію, испорчены. За первыми должно только наблюдать, развивать; послѣднихъ нужно руководить, лелѣять, помогать, поощрять и только въ случаѣ нужды карать, до тѣхъ поръ, пока не привьется къ нимъ любовь, теплота къ наукѣ, къ труду, пока не вырвется у нихъ съ корнемъ порча нравовъ, дурныя привычки, пока не разовьются у нихъ умственныя силы. Вотъ гдѣ трудная обязанность наставника, которая недаромъ названа святою! За то какъ сладокъ бываетъ для него лѣтній покой, если онъ, въ продолженіи академическаго года, прошелъ свой предметъ добросовѣстно и успѣшно для большаго числа своихъ воспитанниковъ!

Наставникъ только въ лѣтнія вакаціи можетъ свободно обработать свои лекціи для будущаго академическаго года, на досугѣ устраивать свое благосостояніе, свидѣться съ близкими родными, пріучить себя къ условіямъ, принятымъ въ общежитіи

и отвыкнуть отъ особенныхъ привычекъ, которыя прививаются незамѣтно отъ продолжительнаго обращенія съ дѣтьми и которыя, по забвенію, проявляются иногда тамъ, гдѣ бы этого не слѣдовало. Не правда ли, что долговременное служеніе чиновника по учебному вѣдомству налагаетъ на его личность особенную печать, дѣлаетъ его эксцентрическимъ, не ловкимъ въ пріемахъ, принятыхъ въ свѣтѣ. Но за то бесѣда его будетъ пламенной, восторженной въ обществѣ томъ, гдѣ любятъ поговорить о наукѣ, которою онъ преимущественно занимался!

Сегодня вечеромъ я простился съ моимъ почтеннымъ начальникомъ, директоромъ Н. Ѳ. Тимковскимъ. Вотъ и онъ окончилъ уже свою годичную отчетность и располагаетъ завтра отправиться въ деревню на лѣтній отдыхъ.

Опять повторяю: великое дѣло для чиновника имѣть отдыхъ на цѣлый мѣсяцъ, безъ контроля, безъ подчиненности, быть властителемъ своего времени, своихъ занятій, безъ зова училищнаго колокольчика, отъ котораго бываетъ иногда очень грустно. Мнѣ кажется, ни на кого звукъ его не производитъ такого сильнаго впечатлѣнія, какъ на чиновника учебнаго вѣдомства! Не правда ли, онъ напоминаетъ преподавателю мгновенно, вереницею, всѣ его обязанности въ отношеніи къ начальству, къ учащимся, отвѣтъ предъ Богомъ, государемъ и обществомъ? Особенно онъ невыносимъ при началѣ академическаго года!

Такимъ или подобнымъ размышленіямъ предавался я по окончаніи еще одного года моей службы, намѣреваясь и самъ предаться отдыху, когда 3 іюля 1832 г., въ три часа по полудни, прибѣжавшій ко мнѣ въ попыхахъ училищный служитель объявилъ мнѣ, что г. директоръ проситъ меня пожаловать къ нему тотчасъ и что получена какая-то важная бумага съ почты. Я немедленно отправился къ директору, гдѣ уже засталъ двухъ моихъ товарищей: Македонскаго, учителя русской словесности, и Красковскаго, учителя историческихъ наукъ.

— А, и вы здѣсь? обратился я къ нимъ въ смущеніи.—Не знаете ли, для чего насъ позвали? Какая получена бумага?

Мои товарищи пожали плечами и отвѣчали мнѣ, что ничего не знаютъ, а между тѣмъ и сами не скрывали отъ меня своего недоумѣнія и безпокойства, которыя родились у нихъ отъ такого неожиданнаго призыва.

Въ ожиданіи появленія директора, мы почти съ часъ просидѣли въ залѣ, не говоря другъ съ другомъ ни слова. Директоръ Илья Федоровичъ Тимковскій имѣлъ иногда привычку потомить своихъ подчиненныхъ ожиданіемъ выхода, особенно въ случаяхъ важныхъ. Это обстоятельство еще болѣе смущало насъ и дѣлало безмолвными.

Наконецъ директоръ вышелъ къ намъ съ бумагою въ рукахъ и объявилъ намъ слѣдующее: «Вы, господа, должны всѣ трое отправиться въ Харьковъ, немедленно, по дѣламъ службы. Вотъ бумага, которую я сегодня получилъ отъ ректора университета Еллинскаго; извольте ее прочесть». Нужно ли описывать, съ какимъ нетерпѣніемъ мы желали поскорѣе узнать смыслъ этой бумаги? Содержаніе бумаги было короткое, но таинственное. Ректоръ писалъ директору слѣдующее: «Покорнѣйше прошу ваше высокоблагородіе немедленно распорядиться объ отправкѣ учителей ввѣренной вамъ гимназіи: Сбитнева, Македонскаго и Красковскаго въ Харьковъ, по дѣламъ службы, которые обязаны явиться ко мнѣ непремѣнно къ 9-му іюлю».

Директоръ и мы изумлялись отъ такого необыкновеннаго и поспѣшнаго требованія, тѣмъ болѣе, что о прогонахъ не было ничего упомянуто.

Какъ ни старались мы увѣрить себя, что намъ нечего страшиться, что мы не чувствуемъ за собой никакой вины, но не хочу скрывать, что мы все таки были встревожены такимъ строгимъ требованіемъ, безпримѣрнымъ для чиновниковъ учебнаго вѣдомства, по крайней мѣрѣ до этихъ поръ. Бывало, хочетъ чиновникъ служить и служитъ лѣтъ 40 на одномъ мѣстѣ, даже до смерти; желаетъ выйти въ отставку, его увольняютъ; вздумаетъ перемѣстяться въ другое мѣсто, его перемѣщаютъ безпрекословно, если есть вакансія.

Бывало, учители по полугоду болѣютъ, достигаютъ глубокой дряхлой старости, придерживаются плохой, обветшалой методы въ преподаваніи своихъ лекцій,—все имъ прощалось. Начальство снисходительно смотрѣло даже на значительнѣйшіе недостатки и неспособности чиновника. «Совѣстно обидѣть бѣднаго несчастнаго чиновника, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, получающаго такой ограниченной окладъ жалованья»! говорили обыкновенно члены училищнаго комитета, если доходили къ намъ частныя, даже оффиціальныя свѣдѣнія о какомъ либо непригодномъ къ службѣ учителѣ. И не потому ли въ то время родители высшаго круга не питали совершеннаго довѣрія къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ и поручали воспитаніе своихъ дѣтей иноземнымъ пришельцамъ?..

Но я уклонился отъ предмета. Насъ занимало, насъ даже смущало таинственное требованіе, которое надо было выполнить въ самократчайшее время и въ совершенной точности. Словомъ, мы должны были спѣшить отправиться въ неблизкій путь.

Поѣздка въ Харьковъ.

Въ одинъ день я собрался въ дорогу; ко мнѣ присталъ Красковскій. Прогоновъ намъ не выдали, потому что отъ Новгородъ-Сѣверска до Харькова считается всего только 400 верстъ. Поэтому мы рѣшились отправиться въ путь на долгихъ и ужъ конечно на свой счетъ.

Лишь только вербы глуховской дороги скрыли отъ насъ Новгородъ-Сѣверскъ, вдругъ съ сѣвера начала подниматься черная туча, гонимая сильнымъ вѣтромъ; она заволокла весь горизонтъ и скрыла отъ насъ солнце; густая пыль, поднявшись столбомъ до облаковъ, ослѣпляла насъ, сверкнула молнія, грянулъ громъ, и тяжелая туча разразилась проливнымъ дождемъ, измочившимъ насъ до нитки. Неужели разлука моя съ семействомъ, подумалъ я, подвергнетъ жизнь мою внѣшнему бурному вліянію, изломитъ, запятнаетъ ея теченіе, до тѣхъ поръ покойное и счастливое? Крупный дождь мочилъ насъ до самой Богдановки, гдѣ мы рѣшились имѣть нашъ первый ночлегъ и высушиться. Къ

счастью нашему, на другой день настала ясная погода и не измѣняла намъ до самаго прибытія нашего въ Харьковъ.

Мы проѣхали Шостенскій пороховой заводъ. Прямыя, ровныя улицы, однообразные дома, построенные на кирпичныхъ основаніяхъ, красивыя ворота при въѣздѣ и выѣздѣ, съ позолоченными орлами, симметрическая посадка деревьевъ по улицамъ, ясно показывали, что надъ этимъ многолюднымъ поселеніемъ господствуетъ заботливая военная власть. Красивый Гамалѣевскій женскій монастырь навѣялъ на насъ набожныя чувства. Мы зашли въ церковь и помолились усердно, тепло; да выпутаетъ насъ Творецъ милосердый благополучно изъ нашихъ таинственныхъ обстоятельствъ! Прелесть глуховскихъ равнинъ, съ одной стороны безпредѣльныхъ, а съ другой окаймленныхъ лѣсистыми горами, разогрѣла нашу душу къ принятію живыхъ впечатлѣній, къ ослабленію нашей грусти, которая по временамъ невольно западала въ мою душу, какъ отъ грознаго призыва въ Харьковъ, такъ и отъ разлуки съ родиною и семьей.

За Глуховомъ, въ 6-ти верстахъ отъ деревни, прекрасный ландшафтъ представился намъ по обѣимъ сторонамъ дороги и такъ плѣнилъ насъ, что мы остановились здѣсь кормить лошадей, хотя еще было рано.

Вотъ небольшая рѣка Клевань! Она составляетъ рѣзкую границу между гетманщиною (Малороссіею) и Великою Россіею. За нею иные жители, иная рѣчь, иная дѣятельность, иные обычаи; даже замѣтна разность въ природѣ физической: вмѣсто песчаныхъ полей, пересѣкаемыхъ частыми лѣсами, единообразная степь, состоящая изъ чернозема, съ роскошною растительностію, простирается до небосклона отдаленнаго.

Отъ чего единообразіе степи скоро наскучаетъ человѣку? Тамъ за легкій трудъ—богатая награда. Отъ чего гористыя мѣста, разрѣзываемыя бурными ручьями, поросшія густыми лѣсами, чаруютъ его душу? Тутъ и трудъ, и опасность, и малая награда, и препятствія. Отъ чего мирное, единообразное теченіе жизни нашей черствитъ умственныя наши способности и отъ чего сила ихъ проявляется только въ жизни дѣятельной и въ

борьбѣ съ препятствіями?—Подобные вопросы мы задавали одинъ одному въ Путивлѣ, въ городѣ замѣчательномъ въ эпоху борьбы Россіи съ властолюбіемъ Польши, и каждый изъ насъ рѣшалъ эти вопросы по своему убѣжденію.

Кто любитъ натуральные ландшафты, пусть въ Путивлѣ пойдетъ на городскую площадь, станетъ на самомъ краю утеса и посмотритъ на луговую сторону р. Сейма: тотъ, я увѣренъ, не равнодушно проведетъ часъ времени!

Вотъ торговой городъ Сумы. Онъ построенъ на самой срединѣ необъятной и прелестной равнины, омываемой р. Пселомъ.

Вотъ нагорное и лѣсистое урочище, называемое Образъ, потому, что въ красивой каплицѣ, которая сооружена возлѣ лѣса, хранится чудотворная икона Матери Божіей. Это урочище своими мрачными дубравами, дикими и глубокими ярами, пробудило въ товарищѣ моемъ воспоминаніе о наѣздничествѣ и удальствѣ гайдамакъ, которые когда-то скрывались въ этихъ лѣсныхъ трущобахъ. Онъ неравнодушно воспоминалъ о поэтической жизни этихъ суровыхъ сыновей пустынь слободско-украинскихъ, и въ честь ихъ спѣлъ, съ значительною восторженностію, пѣсню: «Лита орелъ, лита сизый».

Тѣ счастливцы, кому досугъ и богатство дозволяли почаще посѣщать различныя страны, меньше подвергаются сильнымъ впечатлѣніямъ; но мы, домосѣды, на все смотрѣли съ юношескимъ любопытствомъ. Насъ сильно занимали и особенности украинцевъ, рослыхъ и тяжелыхъ на подъемъ, и наивность ихъ женщинъ, опрятныхъ и привѣтливыхъ, и чистота избъ украинскихъ, выбѣленныхъ и кой-гдѣ желтою глинкою покрашенныхъ, и вообще приволье въ жизни украинской. Всякое укрѣпленіе, всякій курганъ, лежащіе въ степи, живо рисовали въ нашемъ воображеніи битвы русскихъ съ крымцами, бродячую жизнь запорожцевъ, ловкихъ, удалыхъ, и невольно приводили намъ на память мудрую и неусыпную дѣятельность русскихъ самодержцевъ, оградившихъ эти пустыни отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ и вольницы, давшихъ средства основать села, мѣстечки и города, нынѣ уже значительно процвѣтающіе.

Впрочемъ, скажу мимоходомъ, тотъ сильно ошибется, кто потребуетъ отъ насъ многихъ дѣльныхъ замѣтокъ о нашемъ путешествіи отъ Новгорода Сѣверскаго до Харькова, на разстояніи почти 400 верстъ! Въ должностныхъ поѣздкахъ, спѣшныхъ, срочныхъ, сидя всякій день по пяти часовъ на повозкѣ до обѣденнаго отдыха и часа по четыре до ночлега, не много увидишь, узнаешь интереснаго о пройденной странѣ!... Одно воображеніе, насыщенное историческими воспоминаніями, оживляло нашу дорогу.

Наконецъ, въ бореніи любопытства и страха, мы увидѣли съ Холодной горы Харьковъ, 9-го іюля, именно въ тотъ день когда намъ велѣно явиться къ начальству университета...

Харьковъ.

Харьковъ многолюдный, красивый, богатый и торговый городъ. Вотъ что намъ тотчасъ бросилось въ глаза, когда мы ѣхали по длинной Екатеринославской улицѣ, обстроенной прекрасными зданіями! Намъ казалось, что жизнь въ немъ кипитъ несравненно болѣе, чѣмъ гдѣ либо, потому, можетъ быть, что мы долго засидѣлись въ скромномъ Новгородѣ-Сѣверскѣ, гдѣ по главнымъ улицамъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, не увидишь часто ни одного человѣка! Отъ ѣзды множества экипажей надъ Харьковомъ висѣла густая пыль, для насъ не выносимая. Она и спирала наше дыханіе, и ослѣпляла наши глаза. Мы остановились на квартирѣ на постояломъ дворѣ, дрянномъ, неопрятномъ домикѣ, который стоялъ надъ самою р. Лопанью противъ круглаго трактира, въ близкомъ разстояніи отъ университета, и немедленно занялись приготовленіемъ къ предстоявшему на другой день утреннему визиту.

Ректоръ университета Елинскій принялъ насъ милостиво, обязательно и объявилъ намъ чистосердечно, что попечитель харьковскаго учебнаго округа Филатьевъ, бывшій еще въ ту пору въ Петербургѣ, предписалъ совѣту университета, чтобъ, выбравъ лучшихъ преподавателей изъ округа, отправилъ ихъ на службу въ имѣющія открыться учебныя заведенія въ подоль-

ской и волынской губерніяхъ; при томъ онъ добавилъ, что этотъ выборъ сперва повѣритъ лично самъ попечитель, а потомъ отъ тѣхъ чиновниковъ, на которыхъ падетъ жребій, никакія отговорки, никакія причины не будутъ приняты въ уваженіе, исключая только тяжкихъ неизлечимыхъ болѣзней. «Имъ, говорилъ онъ, выдадутъ, сверхъ прогоновъ, денежныя пособія на путевыя издержки; увеличатъ окладъ жалованья, несравненно большій противъ настоящаго, дадутъ впослѣдствіи и другія награды, и вообще тамъ служба гораздо виднѣе, чѣмъ здѣсь». «Для этой то цѣли и списокъ избранныхъ наставниковъ препроводится, добавлялъ онъ, на высочайшее усмотрѣніе государя императора»...

Скоро намъ ясны стали обстоятельства, приведшія къ такимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, равно и самый ходъ дѣла, къ которому мы призывались.

Въ 1830 году, въ началѣ осени, зашумѣли буйныя головы сперва въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ нашихъ западныхъ провинціяхъ. Поляки, подстрекнутые французами, захотѣли отвергнуть мирную жизнь подъ мудрымъ правленіемъ русскихъ самодержцевъ и произвели войну кровопролитную. Но Варшава пала, анархія подавлена; буйныя головы удалились во Францію и Англію, а легкомысліе присмирѣло. Тогда-то наше правительство вознамѣрилось дать юношеству западныхъ губерній воспитаніе прочное, въ духѣ господствующаго народа и самодержавія. Для этой цѣли оно отправило, осенью 1831 года, въ кіевскую, подольскую и волынскую губерніи попечителя харьковскаго учебнаго округа Филатьева и двухъ профессоровъ харьковскаго университета: Кронеберга и Архангельскаго. Первымъ занятіемъ ихъ было закрыть всѣ существующія въ нихъ училища, ознакомиться съ тамошними чиновниками учебнаго вѣдомства и избрать мѣста, гдѣ удобнѣе можно основать гимназіи на новыхъ началахъ, такъ, чтобъ онѣ вполнѣ удовлетворяли требованіямъ правительства. Проэктъ ихъ по сему предмету представленъ былъ министру просвѣщенія Шишкову, а въ слѣдъ за проэктомъ отправился въ Петербургъ и самъ попечитель, для личнаго совѣщанія о новомъ устройствѣ училищъ.

Мы узнали, что, кромѣ насъ, почти въ одно время явились въ Харьковъ чиновники изъ гимназій: курской, воронежской, черниговской, екатеринославской, херсонской и астраханской. Вытребовано было всѣхъ чиновниковъ 52 человѣка.

Я нашелъ въ Харьковѣ многихъ моихъ товарищей по университету, а именно: Елинскаго, ректора университета и профессора хирургіи, Тюрина, директора херсонской гимназіи, Черняева, профессора ботаники, Затеплинскаго, профессора астрономіи, Бойкова, профессора агрономіи, Федорова и Яковлева, старшихъ учителей воронежской гимназіи, Калиновскаго, старшаго учителя астраханской гимназіи, и Пригару, штатнаго смотрителя борзенскаго училища.

Свиданіе наше было умилительно! Мы оставили университетскія скамьи около 15-ти лѣтъ тому назадъ, въ полной молодости, съ теоретическимъ воззрѣніемъ на свѣтъ, съ выгоднымъ мнѣніемъ о своихъ достоинствахъ. Мы надѣялись играть значительную роль въ обществѣ, получивъ высшее образованіе; мы были увѣрены, что будемъ пользоваться полнымъ уваженіемъ лицъ, не видѣвшихъ стѣнъ университета. Однако скоро мы разочаровались въ нашихъ мечтахъ в ожиданіяхъ! Скудный окладъ жалованья, встрѣча съ невѣжествомъ богатымъ, съ невѣжествомъ, гордившимся своимъ высокимъ происхожденіемъ, нежеланіе примѣняться къ пустымъ обычаямъ жителей, требовательныхъ и упорныхъ, особенно въ малыхъ городахъ, доставляли намъ много непріятвостей и горя. Обзаведшись семействомъ, мы еще болѣе усилили нашу незавидную долю. Недостатки и предосудительное поведеніе нашихъ предшественниковъ помогали невниманію къ намъ даже во мнѣніи порядочныхъ и благомыслящихъ людей. При томъ мы состарѣлись; нѣкоторые изъ насъ стали терять къ себѣ довѣріе, другіе совершенно пали духомъ. Однако мы все-таки много обязаны были наступившимъ событіямъ, хоть тѣмъ, что они помогли намъ свидѣться; безъ нихъ этого никогда не могло бы случиться. Забывъ настоящую дѣйствительность, для многихъ изъ насъ незавидную, мы, при нашихъ сходкахъ, бросались въ воспоминанія о быломъ, о на-

шей университетской жизни, полной наслажденій, мечтаній, надеждъ и очарованій. Въ общество наше часто приходили любимые нами профессора: Комлишенскій и Павловскій; Пригара былъ мастеръ одушевлять нашу бесѣду разсказами о козакахъ, которые надѣлали ему много хлопотъ, и живымъ изображеніемъ тѣхъ лицъ, о которыхъ онъ говорилъ, въ рѣчахъ, тѣлодвиженіяхъ и привычкахъ ихъ. Мы смѣялись много, какъ бывало, смѣялись въ то время, когда были студентами! Черняевъ и Затеплинскій описывали намъ свое свиданіе съ знаменитыми учеными въ Германіи, Франціи и Англіи, развитіе сельскаго домоводства, промышленности, цивилизаціи и просвѣщенія въ этихъ государствахъ. Они путешествовали за границею три года на счетъ суммъ харьковскаго университета. Тюринъ, который не задолго предъ симъ визитировалъ полуденныя учебныя заведенія харьковскаго округа, живо изображалъ намъ свои впечатлѣнія, которыя произвели на его душу величественный Эльборусъ, господствующій надъ цѣпью кавказскихъ горъ [1]). Эту цѣпь онъ уподоблялъ черной тучѣ, охватившей далекій горизонтъ, каменной стѣнѣ, преграждающей свободный путь въ прелестную Малую Азію, богатую историческими событіями, роскошью растительности и, къ сожалѣнію, варварствомъ жителей. Калиновскій разсказывалъ намъ про любопытную Астрахань, въ которой проживаютъ образчики почти всѣхъ азіятскихъ народовъ, съ ихъ богослуженіемъ, привычками и костюмами, наводилъ на насъ грусть, которую онъ самъ чувствовалъ, проѣзжая песчаную приволжскую пустыню, мѣстами населенную юртами калмыковъ. Я вспоминалъ мое двухъ-годичное пребываніе между черноморскими козаками, ихъ битвы съ горскими народами, о сопкахъ на Таманѣ и въ Крыму, о рѣзкихъ слѣдахъ существованія заморскаго царства и о моей храброй выходкѣ съ заржав-

---

[1]) Вѣдомству харьковскаго учебнаго округа принадлежали тогда гимназіи: симферопольская, ставропольская, екатеринодарская и астраханская со всѣми низшими училищами въ этихъ губерніяхъ. Полтавская и черниговская губерніи принадлежали тоже харьковскому округу.

ленной саблею, противъ напавшей на Екатериноградъ ватаги черкесовъ,—выходкѣ, заставившей расхохотаться всю широкоштанную усатую батарею черноморцевъ. Потомъ снова разнообразили нашу бесѣду задушевнымъ разсказомъ о нашихъ семействахъ, нашихъ предпріятіяхъ, надеждахъ, лишеніяхъ, потеряхъ и горестяхъ; хвалились пріобрѣтеніемъ опытности, тяжкими страданіями. И тутъ-то мы подмѣтили, что у многихъ изъ насъ уже показались сѣдины, начатки разрушенія организма! А много ли мы сдѣлали?!

Такимъ образомъ, не чувствительно для насъ протекло двѣ недѣли со времени нашего прибытія въ Харьковъ; а между тѣмъ не было никакихъ вѣстей ни о пріѣздѣ попечителя, ни о его распоряженіяхъ.

Университетское начальство, для того, чтобы мы не соскучились, озаботилось открыть намъ свою библіотеку и всѣ свои кабинеты; намъ позволяли пользоваться книгами, показывали намъ рѣдкіе и любопытные предметы и объясняли свойства ихъ. Эти учебныя пособія содержались въ отличномъ порядкѣ, но число предметовъ въ нихъ было пока не велико. Ежели университетъ имѣлъ тогда слишкомъ ограниченныя матеріальныя пособія, то чего же должно было ожидать отъ гимназій, уѣздныхъ училищъ?

Скоро потомъ профессора: Кронебергъ, Комлишенскій, Архангельскій, Бойковъ и Чановъ начали приглашать къ себѣ, по утрамъ, по очереди, по два или по три человѣка изъ вызванныхъ чиновниковъ. Имъ предлагались вопросы или изъ наукъ, которыми они преимущественно занимались, или изъ современныхъ событій, общественнаго быта, общей литературы, рѣшеніе которыхъ всѣмъ доступно. Профессора внимательно слѣдили за точностію отвѣтовъ, образомъ объясненія и пріемами въ обращеніи. Мой товарищъ Красковскій справедливо замѣтилъ, что эта бесѣда имѣла видъ испытанія, потому что гг. профессоры тотчасъ дѣлали свои отмѣтки. Впрочемъ Македонскій и я были изъяты отъ этого испытанія.

Надобно замѣтить, что Кронебергъ и Архангельскій отлично отзывались всегда объ учителяхъ школъ въ западныхъ провинціяхъ; поэтому видно, что экзаменаторы этимъ испытаніемъ желали замѣнить тѣхъ преподавателей такими, которые не уступали бы имъ ни въ ловкости обращенія и находчивости, ни въ развитіи наукою.

Вслѣдъ за тѣмъ мы узнали, что эти испытанія производились по поводу письма, полученнаго ректоромъ отъ попечителя изъ Петербурга. Въ этомъ письмѣ онъ извѣщалъ также и о скоромъ своемъ возвратѣ въ Харьковъ.

Прошла еще недѣля! Нѣтъ попечителя, нѣтъ мѣръ для рѣшенія нашей участи. Уже и наши средства содержанія стали истощаться, потому что мы взяли изъ дому не много денегъ, полагая недолго прожить въ Харьковѣ. Мы стали уже скучать и скука наша проявлялась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ прежде живѣе было удовольствіе отъ свиданія съ школьными товарищами. Уже стали мы замѣчать, что иное товарищъ въ школѣ, иное человѣкъ въ свѣтѣ....

Наконецъ, 4-го августа, часу въ четвертомъ по полудни, пріѣхалъ попечитель, котораго скоро посѣтилъ ректоръ университета. Итакъ, мгла нашихъ финансовыхъ затрудненій разсѣялась, давъ мѣсто овладѣть душею нашею надеждѣ на скорое рѣшеніе нашей участи!

Дѣйствительно, на другой день насъ оповѣстили, чтобы мы 6-го августа собрались въ университетскую церковь для выслушанія обѣдни, а потомъ явились бы къ его превосходительству.

И вотъ, мы, вызванные чиновники, въ 9 часовъ 6-го августа, всѣ прибыли въ церковь въ полныхъ мундирахъ, за нами многіе професора и ректоръ университета, а потомъ и самъ попечитель. Обѣдня тотчасъ началась. Конечно молитва наша была теплая, усердная. Послѣ обѣдни ректоръ повелъ насъ въ залу, къ его превосходительству. Чрезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ попечителя позвали Кулжинскаго и Рудановскаго. Когда они возвратились къ намъ, то по радос-

нымъ лицамъ ихъ видно было, что имъ сдѣлано было назначеніе очень пріятное. Дѣйствительно, первый назначенъ директоромъ, второй инспекторомъ въ луцкую гимназію. Учителями въ туже гимназію опредѣлены Морачевскій и Калиновскій. За сими вслѣдъ позвали меня и Македонскаго. Его превосходительство съ минуту пытливо смотрѣлъ на насъ, не говоря ни слова. Потомъ онъ милостиво объявилъ намъ, что одинъ изъ насъ долженъ отправиться инспекторомъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, гдѣ опредѣленъ уже директоромъ Телешевъ, а другой въ житомірскую, гдѣ есть уже директоръ Бокщанинъ. Македонскій просилъ попечителя предоставить ему службу въ житомірской гимназіи, по той причинѣ, что въ Житомірѣ служилъ его братъ, слѣдовательно, на мою долю досталась служба въ Каменецъ-Подольскѣ. И я принялъ мой жребій съ живѣйшею благодарностію его превосходительству за его милостивое вниманіе ко мнѣ. Учителями въ подольскую гимназію назначены: Китченко, Науменко и мой товарищъ Красковскій, а въ житомірскую приглашены два чиновника изъ Петербурга. Въ винницкую гимназію опредѣлены: директоромъ Фовицкій, инспекторомъ Рябоконовъ, а учителемъ Яковлевъ. Всѣмъ прочимъ вызваннымъ чиновникамъ велѣно отправиться къ своимъ должностямъ, а намъ ожидать пока дальнѣйшихъ распоряженій.

И такъ только 12 человѣкъ было избрано дѣятелями великаго дѣла преобразованія молодаго поколѣнія въ губерніяхъ кіевской, подольской и волынской, вмѣстѣ съ чиновниками кіевской гимназіи, куда издавна опредѣляли уже чиновниковъ православнаго исповѣданія. И это избраніе послѣдовало въ день Преображенія Господня, какъ бы въ ознаменованіе того, что и мы должны облечься въ новую одежду труда и тонкаго благоразумія, содѣйствуя видамъ правительства!

Мы простились съ товарищами нашей юности со слезами на глазахъ. Они пожелали намъ успѣха въ предполагаемой цѣли, а мы, проводивъ ихъ, пожелали имъ лучшей участи, здоровья и долголѣтней жизни. Разлука наша была также уми-

лительна, какъ и самое свиданіе. Свидимся ли мы снова еще въ этой жизни?...

10 августа и наша судьба рѣшена окончательно. Попечитель приказалъ намъ, по полученіи прогоновъ, отправиться къ мѣстамъ нашей службы, гдѣ мы должны ожидать предписанія объ отъѣздѣ въ западныя провинціи, выдачи прогонныхъ денегъ и сверхъ того значительнаго денежнаго пособія на подъемъ. Того же числа мы оставили Харьковъ. Время покроетъ туманомъ забвенія наше необыкновенное посѣщеніе этого города, посѣщеніе, которое сильно занимало жителей его! Это событіе замѣнится приливомъ свѣжихъ важнѣйшихъ происшествій; время также поглотитъ въ волнахъ забвенія и наше существованіе, замѣнивъ его другими дѣятелями по учебному вѣдомству, съ иною цѣлью, иною предпріимчивостію!

Не равнодушно мы взглянули съ дергачевскихъ горъ, можетъ быть въ послѣдній разъ, на высокую харьковскую колокольню, которая начала уже скрываться въ туманной выси. Слеза закрыла глаза мои. Я всегда любилъ и теперь люблю Харьковъ, гдѣ въ юности, воспріимчивой, цвѣтущей, беззаботно взиралъ на будущее, гдѣ я имѣлъ много свѣтлыхъ отрадъ: и родственную привѣтливость моихъ наставниковъ, и наслажденія въ наукѣ, дружбѣ, и сильныя біенія сердца къ существу, которому не суждено было сопутствовать мнѣ въ жизни. Эти воспоминанія всегда слѣдили меня, и нынѣ слѣдятъ въ минуты моего одиночества, отдохновенія, и будутъ слѣдить до послѣдняго моего дыханія...

Красковскій долго стоялъ неподвижно, глядя на Харьковъ. Потомъ, глубоко вздохнувъ, отеръ глаза и сказалъ: «пора ѣхать! пора! поѣдемъ»!

Новгородъ-Сѣверскъ. 1832 года.

1-го декабря дирекція гимназіи получила предписаніе отъ училищнаго комитета харьковскаго университета объ отправленіи меня въ Каменецъ-Подольскій на должность инспектора гимназіи и вмѣстѣ преподавателя высшей части математики,

Македонскаго въ гимназію житомірскую на должность инспектора и преподавателя русской словесности, а Красковскаго преподавателемъ латинскаго языка, присовокупляя при этомъ, что гимназіи подольская и житомірская должны открыться непремѣнно 1-го генваря 1833 года. И такъ это предписаніе есть послѣднее звѣно, соединявшее меня съ родною гимназіею, гдѣ я прежде учился, а потомъ служилъ!

Директоръ замедлилъ отправкою насъ, потому, что не скоро были высланы подорожнія отъ черниговскаго гражданскаго губернатора, а въ то время не имѣлось подорожень по казенной надобности. Судя по заботливости Тимковскаго о надзорѣ за, гимназіею, ему ввѣренною, которую этотъ превосходный начальникъ желалъ сдѣлать образцовою, это замедленіе для него было очень пріятно, потому что гимназія отъ недостатка трехъ преподавателей могла ослабѣть, а ихъ не только въ то время, да и теперь замѣнить другими, наличными, было почти не возможно.

Наконецъ, 6-го генваря, мы получили прогонныя деньги, подорожнія и подъемныя: Македонскому и мнѣ назначили по 300 руб. ассиг., а Красковскому 150 руб. асс. Мы простились съ нашимъ начальникомъ, глубоко нами уважаемымъ, который постоянно, не усыпно заботился, какъ онъ всегда выражался, о своей гимназіи, умѣлъ подчинить насъ къ себѣ душевно, входя съ живымъ участіемъ во всѣ обстоятельства нашей частной жизни, наблюдая и укрѣпляя насъ къ неослабному исполненію служебныхъ обязанностей нашихъ. Новгородсѣверскую гимназію онъ называлъ своею еще потому, что онъ преобразовалъ ее въ 1808 году изъ главнаго народнаго училища, будучи посланъ для этой цѣли отъ университета визитаторомъ. Сверхъ того, еще въ бытность свою профессоромъ университета, участвовалъ и голосомъ и властію въ необходимости имѣть гимназію въ такомъ пунктѣ, отъ котораго-бы прочія гимназіи отстояли почти на двухъ-сотъ-верстномъ разстояніи. Эту мѣру вполнѣ одобрилъ бывшій министръ просвѣщенія, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, который, посѣщая, лѣтомъ 1809 года,

новгородсѣверское главное народное училище, остался доволенъ и способностями преподавателей и успѣхами учащихся, и многолюдствомъ и благонравіемъ ихъ, и прелестнымъ положеніемъ города.

Подлинно, существуютъ также стратегическіе пункты для устройства учебныхъ заведеній, подобно тому, какъ существуютъ стратегическія мѣста, важныя въ военномъ отношеніи. Гдѣ много живетъ въ окрестности мелкопомѣстныхъ дворянъ, тамъ учебное заведеніе будетъ непремѣнно многолюдно. Устройте училище въ киргизскихъ степяхъ, снабдите его превосходными пособіями, дайте ему отличныхъ преподавателей, оно будетъ пусто. По этому не удивительно, если новгородсѣверская гимназія была всегда многолюдна и пользовалась постоянно хорошею репутаціею, по причинѣ достойныхъ чиновниковъ, въ ней служившихъ и служащихъ.

Я простился съ моими сотрудниками по новгородсѣверской гимназіи. Нѣкоторые изъ нихъ были моими наставниками, а другіе когда-то дѣлили со мною дѣтскія игры, потомъ раздѣляли со мною трудные, святые подвиги на поприщѣ воспитанія юношества.

Поѣздка въ Каменецъ-Подольскій.

10-го генваря, 1833 года, обнявъ мое семейство, я оставилъ Новгородсѣверскъ. Малолѣтнія дѣти мои не понимали еще этой разлуки. Я не могъ и не считалъ благоразуміемъ разомъ подняться со всѣмъ моимъ семействомъ, потому болѣе, что, какъ я думалъ тогда, опасно было пріѣхать въ страну, гдѣ недавно кипѣли смуты и брани, и потому, что было неудобно переѣзжать съ дѣтьми въ холодную пору, и еще потому, что сперва нужно устроить квартиру, обзавестись разными потребностями, обыкновенными въ семейномъ быту.

Пріѣздомъ моимъ въ Кролевецъ я обрадовалъ тамошняго судью, Капитана Долинскаго. Этотъ чиновникъ былъ мой родственникъ, съ которымъ видѣться въ каникулярное время было непремѣнною моею обязанностію. Онъ участвовалъ въ борьбѣ

Александра Благословеннаго съ Наполеономъ, а потому всякій разъ свиданіе съ нимъ было для меня интересно. Къ тому-же онъ былъ мастеръ разсказывать пламенно, увлекательно, подробности о томъ, что самъ видѣлъ, слышалъ, про отечественную войну, о которой еще не доходило къ намъ никакихъ описаній. Я пробылъ у него однако не болѣе двухъ часовъ. Ночевалъ въ Алтыновкѣ на станціи, гдѣ въ комнатѣ безъ ошибки можно было опредѣлить болѣе 10° и ниже точки замерзанія.

На другой день я проѣхалъ Батуринъ, бывшій долгое время столицею малороссійскихъ гетмановъ, а теперь деревня, построенная на живописномъ мѣстѣ. Имѣлъ ночлегъ въ Борзнѣ у тамошняго штатнаго смотрителя Пригары, о которомъ я упомянулъ уже прежде. Я прозябъ до костей отъ сильнаго мороза, но Пригара меня согрѣлъ и теплотою своей пріязни, и горячимъ чаемъ, и своими разсказами, всегда забавными. Однако среди нашего веселія прививалась ко мнѣ порою грустная мысль о разлукѣ съ семействомъ и родиною, гдѣ душа отдыхала, обращаясь къ предметамъ знакомымъ, и наслаждалась воспоминаніемъ о быломъ!

Правда, и на родинѣ не всегда свѣтитъ солнце истины, не всегда цвѣты надеждъ прозябаютъ, не всегда ласкаютъ благовонные зефиры усердія и радушія. Гдѣ-же лучше, однако, укрыться отъ непогодъ и грозныхъ явленій нравственнаго міра, какъ не въ родимомъ уголкѣ своемъ? Горько уподобляться стеблю оторванному отъ своего корня, стеблю, который сохнетъ въ отдаленіи! Горько влачить жизнь безъ пріязненныхъ движеній души, услаждающихъ наше бытіе и которыя рѣдко встрѣчаемъ на чужой сторонѣ!...

Хотя Борзна стоитъ на московской дорогѣ, однако мало обнаруживаетъ признаковъ благосостоянія. Этотъ городъ богатъ больше естественными произведеніями, чѣмъ деньгами и промышленностію, а потому жители его обитаютъ по большей части въ домахъ съ кровлями соломенными. На третій день я прибылъ въ Нѣжинъ, населенный греками, имѣющій высшую гимназію, устроенную иждивеніемъ князя Безбородка въ 1820 году. Это

заведеніе и торговля сдѣлали его значительнымъ городомъ въ имперіи; Нѣжинъ славится вареньями, табакомъ, огурцами, сливами, вишнями. и греческими колбасами. Здѣсь я видѣлся съ гимназическимъ врачемъ. Федоровичемъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ, и Билѣвичемъ, бывшимъ моимъ сослуживцемъ, а теперь профессоромъ въ гимназіи. Послѣднему я былъ когда-то полезенъ своими связями по Харькову, а въ Нѣжинѣ, на перепутьи, онъ въ свою очередь отплачивалъ мнѣ своимъ родственнымъ радушіемъ. Федоровичу я также много обязанъ и покойнымъ пріютомъ, и дружескимъ привѣтомъ, и гостепріимствомъ. Кто не воспоминаетъ во все продолженіе своей жизни съ живѣйшею благодарностію о вниманіи тѣхъ лицъ, которые успокоивали насъ отъ путевыхъ трудовъ съ теплымъ участіемъ и заботою!

Оставляя броварскую станцію, я забылъ усталость тѣлесную. Можно ли равнодушно приближаться къ Кіеву, особенно въ первый разъ, какъ я тогда, этому богатому нѣкогда городу, гдѣ развилось ядро государственнаго быта Россіи, началось христіанство, быстро разлившееся по славянскимъ племенамъ! Съ чувствомъ благоговѣнія я посѣтилъ печерскую лавру, поклонился святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ; посѣтилъ также софійскій, михайловскій и николаевскій соборы и братскій монастырь. Съ трепетомъ, съ благоговѣйнымъ чувствомъ приближался я къ тому мѣсту въ оврагѣ, гдѣ князь Владиміръ крестилъ народъ свой въ христіанство. Почти въ одинъ день ознакомился я съ Кіевомъ, знаменитымъ по стратегическому своему положенію, въ военномъ отношеніи, и по историческимъ событіямъ, въ немъ совершившимся.

Любопытны, величественны и очаровательны и окрестности его, если смотрѣть на нихъ или съ крѣпостного вала, или съ главной площади, обсаженной стройными тополями, или съ Андреевской горы.

При всемъ томъ, я долженъ сознаться, что внутренность Кіева разочаровала меня. Множество избъ ветхихъ, полуразваленныхъ, на Печерскомъ, Крещатикѣ и Старомъ Кіевѣ, и толпы

жидовъ слишкомъ безобразятъ городъ. Если отнять отъ него великолѣпные соборы и монастыри, зданія въ крѣпости, присутственныя мѣста, гимназіи и десятка два частныхъ домовъ; то Кіевъ сдѣлается ничтожнымъ городомъ. Одинъ только Подолъ заслуживаетъ названія очень порядочнаго города. Могъ ли я думать, чтобъ этотъ многолюдный городъ, посѣщаемый жителями почти всей Россіи, стоящій на такой богатой судоходной рѣкѣ, существующій почти пятнадцать вѣковъ, бывшій долгое время столицею великихъ князей, такъ мало двинулся во внутреннемъ благоустройствѣ? Харьковъ почти въ шесть разъ моложе его, но Харьковъ богатствомъ частныхъ домовъ гораздо выше Кіева. Причиною медленнаго шествія Кіева къ благосостоянію, на которое онъ имѣетъ полное, заслуженное право, полагаю, частыя разрушенія отъ татаръ, междоусобія князей, а особенно притѣсненія отъ Польши, подъ властію которой онъ долгое время стоналъ. Нужны и долгое время и сильныя средства на уврачеваніе глубокихъ язвъ, для движенія къ улучшенію его благосостоянія. Эти сильныя средства уже примѣнилъ къ Кіеву государь императоръ Николай I-й. Основаніе университета св. Владиміра, сооруженіе крѣпости, кадетскаго корпуса, института благородныхъ дѣвицъ, льгота дарованная купечеству—быстро двинули его къ цвѣтущему состоянію. Кіевъ въ послѣдніе 15 лѣтъ сдѣлалъ гораздо болѣе успѣха въ своемъ благоустройствѣ, чѣмъ прежде въ 15 вѣковъ.

Окончивъ осмотръ города, я посѣтилъ моего товарища по университету, Абрамова. Онъ и я разстались съ Харьковомъ почти въ одно время: его отправили въ кіевскую гимназію, а меня въ екатеринодарскую, а потому въ теченіи 15-ти лѣтъ мы не видались одинъ съ другимъ и немного состарѣлись. Можно догадаться, что намъ было кое-что разсказать! Отъ него-то я узналъ, что уже открытъ новый учебный округъ, котораго попечителемъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, Егоръ Федоровичъ фонъ-Брадке. Итакъ, разлучась съ харьковскимъ округомъ, мы должны были ознакомиться съ новымъ начальствомъ, совершенно насъ не знавшимъ. У товарища моего

я увидѣлся также съ Петровымъ, блестящимъ молодымъ человѣкомъ по образованію, уму и службѣ.

Уже ударило 12 часовъ, я поспѣшилъ изъявить мое уваженіе генеральшѣ Александрѣ Ивановнѣ Семенютиной. Въ домѣ отца ея, профессора харьковскаго университета, Каменскаго, я былъ принятъ почти какъ родной и участвовалъ въ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей его. Съ нею я также не имѣлъ чести видѣться около пятнадцати лѣтъ. Предъ отъѣздомъ моимъ въ Черноморію, я оставилъ ее въ Харьковѣ дѣвицею, которая, по отличному воспитанію въ наукахъ, блестящему таланту въ музыкѣ, считалась первою дѣвицею въ Харьковѣ. Случайная поѣздка ея въ Кіевъ рѣшила тамъ ея судьбу. Но тѣ годы, въ которые мы не видѣлись, оставили на ея лицѣ, тогда цвѣтущемъ, прекрасномъ, неизгладимыя морщины!... Сестры ея, бывшія мои ученицы, также замужнія, приняли меня съ теплымъ радушіемъ, вспоминали о своихъ маленькихъ дѣтскихъ продѣлкахъ, въ полномъ убѣжденіи, что я оныхъ тогда вовсе не замѣтилъ..... Тутъ-то я имъ сознался, что мое незамѣчаніе было притворное, потому что онѣ были скромныя дѣвицы, а къ такимъ дѣвицамъ всегда есть снисхожденіе, даже въ дѣлахъ серьезныхъ.

Я возвратился отъ моихъ знакомыхъ на квартиру, бывшую на почтовой станціи, въ 3 часу вечера. Они и на другой день приглашали меня къ себѣ; я обѣщалъ, но не исполнилъ, потому что хотѣлъ скорѣе достигнуть цѣли моего путешествія. Я рѣшился выѣхать изъ Кіева. Станціонный писарь совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Каменецъ-Подольскій чрезъ Винницу. «И ближе и дешевле, чѣмъ чрезъ Житоміръ», говорилъ онъ. Совѣтъ его я принялъ охотно; въ Винницѣ, думалъ я, найду моихъ товарищей, которые мнѣ сообщатъ свои наблюденія надъ обывателями, съ которыми доведется мнѣ жить, и дадутъ опытный совѣтъ, какъ успѣшнѣе, ловче, безъ противоборства, достигнуть цѣли, для которой начальство отправило насъ въ эти мѣста.

Въ 10 часовъ ночи я мчался уже по направленію Крещатика, потомъ переѣхалъ чрезъ Лыбедь, поднялся на гору, быстро переѣхалъ чрезъ дремучій лѣсъ и наконецъ почти въ полночь очутился на станціи въ Васильковѣ. Чрезъ полъ-часа я оставилъ этотъ историческій, но незавидный городъ, построенный на скатѣ горы, богатый нечистотою и неопрятными жидовскими корчмами. Свѣтлая луна, тихая, безморозная ночь, очень содѣйствовали и поощряли меня къ продолженію пути; потомъ предметы стали слабѣе мелькать въ глазахъ моихъ, думы и впечатлѣнія стали гаснуть мало по малу, наконецъ погасли. Словомъ, я заснулъ и спалъ крѣпкимъ сномъ до самой Бѣлой-Церкви, построенной на большой равнинѣ. Это мѣстечко памятно тѣмъ, что въ немъ приговорены къ казни Искра и Кочубей, павшіе въ д. Борщаговкѣ отъ сѣкиры, которую наточили злоба и мщеніе Мазепы.

На другой день, не взирая на снѣгъ, валившій хлопьями, я видѣлъ на пути своемъ деревни съ ветхими деревянными церквами, на перекресткахъ кресты съ распятіемъ нарисованнымъ, съ распятіемъ вырѣзаннымъ изъ дерева. И такъ мнѣ довелось видѣть три уѣздныхъ города за Днѣпромъ: Васильковъ, Сквиру и Липовецъ, въ который я прибылъ въ 6 часовъ вечера. Боже мой! Что это за города? Это собраніе корчемъ, поставленныхъ безъ порядка, плана, по произволенію домохозяевъ-жидовъ, на кривыхъ улицахъ, на которыя гнѣваются, кажется, и самыя корчмы, глядя на нихъ искоса, на эти улицы, наполненныя навозомъ и нечистотою, предназначенныя, казалось, болѣе для стойла скоту, чѣмъ для сообщенія людямъ.

Изъ Липовца нѣтъ почтовой дороги до Винницы. Я рѣшился здѣсь переночевать, а утромъ поискать фурмана, который бы свезъ меня въ Винницу короткимъ путемъ.

Уже мнѣ поданъ самоваръ, а за нимъ, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, явился и самъ хозяинъ еврей, такой благообразный, щеголевато одѣтый, такъ приличенъ въ обращеніи и, казалось, такой добрый, безкорыстный! Я предложилъ ему ста-

канъ чаю и при этомъ объявилъ ему, что нуждаюсь въ фурманѣ, который бы свезъ меня въ Винницу.

— Извольте ваше превосходительство, ваше благородіе, васъ панъ! Звините, я не знаю, какъ васъ назвать», затараторилъ предо мною еврей съ быстрымъ жестомъ.—«Ну, и у меня есть лошади, не почтовыя, а мои. И какія лошади! молодыя, крѣпкія, а летятъ, какъ змѣи, извольте ѣхать хоть сей-часъ! За три часа мѣста будете въ Винницѣ. Ночь свѣтлая, дорога славная, панъ и не опомнитесь, какъ будете на мѣстѣ».

Я положился на увѣренія хитраго еврея и тутъ же сторговался съ нимъ за три рубля серебромъ.

Неохотно разставался я съ чистою и теплою моею квартирою, какъ будто предчувствовалъ бѣду, которая случится со мною въ эту ночь!... Пара лошадей уже были заложены; кучеръ, жидъ, сидя въ саняхъ, ожидалъ меня. Меня однако удивило, что лошади при самомъ выѣздѣ со двора едва-едва тронули съ мѣста. Сначала я подумалъ, что это кучи наваленнаго на дворѣ навозу затрудняютъ ихъ прыть; но послѣ оказалось, что еврей надулъ меня, давъ мнѣ тощихъ, старыхъ и лѣнивыхъ лошадей. Что-жъ однако было дѣлать? Не возвращаться же назадъ, сдѣлавши уже нѣсколько верстъ! Но тутъ новая бѣда: не успѣли мы проѣхать и 15 верстъ отъ Липовца, какъ на самомъ почти рубежѣ подольской губерніи, густая туча, нахлынувъ, заслонила свѣтлый мѣсяцъ и скрыла нашу дорогу. Потомъ поднялась вьюга; снѣгъ билъ намъ въ лице и засыпалъ дорогу; лошади стали утомляться, наконецъ мы потеряли дорогу. Неужели, подумалъ я, это грозное естественное явленіе есть предзнаменованіе нравственной невзгоды, которая встрѣтитъ меня въ подольской губерніи, во время моей тамъ службы? Неужели это мнѣ предсказываетъ нравственную вьюгу, которая омрачитъ, замедлитъ мой путь, мое стремленіе къ исполненію государственной мѣры, къ улучшенію моего быта? Но сильный вѣтеръ, насквозь продувшій меня, но сильный снѣгъ, засыпавшій меня, выкинувъ всякую думу, со всѣми ея предчувствіями, изъ головы моей, заставилъ меня заботиться о самохраненіи, искать приста-

нища, гдѣ бы можно было укрыться отъ ненастья и согрѣться. Едва, едва усталыя лошади дотащили меня до какой-то корчмы, стоявшей въ лѣсу, неопрятной, холодной, находившейся въ двѣнадцати верстахъ отъ Винницы. Подъ шубой, на полу, на соломѣ, отогрѣвая мои окоченѣлые члены, я крѣпко жалѣлъ объ оставленномъ ночлегѣ, тепломъ и съ удобствами. О самоварѣ здѣсь и думать было нельзя! Эта корчма, со времени своего основанія, никогда не имѣла этой машинки.

По утру, часовъ въ 10, я прибылъ въ Винницу и остановился въ чистой корчмѣ, находившейся почти противъ гимназіи. Оправившись отъ всѣхъ страданій, потерпѣнныхъ въ прошедшую ночь, я немедленно пошелъ къ Яковлеву, учителю русской словесности, куда скоро прибылъ и инспекторъ гимназіи Рябоконовъ. Отъ нихъ я узналъ, что винницкая гимназія открыта 6-го декабря, слѣдовательно, существуетъ въ новомъ видѣ почти полтора мѣсяца; они же сообщили мнѣ свои наблюденія надъ воспитанниками, разсказали о своихъ свиданіяхъ съ ихъ родителями и о желаніяхъ сихъ послѣднихъ. Почетный попечитель Држевецкій руководствовалъ ихъ на первыхъ порахъ, чтобы выиграть общественное мнѣніе и такимъ образомъ собрать большее число учащихся. Стали искать просторныхъ квартиръ, куда-бъ можно было помѣщать побольше учениковъ гимназіи, для лучшаго за ними надзора. Инспекторъ каждый день предъ начатіемъ ученія водилъ ихъ въ костелъ, для выслушанія «цихой» мши, которую отправлялъ латинскій законоучитель гимназіи. Эти пріемы очень понравились обществу, потому что такъ дѣлалось въ прежнихъ школахъ. Въ самомъ дѣлѣ, благоразумно, очень дѣльно поступаютъ тѣ преобразователи, которые, не торопясь, придерживаясь хотя нѣсколько прежнихъ обыкновеній, привычекъ, вводятъ мало по малу свои, новыя, согласныя съ предназначенною цѣлію. При воспитаніи юношества вездѣ, и особенно въ странѣ, не выгодно къ намъ предубѣжденной, необходимо общественное довѣріе, пріобрѣтаемое не однимъ честнымъ трудомъ, но вмѣстѣ угожденіемъ родителямъ и дозволеннымъ снисхожденіемъ къ дѣтямъ.

Изъ разсказовъ моихъ товарищей я смекнулъ, въ чемъ дѣло, а потому и поспѣшилъ оставить Винницу въ тотъ же день.

Въ сумерки проѣхалъ я Литинъ, городъ, подобный городамъ, которые я видѣлъ въ кіевской губерніи: тѣже корчмы, таже нечистота, тѣже жиды. Въ 9 часовъ вечера я пріѣхалъ въ Летичевъ и остановился ночевать на почтовой станціи, теплой, опрятной и просторной.

Утро 19 генваря встрѣтилъ я радостно, потому, что въ этотъ день наставалъ конецъ моему путешествію. Десятидневная моя поѣздка изнурила меня, приливъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ чувствованій утомили мою душу.

Когда я выѣхалъ изъ прелестной рощи, лежащей за Летичевомъ, вправо мелькнули мнѣ зубчатыя стѣны Меджибожа, бывшія когда-то опорою отъ набѣговъ турокъ и татаръ. Адамъ Чарторійскій потерялъ этотъ замокъ и ключь богатыхъ его имѣній, лежащихъ по р. Бугу, за участіе въ послѣднихъ польскихъ смутахъ. Если зимою становится весело душѣ, глядя на деревни и лѣса, расположенные по берегамъ Буга, то какъ очаровательны должны быть эти мѣста лѣтомъ! Трудно найти равнину красивѣе, плодоноснѣе, роскошнѣе этой равнины!

При выѣздѣ изъ Проскурова съ особеннымъ любопытствомъ взираешь на холмистую равнину, теряющуюся въ далекомъ небосклонѣ; ее уподобить можно громаднымъ волнамъ необозримаго океана, взволнованнаго бурею. Это значитъ, я въѣхалъ въ отрасль Карпатовъ. На 25-й верстѣ отъ Проскурова, влѣво отъ дороги, простирается широкая долина, на которой построена деревня и господскій домъ, принадлежащіе князю Дульскому. Эта фамилія замѣчена исторіею по связямъ ея съ честолюбивымъ Мазепою.

Какое милое мѣстечко Ярмолинцы! И въѣзжаешь въ него, и выѣзжаешь изъ него по аллеѣ, усаженной многолѣтними топо-

лями. Оно обстроено каменными, красивыми корчмами, которыя содержатся чисто. Огражденный каменною стѣною базаръ украшаетъ базарную площадь, а эта площадь господствуетъ надъ обширною холмистою равниною, изрѣдка окаймленною лѣсами.

Вотъ уже мелькнуло мѣстечко Тинное съ великолѣпнымъ костеломъ, возлѣ котораго поставленъ изваянный изъ камня образъ Матери Божіей, во весь ростъ. Вотъ показалась деревня Нѣгинъ, огражденная справа и слѣва высокими каменными утесами. Наконецъ, съ высотъ горы, на которой отведены православное и латинское кладбища, свѣтлая луна озарила блѣдными лучами Каменецъ-Подольскій, въ глубокой безднѣ лежащій, и возлѣ него замокъ, съ высокими и острыми башнями.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКА ПРЕОСВЯЩЕННАГО АНАТОЛІЯ, АРХІЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО.

(О сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края).

Имя преосвященнаго Анатолія (Мартиновскаго) довольно извѣстно постояннымъ читателямъ «Кіевской Старины» по напечатаннымъ въ ней нѣкоторымъ его запискамъ и письмамъ и сообщеннымъ при томъ біографическимъ о немъ свѣдѣніямъ, а также по теплому воспоминанію о немъ доктора Пирожкова. Помимо высокихъ качествъ ума и сердца, отличавшихъ его симпатичную личность, это былъ, можно сказать, духовный публицистъ въ высшемъ значеніи этого слова и пріобрѣлъ себѣ извѣстность своими смѣлыми, откровенными и правдивыми до рѣзкости проэктами, записками и перепискою съ выдававшимися іерархами его времени. Это была пламенная душа, горѣвшая неугасимою ревностію о благѣ церкви русской вообще, заботою о своей паствѣ, скорбію о примѣчаемыхъ тамъ и здѣсь нуждахъ и недостаткахъ, доходившею по временамъ до рѣзкаго обличенія, до вопля и отчаянія. Уроженецъ Подоліи, онъ большую часть жизни своей провелъ въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ, съ дѣтства былъ свидѣтелемъ приниженности и подавленности здѣсь православнаго населенія, возмущался при видѣ гордаго и сильнаго католичества, особенно же дѣйствій католической пропаганды и болѣлъ сердцемъ въ виду недостатка средствъ для борьбы съ нимъ, невниманія или равнодушія тѣхъ, кого это найболѣе касалось. Будучи не только безпристрастнымъ, но даже строгимъ судьею всего своего, онъ всѣ силы напрягалъ къ возвышенію православія, къ поднятію образованія и нравственности въ духовенствѣ и народѣ и пользовался для этого удобными случаями, выступая съ проэктами и записками по возбуждаемымъ и назрѣвшимъ вопросамъ нашей церковно-общественной жизни и управленія.

Такою именно заботою вызвана была и прилагаемая здѣсь записка «о сельскомъ православномъ духовенствѣ западнаго края». Она была представлена покойному императору Александру II, собственноручно написавшему на ней: «обсудить въ учрежденномъ комитетѣ при Синодѣ». Записка относится къ 60-мъ годамъ, когда учрежденный въ 1858 году комитетъ по обезпеченію быта православнаго духовенства западнаго края, былъ расширенъ въ Главное Присутствіе при Синодѣ по тому же пред-

мету для всей имперіи и когда открыли свои дѣйствія учрежденные для той же цѣли губернскіе комитеты.

Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, записка утратила значительную часть своего практическаго интереса, но тѣмъ болѣе возросло ея историческое значеніе, какъ памятника свѣтлаго и оригинальнаго взгляда по данному вопросу, какъ памятника заботы святителя о своей паствѣ и какъ авторитетнаго его свидѣтельства о положеніи духовенства данной мѣстности въ ту пору. По этимъ соображеніямъ мы и даемъ мѣсто запискѣ на страницахъ нашего изданія.

Кому неизвѣстно благотворное участіе, которое принимало православное духовенство въ исторіи и образованіи Россіи и кто не знаетъ неудовлетворительной степени нынѣшняго его состоянія? Стѣсненное въ средствахъ къ жизни, униженное нравствено и отстраненное отъ содѣйствія въ историческомъ развитіи народа русскаго, духовенство наше дошло нынѣ до того положенія, что утратило всякую почти возможность дѣйствовать на него съ пользою.

Не смотря однакоже на очевидность и многознаменательность совершившейся перемѣны, никто не возвыситъ правдиваго голоса, чтобы уяснить настоящія причины нравственнаго безсилія нашихъ пастырей въ дѣлѣ религіознаго вліянія на паству.

Въ брошюрахъ, появляющихся по этому предмету за границею, высказывается только преднамѣренная мысль выставить на общее посмѣяніе, въ увеличенномъ и искаженномъ видѣ, недостатки и особенности лицъ духовнаго сословія; духовная же власть наша, тѣсно связывая самобытное значеніе своего сословія съ неприкосновенностію церковныхъ уставовъ, упорно защищаетъ эту связь и старается доказать пользу въ ненарушимости родовыхъ правъ своихъ, въ томъ убѣжденіи, что видоизмѣненіе этихъ правъ, или ослабленіе нѣкоторыхъ несовременныхъ привиллегій, нанесетъ вредъ самой церкви. Выраженіемъ подобныхъ, ни на чемъ не основанныхъ доводовъ, духовенство наше вредитъ само себѣ и общему дѣлу образованія еще болѣе, чѣмъ желчныя выходки нашихъ заграничныхъ отщепенцевъ и безсознательныя и скудоумныя розсказни людей свѣтскихъ, мало знакомыхъ съ сущностью этого дѣла.

Записка эта составлена съ искреннимъ желаніемъ восполнить, въ общихъ чертахъ, хотя отчасти, недостатокъ положительныхъ

свѣдѣній о сельскомъ духовномъ сословіи нашемъ, показать истинную степень его нравственнаго и матеріальнаго быта и опредѣлить средства къ его вызвышенію и, такъ сказать, возрожденію.

Въ ней не говорится о монашествующемъ и бѣломъ духовенствѣ столицъ и коренныхъ русскихъ губерній, но разсматривается это сословіе только въ одной сторонѣ юнаго православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ отношеніи его вліянія на паству, а также, по возможности, уясняются явленія духовной жизни возсоединеннаго отъ уніи народа, во время и послѣ перемѣны исповѣданія.

Анализъ этихъ явленій можетъ дать болѣе точное понятіе о западномъ духовенствѣ нашемъ, указать средства къ улучшенію его быта и разрѣшеніемъ этого *частнаго*, важнаго для той мѣстности вопроса, помочь, быть можетъ, и вопросу *общему*: о духовенствѣ русскомъ.

Когда церковь наша торжествовала соединеніе съ нею до $1^1/_2$ милліона уніатовъ, древнихъ ея послѣдователей, тогда каждый русскій, видя въ этомъ торжествѣ православія укрѣпленіе за Россіею Бѣлоруссіи и Литвы неразрывными узами общей вѣры, предвидѣлъ для западнаго края лучшую будущность.

Но не прошло и 20 лѣтъ со времени возсоединенія уніатовъ, какъ въ томъ же самомъ народѣ уже явились мысли обращенія въ латинство, которое и совершилось бы въ обширныхъ размѣрахъ, если бы правительство не преграждало путей совращенія.

Спрашивается: чему приписать такое явленіе? Отъ чего достаточно было одного духовнаго слова уніатскихъ священниковъ, чтобы $1^1/_2$ милліона людей отказались отъ религіи, наслѣдованной отъ отцовъ и исповѣдуемой въ странѣ около 250 лѣтъ, чтобы идти безропотно въ слѣдъ за своими пастырями, и отъ чего тотъ же народъ, руководимый тѣми же пастырями, принявшими съ ними одновременно православіе, сталъ думать о переходѣ въ латинство, къ религіи для него непонятной и ему чуждой?

Потому, и потому единственно, что въ этомъ періодѣ времени возсоединенное духовенство утратило свое нравственное, вѣковое вліяніе на паству.

И какъ могло оно удержать его, когда съ переходомъ въ православіе было оставлено на произволъ случая?

Помѣщики того края, поддерживавшіе его матеріально, навсегда устранились отъ него, купечества православнаго тамъ нѣтъ, правительство не могло дѣлать жертвы, какія требовались. въ пособіяхъ изъ духовныхъ капиталовъ ему отказывалось,—и оно должно было искать помощи отъ одной своей паствы. Но что могъ дать барщинный крестьянинъ, который не имѣлъ никогда и никакой собственности? Онъ, можетъ быть, не отказалъ бы въ лептѣ добровольной, въ посильныхъ жертвахъ, но на него наложили обязанность нести новую барщину въ пользу духовенства, непонятную ему до того времени, его заставили обрабатывать священническія земли, давать причту дома, хлѣбъ, топливо, строить церкви, а духовенство, утративъ то, что получало отъ щедротъ помѣщика, обратилось къ народу и стало вынуждать плату за требы съ прихожанъ. Словомъ, тѣ самые священники, которые, во время уніи, были пастырями духовными, обратились въ какихъ-то новыхъ поземельныхъ владѣльцевъ, съ правами на трудъ народный, и въ сборщиковъ податей и повинностей.

Мало этого: уніатское духовенство состояло только изъ священника и наемнаго дьячка, а Базиліанскій орденъ не имѣлъ и сего послѣдняго, но по образцу латинской церкви нанималъ органиста. Съ приведеніемъ же уніатовъ къ православію, назначены по всѣмъ приходамъ дьячки, а по многимъ діаконы, пономари и просфирни. Образовалось огромное духовное сословіе, которое поселяне должны были, какъ и священниковъ, содержать и продовольствовать. Послѣдствія всего этого извѣстны: духовенство обѣднѣло, въ народѣ возбудился ропотъ, между пастыремъ и паствою явились унизительныя для перваго столкновенія, а наконецъ, при неудовольствіи со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ имѣній, устраненныхъ отъ патронатства надъ бывшими уніатскими приходами, и при проискахъ недремлющей пропаганды латинской, умѣющей пользоваться всѣми случаями для совращеній, явились и первыя попытки къ переходу бывшихъ уніатовъ въ латинство.

Но это одна только сторона упадка западнаго нашего духовенства, сторона матеріальная; есть другая, нравственная.

Уніатское духовенство, какъ и прежнее латинское, состояло большею частію изъ лицъ дворянскаго происхожденія, владѣвшихъ собственными, хотя небольшими, помѣстьями. Это давало ему мѣсто,

по рожденію, въ ряду дворянъ того края, и какъ въ то время не было другихъ учебныхъ заведеній, кромѣ духовныхъ школъ, то сыновья священниковъ воспитывались въ однихъ и тѣхъ же училищахъ съ дѣтьми другихъ дворянъ, а дочери ихъ нерѣдко получали воспитаніе съ дочерьми помѣщичьими. Словомъ, общественная жизнь этихъ двухъ сословій была близка одна къ другой, какъ по степени образованія и воспитанія, такъ и по общимъ сословнымъ интересамъ.

По возсоединеніи же униатовъ, духовенство подчинено общимъ правиламъ организаціи православнаго духовенства въ Россіи. Сыновьямъ священниковъ стѣсненъ доступъ воспитанія въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ: ихъ, по образцу коренныхъ русскихъ губерній, замкнули, съ семилѣтняго вѣзраста, въ семинаріи; дочерей же они должны были воспитывать на свой счетъ, потому что помѣщики не принимали въ нихъ прежняго участія и не допускали ихъ въ свои семейства. Между тѣмъ священники, не имѣя возможности давать дочерямъ своимъ того воспитанія, какое получали ихъ матери, стали прибѣгать къ унизительнымъ для сана ихъ средствамъ,—они всячески заискивали расположенія помѣщиковъ, дабы только не лишать дочерей общества ихъ.

Что могутъ подобныя дѣти православія внести въ народный и свой семейный бытъ?

Сыновья, послѣ продолжительнаго семинарскаго заточенія, являются, въ 19-лѣтнемъ возрастѣ, не тѣми пастырями духовными, которые съ любовію къ паствѣ соединяли бы кротость и терпѣніе, но какими то недоученными педантами, отвергающими всякое сообщество съ прихожанами внѣ церкви и исполненія духовныхъ требъ, или впадаютъ въ другую крайность: они сближаются съ простымъ народомъ до того, что сами подчиняются вліянію его грубыхъ привычекъ и наклонностей, а чрезъ такую неразумную популярность скоро невозвратно теряютъ къ себѣ всякое уваженіе прихожанъ. Въ особенности это случается съ тѣми, которыхъ въ самомъ началѣ матеріальный недостатокъ заставляетъ искать помощи у прихожанъ [1]).

[1]) Святѣйшій синодъ созналъ самъ вредъ, какой приноситъ церкви рукоположеніе въ іереи людей, только что оставившихъ скамью, и опредѣлилъ рукополагать студентовъ семинаріи втораго разряда во священника по прошествіи

Дочери священниковъ, или остаются безъ всякаго образованія и тогда мало отличаются отъ простыхъ поселянокъ, или воспитываясь, какъ выше упомянуто, подъ вліяніемъ помѣщиковъ, усвоиваютъ польскія начала и отчуждаются отъ всего русскаго.

Если на такой низкой степени стоятъ семейства священниковъ, то какое можно составить себѣ понятіе объ образованіи семействъ прочаго причта: діаконовъ, дьячковъ, пономарей?

Весь клиръ, безъ преувеличенія можно сказать, есть ничто иное, какъ сословіе какихъ то землепашцевъ, въ прямомъ значеніи этого слова, не отличающихся ничѣмъ отъ крестьянъ, кромѣ большаго развитія мертвой грамотности.

Какъ послѣ этого удивляться, что простой народъ, пересталъ вѣрить духовнымъ словамъ и убѣжденіямъ пастырей своихъ? Видя ихъ какъ бы переродившимися и сравнивая ихъ съ ксендзами, образованными разумно и въ мѣру, популярными и поставленными въ независимое отъ прихожанъ состояніе, онъ невольно долженъ вспоминать то время, когда принадлежалъ къ уніи, и не имѣя возможности возвратиться къ прежнему своему исповѣданію, обращаетъ взоры на схожее съ нимъ, по наружной формѣ, хотя и непонятное ему католичество, которое и благолѣпіемъ своихъ костеловъ, и вкрадчивымъ вниманіемъ ксендзовъ къ народу, и расположенностію помѣщика къ отщепенцу отъ православія, старается поддерживать и усиливать въ немъ это стремленіе.

Вотъ почему необходимо преобразованіе въ организаціи нашего духовнаго сословія западныхъ губерній: не одной Бѣлоруссіи, но и Литвы, и Подоліи, и Волыни, потому что и тамъ православное духовенство и народъ находятся въ одинаковой степени нравственнаго и матеріальнаго упадка, а латино-польскій элементъ повсемѣстно силенъ и настойчивъ.

Когда въ началѣ этого года сдѣлалось извѣстнымъ, что правительство обратило наконецъ вниманіе на улучшеніе быта нашего духовенства, хотя въ одномъ матеріальномъ отношеніи, и велѣно

ими низшихъ степеней, причетнической и діаконской. Нельзя не пожалѣть, что эта благодѣтельная мѣра не распространена на всѣхъ студентовъ, выходящихъ изъ семинаріи и что она является, когда уже церковь наша перенесла много золъ отъ недостатка истинныхъ пастырей.—*Примѣч. автора.*

обсудить вопросъ этотъ особымъ губернскимъ комитетамъ, всѣ желающіе пользы нашей церкви съ особымъ любопытствомъ и вниманіемъ слѣдили за его разрѣшеніемъ, но вскорѣ пришли къ заключенію, что мѣра, предположенная правительствомъ, благодѣтельная въ своемъ принципѣ, не приведетъ его къ цѣли, къ которой оно стремится.

По общему сознанію правительство лучше бы сдѣлало, если бы, высказавъ свою идею, предоставило ея развитіе и примѣненіе къ мѣстнымъ условіямъ губернскимъ комитетамъ и позволило имъ разсмотрѣть прежнюю систему обезпеченія духовенства вполнѣ; но оно, давъ комитетамъ программу и указавъ только на тѣ пункты, которые предполагается измѣнить, стѣснило тѣмъ комитеты въ выраженіи своихъ мыслей.

Другими словами правительство предположило измѣнить однѣ повинности натуральныя, какія несли доселѣ прихожане, въ денежныя; но оно не приняло въ соображеніе: нужны ли эти повинности? могутъ ли прихожане исполнить ихъ? облегчатъ ли они положеніе прихожанъ и самаго духовенства, или по прежнему будутъ тяготить ихъ?

Конечно, нельзя и винить правительство въ непредусмотрительности. Оно не знало, какъ будетъ велика цифра этихъ повинностей, потому что точное число всѣхъ лицъ духовнаго сословія могло быть извѣстно одной духовной власти, а дѣломъ обезпеченія духовенства занялось гражданское начальство, которому, къ чести его, принадлежитъ и первая мысль возвышенія этого сословія.

Теперь съ увѣренностію можно сказать, что правительство ужаснется, когда придется положить новый налогъ на гражданъ.

Для примѣра укажемъ на одну Витебскую губернію, гдѣ для обезпеченія духовенства комитетомъ исчислено [1]) ежегоднаго расхода 141,346 р. и одновременнаго пожертвованія отъ прихожанъ 468,342 р. [2]).

---

[1]) См. прилож. лит. А.

[2]) Здѣсь еще не исчислено расхода на монашествующихъ, воспитанниковъ семинаріи и наставниковъ ихъ, на ожидающихъ назначенія на мѣста и живущихъ праздно, на женъ и вообще на семейства священно-церковнослужителей, которыхъ содержатъ также прихожане, но изъ добровольныхъ пожертвованій, приносимыхъ алтарю и церкви.

Витебская (полоцкая) епархія одна изъ меньшихъ по числительности православнаго народонаселенія и духовенства; сколько же нужно полагать въ кіевской и другихъ губерніяхъ, гдѣ издревле существуетъ православіе, на устройство и содержаніе духовныхъ лицъ?

Ни одно изъ иновѣрныхъ духовенствъ западныхъ губерній не можетъ сравниться *по числительности* съ православнымъ. Не говоря о латинскомъ, какъ безсемейномъ, даже лютеранское не составляетъ и 20-й доли, сравнительно съ православнымъ, по отношенію къ числу прихожанъ, хотя также обезпечивается послѣдними; та же разница и въ средствахъ содержанія обоихъ этихъ духовенствъ [1]).

Безъошибочно можно сказать, что наше православное духовенство въ десять разъ тягостнѣе для народа, чѣмъ лютеранское, а между тѣмъ въ десять разъ бѣднѣе его.

Но оставимъ матеріальныя жертвы и тягость повинностей, возвратимся къ самому духовенству.

Наше духовенство, изъ котораго образовалась каста, съ каждымъ годомъ увеличивается числительностію въ огромной пропорціи. Ни одно изъ сословій государства не можетъ соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи, потому что оно, оставаясь въ одномъ извѣстномъ кругу дѣятельности, не подвергается многимъ условіямъ убыли, какъ дворянское и податное. Неизбѣжное послѣдствіе этой неподвижности есть общее его обѣдненіе, потому что средства къ его содержанію однѣ и тѣже, между тѣмъ какъ численность его годъ отъ году увеличивается.

Сознавая свое положеніе, духовенство наше старается скрыть оное отъ вниманія правительства, опасаясь реформы, которая можетъ нарушить его сословныя и родовыя права.

Кто повѣритъ, напримѣръ, что въ мѣстностяхъ, значительно населенныхъ православными, есть приходы (и ихъ много), имѣющіе менѣе 100 душъ и имъ данъ особый священникъ съ причетникомъ; есть также приходы, гдѣ существуетъ въ одномъ и томъ же селеніи три церкви: одна древне-православная, другая бывшая уніатская и третья обращенная изъ католической въ православную съ

---

[1]) См. прилож. лит. Б, сравнительный выводъ.

причтомъ для каждой изъ нихъ, и на всѣ три церкви прихожанъ не менѣе 300 душъ! И это (какъ извѣстно изъ несомнѣнныхъ данныхъ) допускается, между прочимъ, для того, чтобы дать возможность размѣстить безпріютныхъ воспитанниковъ семинаріи, полуграмотныхъ причетниковъ и просфирень вдовъ!

При настоящей системѣ, хотя законъ и допускаетъ дѣтямъ священниковъ и діаконовъ вступать въ гражданскую и военную службу, но этимъ дозволеніемъ духовенство не можетъ пользоваться по недостатку средствъ; при томъ въ гражданской и военной службѣ, при настоящемъ направленіи, требуется болѣе или менѣе предварительнаго спеціальнаго образованія, котораго не получаютъ воспитанники духовныхъ училищъ и семинарій; кромѣ того личныя преимущества дворянства, посвящающаго себя также службѣ, отодвигаютъ семинаристовъ на второй планъ: по этому нѣкоторые изъ нихъ не выходятъ изъ духовнаго сословія, опасаясь остаться одними тружениками на поприщѣ служебномъ, а между тѣмъ нерѣдко случается, что оставляютъ духовное званіе и поступаютъ въ свѣтское такіе семинаристы, которые, не успѣвая въ духовныхъ школахъ, боятся попасть въ причетники, или такіе, которые за предосудительные поступки исключаются изъ заведенія. Остальные готовы бороться со всѣми нуждами, лишь бы сохранить духовный санъ, освобождающій ихъ отъ налоговъ и повинностей государственныхъ.

Болѣе всего увеличиваетъ духовное сословіе классъ причетниковъ, причисленныхъ къ духовному званію, которыхъ и дѣти, окончившіе курсъ въ семинаріи, имѣютъ равное право на рукоположеніе съ дѣтьми священниковъ. Это равенство, по праву, имѣетъ свою вредную сторону, потому что бѣдность не позволяетъ причетникамъ приготовлять дѣтей къ высокому званію священника. Получая въ семинаріи одно схоластическое образованіе и не усвоивая, предварительно, въ дому родителей началъ нравственнаго воспитанія, причетническія дѣти рѣдко являются настоящими пастырями церкви.

Все это приводитъ къ сознанію не только одной необходимости улучшенія матеріальнаго быта духовенства, но и неотложной потребности ограниченія коренныхъ и родовыхъ его правъ и привиллегій, несовмѣстныхъ ни съ духомъ настоящаго времени, ни съ собственною пользою духовенства.

Здѣсь вопросъ о сельскомъ духовенствѣ распадается на двѣ стороны, одинаковыя въ принципѣ, но расходящіяся въ порядкѣ и средствахъ своего исполненія: на улучшеніе матеріальнаго его быта и на нравственное его возвышеніе.

Но какъ упадокъ нравственнаго быта духовенства вредитъ успѣхамъ православія въ западномъ краѣ, возбуждая справедливыя нареканія народа, и служитъ поводомъ къ злонамѣреннымъ толкамъ болѣе еще, чѣмъ матеріальное его униженіе, то, измѣняя послѣдовательность изложенія въ этой запискѣ, обратимся прямо къ вопросу о нравственномъ возвышеніи духовенства.

Главнѣйшая причина упадка духовенства заключается *въ кастовой* его организаціи и въ *замкнутости* этого сословія въ отношеніи его правъ и образованія.

Уяснимъ теперь, по возможности, въ краткомъ очеркѣ, исторію образованія у насъ родоваго духовнаго сословія и разрѣшимъ вопросъ, существуютъ ли какія либо каноническія правила, утверждающія это родовое начало въ русской церкви.

Св. апостолы, избранные Спасителемъ изъ разныхъ колѣнъ Израиля, не установляя особаго сословія для служенія Богу, какъ это было въ ветхозавѣтной церкви въ колѣнѣ Левіиномъ, рукополагали во всѣ должности, отъ епископской до діаконской, людей разнаго званія и состоянія. Они даже какъ бы не желали (въ противоположность ветхозавѣтной церкви), чтобы организовалось это сослоаіе когда либо, потому что не положили священнодѣйствующимъ обязательнаго условія на бракъ, но, напротивъ того, воспретили имъ въ этомъ званіи вступать въ супружество, дозволяя это однимъ чтецамъ и пѣвцамъ, готовящимся въ священство и діаконство, и то только однимъ желающимъ [1]).

Таковому правилу св. апостоловъ слѣдовали первые учители церкви и всѣ вселенскіе соборы, которые прошли молчаніемъ о необходимости брачной жизни для лицъ священнодѣйствующихъ, и хотя на первомъ Никейскомъ соборѣ одинъ старецъ [2]) и заявилъ эту мысль, но соборъ не сдѣлалъ никакого о томъ постановленія, предоставя безбрачное состояніе (клириковъ) волѣ каждаго.

---

[1]) 26 правило св. апостолъ и VI вселен. собора 6 п.

[2]) Преподобный Пафнутій.

Вопросъ о безбрачности священнослужителей былъ въ послѣдствіи нѣсколько разъ возбуждаемъ, но церковь восточная, по прежнему, не воспрещая женатымъ поступать въ клиръ, не стѣсняла тоже и свободы священнослужителей оставаться безбрачными. Въ ея правилахъ брачная жизнь духовенства является вездѣ какъ *разрѣшеніе*, а не какъ *обязанность*. Изъ двухъ крайностей, брачной жизни и безбрачія, она избрала средній путь: желающимъ брака не препятствовать вступленію въ оный до рукоположенія, что окончательно и утверждено ею въ Константинополѣ, на соборѣ трульскомъ (622 года) [1], который, допуская бракъ для поступающихъ въ клиръ, предоставилъ съ другой стороны болѣе свободы къ безбрачію, дозволивъ, въ видахъ строгаго благочестія, даже брачнымъ священникамъ расходиться съ женами своими и жить особо.

По перенесеніи православія въ Россію и при занятіи у насъ митрополіи греческими первосвятителями, правила эти соблюдались и у насъ; но какъ въ это время происходили между восточною и латинскою церквами сильнѣйшіе религіозные споры, то изъ опасенія безпорядковъ, какими наполнена исторія латинская, по безженству латинскаго духовенства, въ княженіе великаго князя Ярослава, первый русскій митрополитъ Іоаннъ 2-й, въ церковномъ правилѣ или посланіи къ черноризцу Іакову, постановилъ, между прочимъ, чтобы желающихъ степеней діаконской и священнической не постановлять иначе въ санъ, какъ при условіи, если они оженятся. Правило это, внесенное у насъ въ Кормчую книгу, но православнымъ духовенствомъ другихъ странъ *не признанное за каноническое*, пріобрѣло въ Россіи такую силу, что даже женатымъ, но овдовѣвшимъ священникамъ запрещалось священнодѣйствовать (Стогл. соб.). Хотя запрещеніе это и было уничтожено, но оно оставило еще слѣдъ прежняго порядка дѣлъ въ общепринятомъ обычаѣ: не возводить вдовыхъ діаконовъ въ священники.

Въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна 2-го, а болѣе еще въ преданіяхъ и мѣстныхъ обычаяхъ, лежитъ основаніе организаціи нашего духовенства въ отдѣльнве сословіе, къ которому причислялись не только дѣйствительно состоящіе на службѣ свя-

---

[3]) Правила трульскаго собора, 13.

щеннослужители. но и ихъ дѣти, пользовавшіеся особыми правами въ древнемъ обществѣ [1]).

Хотя по малому числу священниковъ и были, по временамъ, невозбранно рукополагаемы въ священнослужители лица всѣхъ состояній, даже крѣпостные помѣщичьи крестьяне, а также духовенству нашему предоставлялась полная свобода въ избраніи для себя рода занятій [2]), однакоже недостатокъ образованнаго духовенства и усилившійся расколъ вызвали (въ 1731 г.) положительный законъ, которымъ повелѣно было: дѣтей священническихъ и причетническихъ набирать въ духовныя школы, съ воспрещеніемъ поступленія въ другія званія. Это узаконеніе довершило замкнутость духовнаго сословія. Но до послѣднихъ дней царствованія Екатерины II, при обязательной системѣ воспитанія, духовенство не пользовалось полнотою нынѣшнихъ своихъ правъ: дѣти не только причетниковъ, а даже и священниковъ, были сдаваемы въ военную службу и духовенство подвергалось тѣлеснымъ наказаніямъ. Съ этой только эпохи и въ законодательствѣ нашемъ въ первый разъ встрѣчается слово «духовное званіе». Въ царствованіе Павла I, Александра I и Николая I духовенство наше окончательно изолировалось отъ прочихъ сословій и достигло своей громадной числительности. Однако причетники и ихъ семейства хотя и пріобрѣли званіе духовное, но права свои не слили съ правами лицъ священнодѣйствующихъ; имъ только дано позволеніе считаться духовными, съ присвоеніемъ однихъ правъ низшаго податнаго сословія; имъ возбраненъ доступъ въ гражданскую [3]) и военную службу и они за преступленія подвергаются наказаніямъ наравнѣ съ лицами податныхъ сословій [4]). Слѣдовательно они не получили преимуществъ *полнаго* духовнаго родоваго званія, какъ священнослужители, ни *полной* свободы избирать рода жизни и занятій, какъ лица другихъ сословій, а только привиллегіи на неплатежъ податей и повинностей государству. Такое двуличное и анормальное положеніе класса причетниковъ стѣснительно и для нихъ самихъ, и для государства.

---

[1]) См. уст. Ярослава, ханскіе ярлыки, уст. Всеволода.

[2]) Въ законодательствѣ царя Алексѣя Михайловича видимъ, что духовенство наше занималось торговлею и промыслами.

[3]) Свод. зак., т. III, изд. 1857 г., ст. 4.

[4]) Уложеніе о наказаніяхъ уголов. и исправ., ст. 19, прим. 1, изд. 1857 г.

Этотъ краткій очеркъ убѣждаетъ, что родовыя сословныя права нашего духовенства, организація его въ отдѣльную касту, непремѣнное обязательство брачной жизни для поступающихъ въ священнослужители и присвоеніе духовнаго званія причетникамъ, созданы, такъ сказать, русскою церковью съ утвержденія только правительства, которое вызвано было къ этому политическими и религіозными случайностями минувшаго времени; но теперь, когда обстоятельства измѣнились, когда дарованныя и усвоенныя привиллегіи тяготятъ само духовенство и вредятъ правильному теченію народной жизни, наступила, кажется, святѣйшему синоду пора подвергнуть пересмотру случайныя установленія русской церкви, не основанныя на каноническихъ правахъ, и измѣнить ихъ сообразно съ новыми потребностями духовенства и народа.

Укажемъ теперь тѣ мѣры, которыя представляются, по крайнему нашему разумѣнію, необходимыми и возможными въ настоящее время для преобразованія духовнаго сословія въ западномъ краѣ, съ цѣлію нравственнаго и матеріальнаго возвышенія.

Прежде всего слѣдуетъ озаботиться объ *уменьшеніи* духовнаго сословія и въ этихъ видахъ, оставивъ прирожденными только *пастырей церкви*, присвоить послѣднимъ ту высокость значенія духовнаго сана, какую въ общемъ понятіи должно имѣть лице служащее алтарю.

Хотя по духу учрежденій апостольскихъ посвященіе въ духовный санъ можетъ невозбранно быть произведено надъ каждымъ членомъ церкви, но, принимая во вниманіе установившееся у насъ съ давнихъ временъ рукоположеніе преимущественно надъ лицами духовнаго сословія, не слѣдуетъ измѣнять этого вѣковаго обычая, имѣющаго, быть можетъ, и другое высшее значеніе. А потому, предоставляя іерейскія и діаконскія мѣста священнослужительскимъ дѣтямъ, приготовленнымъ къ пастырскому поприщу воспитаніемъ и имѣющимъ къ нему *призваніе*, слѣдуетъ измѣнить прежнюю обязательную систему какъ *въ этомъ отношеніи*, такъ и *по непремѣнному вступленію въ супружеское состояніе*, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, которые будутъ предназначаться въ званіе *миссіонеровъ*, т. е. возстановить у насъ вполнѣ апостольскія правила и соборныя постановленія, соблюдаемыя и донынѣ православною церковію на востокѣ.

Если каждый родъ занятій требуетъ къ нему особаго призванія, то оно болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимо для пастыря церкви, который, независимо отъ высокости и вмѣстѣ съ тѣмъ скромности предстоящаго ему поприща, долженъ ежечасно бороться съ невѣжествомъ, терпѣть безропотно лишеніе и въ тоже время утверждать въ другихъ добрыя правила нравственности.

Одного опредѣленія возраста недостаточно для того, чтобы дать церкви изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ истинныхъ пастырей, если поступающій на это святое поприще не будетъ проникнутъ глубокимъ къ нему призваніемъ.

Въ этихъ видахъ тѣмъ изъ дѣтей священнослужителей, которые не чувствуютъ призванія къ духовному сану, слѣдуетъ предоставить полную свободу гражданскаго образованія, принятаго у насъ, и открыть имъ большій доступъ къ службѣ государственной и къ занятіямъ спеціальнымъ.

Въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ должны воспитываться одни священнослужительскія дѣти [1]), слѣдуетъ уничтожить замкнутость воспитанія, или такъ называемыя *бурсы*, семинаристамъ дозволять жить во время учебное на квартирахъ [2]), выдавая казеннокоштнымъ воспитанникамъ квартирныя деньги, какъ это принято нынѣ для студентовъ университетовъ, стараться, чтобы будущіе пастыри церкви знакомились со всѣми условіями жизни народной, изучали ее не по учебникамъ однимъ, или словамъ преподавателей, а повѣряли бы ее наглядно, собственными опытами. Для этого воспитаніе юношества въ семинаріяхъ поручить преимущественно бѣлому духовенству, которое по собственному опыту можетъ передать дѣтямъ—будущимъ пастырямъ церкви то, что ожидаетъ ихъ

---

[1]) Въ Константинополѣ и Аѳинахъ юношество православ. исповѣданія, желающее посвятить себя духовному служенію, воспитывается въ университетахъ, гдѣ учреждены особые богословскіе факультеты; но въ послѣднее время, на островѣ Халки, учреждена также духовная академія. У насъ приличнѣе всего воспитывать духовенство въ семинаріяхъ и академіяхъ, которыя необходимо только преобразовать въ отношеніи преподаванія и ввести для гражданскихъ наукъ свѣтскихъ преподавателей, съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго.

[2]) Всего лучше помѣщать ихъ на общихъ квартирахъ, какъ это принято уже въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, гдѣ и воспитанники менѣе стѣснены и болѣе можно имѣть за ними надзора.

на пути предстоящаго имъ служенія. Для усиленія духовнаго элемента въ воспитанникахъ семинарій, будущихъ пастыряхъ церкви, самое опредѣленіе и увольненіе свѣтскихъ учителей предоставить духовной мѣстной власти, по примѣру опредѣленія и увольненія преподавателей въ римско-католическихъ семинаріяхъ и академіи [1]). Монашествующему духовенству предоставить въ дѣлѣ воспитанія наблюдать за правильностію, ходомъ и единствомъ преподаванія духовныхъ предметовъ.

Для дочерей священнослужительскихъ открыть особыя въ каждой епархіи училища, предоставивъ воспитываться въ женскихъ гимназіяхъ и другихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ только тѣмъ изъ нихъ, для которыхъ родители предпочитаютъ званіе свѣтское; но однако не возбранять и кончившимъ курсъ ученія въ гимназіяхъ дѣвицамъ духовнаго званія выходить замужъ за священнослужителей, если они того пожелаютъ.

Какъ ни однимъ изъ каноническихъ постановленій не даруется причетникамъ (т. е. дьячкамъ и пономарямъ) духовнаго значенія, соборъ-же трульскій, замѣтивъ, что въ церкви Армянской принимаютъ въ клиръ только происходящихъ изъ священнаго сословія, по примѣру ветхозавѣтной церкви, не одобрилъ этого обычая, а велѣлъ смотрѣть не на родъ поставляемаго, но на его достоинство (прав. 33), то и уничтоженіе дарованныхъ причетникамъ свѣтскою властію правъ не нарушитъ правъ церкви, а будетъ только мѣрою административною, вполнѣ справедливою и въ высшей степени полезною.

По примѣру введенія наемныхъ причетниковъ въ имѣніяхъ бывшихъ пахатныхъ солдатъ, въ полковыхъ церквахъ и при заграничныхъ миссіяхъ, слѣдовало-бы уничтожить нынѣшнее фальшивое положеніе священника къ причту, положеніе, которое составляетъ одну изъ главныхъ причинъ безпорядковъ въ нашей церкви и тѣхъ постоянныхъ раздоровъ, кои существуютъ почти въ каждомъ приходѣ, по случаю ограниченія власти священника въ отношеніи причетниковъ и подчиненія послѣднихъ прямо епархіальной власти.

Въ этихъ видахъ, причетниковъ держать съ найма и предоставить ихъ въ распоряженіе и большую зависимость отъ священ-

---

[1]) 105 ст. т. II, уст. дух. дѣлъ иностран. исповѣданій.

никовъ. Не присвоивать имъ никакого духовнаго значенія, а предоставить только общія права по рожденію; освободить ихъ отъ поступленія въ военную службу на все то время, пока будутъ состоять въ причетническомъ званіи, не изъемля отъ платежа другихъ государственныхъ повинностей.

Дѣтямъ ихъ открыть доступъ въ гимназіи и специальныя учебныя заведенія и дозволить имъ поступленіе на службу, но не иначе, какъ по полученіи ими ученыхъ степеней, какъ это предоставлено и мѣщанскому сословію.

Но здѣсь можетъ быть предложенъ вопросъ: низведя половину членовъ нашего духовнаго сословія въ состояніе податное, можно-ли будетъ найти достойныхъ служителей церкви въ этомъ послѣднемъ званіи, которое не усвоило себѣ даже простой, мертвой грамотности, и не будетъ-ли церковь затрудняться въ пріисканіи причетниковъ, а въ послѣдствіи этотъ недостатокъ не вызоветъ-ли правительство на новыя имъ привиллегіи? Также не образуется-ли изъ такихъ причетниковъ (которыхъ въ настоящее время въ 9 западныхъ губерніяхъ считается 9,323 человѣка, исключая ихъ семействъ) особаго класса пролетаріевъ?

Предлагаемыя реформы служатъ къ уменьшенію духовной касты въ *будущемъ*, въ настоящее-же время необходимо сохранить причетникамъ преимущество занять эти должности по найму, но оставить при церкви только тѣхъ изъ нихъ, которые съ честію проходятъ прежнее свое служеніе. Всѣхъ ихъ, какъ остающихся на своихъ мѣстахъ, такъ и заштатныхъ, не облагать лично податьми и освободить отъ всѣхъ прочихъ повинностей и на всю жизнь; дѣтей-же причетническихъ приписывать къ податнымъ сословіямъ до 20 лѣтняго возраста безъ обложенія податьми, а потомъ подчинить общимъ условіямъ мѣщанскаго быта. При такихъ основаніяхъ *въ первое время* церковь не будетъ имѣть недостатка въ причетникахъ; нынѣшніе достаточно обезпеченные предпочтутъ остаться на своихъ мѣстахъ; но разница въ томъ, что останутся только достойнѣйшіе изъ нихъ. *Въ будущемъ-же* духовенство должно само озаботиться приготовленіемъ служителей церкви изъ молодаго поколѣнія сельскаго класса, образованіе котораго находится въ рукахъ его. Правительству при томъ слѣдуетъ только ввести въ курсъ сельскихъ школъ обязательное преподаваніе церковныхъ предме-

товъ. Поселяне, имѣя въ виду пользу своихъ дѣтей, для которыхъ откроются честныя и вѣрныя средства къ жизни, и льготы, которыя можетъ предоставить имъ правительство (наприм. освобожденіе отъ рекрутства на время служенія церкви), охотно будутъ готовить дѣтей своихъ въ причетники.

Но за всѣмъ этимъ скрывается цѣль высшая, болѣе нравственная и политически-важная въ настоящее время, именно: развитіе въ народѣ соревнованія къ изученію церковности и надежда быть на ближайшемъ служеніи церкви возвысятъ духъ его, укрѣпятъ въ вѣрѣ и положатъ въ самомъ народѣ преграду соблазнамъ и проискамъ иновѣрныхъ пропагандъ и либеральныхъ стремленій. Между тѣмъ дѣти причетниковъ, освободясь отъ замкнутости настоящаго своего положенія, обратятся къ другаго рода занятіямъ, по склонности и своему образованію, и найдутъ сами въ себѣ силы къ обезпеченію своего существованія; при томъ-же имъ не возбраняется готовиться и въ причечники, по желанію родителей.

Изложивъ такимъ образомъ необходимость измѣненія тѣхъ правъ православнаго духовенства, которыя имѣютъ связь съ каноническими установленіями нашей церкви и которые въ разрѣшеніи зависятъ отъ св. синода, перейдемъ къ мѣрамъ необходимымъ для матеріальнаго обезпеченія духовенства, изысканіемъ коихъ занимается нынѣ особо учрежденный при св. синодѣ комитетъ.

Для этого необходимо прежде всего дать помѣщеніе священникамъ[1]), чтобы вывести ихъ изъ крестьянскихъ хатъ и жидовскихъ корчемъ, гдѣ въ настоящее время многіе изъ нихъ живутъ по необходимости. *Оградить бытъ священниковъ* отъ всякой посторонней зависимости *увеличеніемъ содержанія* по крайней мѣрѣ до 500 руб. сер., чтобы тѣмъ хотя нѣсколько приблизить ихъ въ средствахъ къ жизни къ пастырямъ другихъ исповѣданій. Оставить

---

[1]) Это было всегда заботою нашего правительства. Въ указѣ Петра 1722 года запрещено духовенству коренныхъ губерній имѣть свои собственные дома, а велѣно было покупать и строить оные на счетъ духовныхъ суммъ. Въ царствованіе Николая I составлено въ 1842 году положеніе объ устройствѣ въ западныхъ губерніяхъ домовъ причтамъ.

имъ изъ церковнаго участка въ надѣлѣ 15 дес. удобной земли для того, чтобы они въ первыхъ хозяйственныхъ нуждахъ не прибѣгали къ пособію прихожанъ, могли бы содержать лошадь для разъѣздовъ по приходу и имѣли приличную прислугу.

Предоставить св. синоду изыскать средства къ обезпеченію престарѣлыхъ священниковъ, выслужившихъ 35 лѣтній срокъ, а также оставляющихъ служеніе по болѣзни и увѣчью, и ихъ семействъ приличнымъ пенсіономъ (по крайней мѣрѣ не менѣе получаемаго нынѣ гражданскими чиновниками), безъ котораго они остаются однимъ бременемъ для поступающяхъ на ихъ мѣста.

Діаконовъ, какъ необходимыхъ только для большей торжественности служенія, оставить при однихъ только городскихъ церквахъ, гдѣ прихожане болѣе состоятельны, чѣмъ въ селеніяхъ, и слѣд. могутъ, безъ собственнаго обремененія, дать имъ приличное содержаніе; при сельскихъ же приходахъ оставить ихъ только тамъ, гдѣ прихожане того пожелаютъ, или тамъ, гдѣ устроены или устраиваются поселянскія училища [1]).

Въ обоихъ сихъ случаяхъ содержаніе ихъ должно быть отнесено на счетъ прихожанъ; а чтобы избѣжать особыхъ расходовъ на устройство домовъ для діаконовъ, то давать имъ помѣщенія при сельскихъ школахъ.

Причетникамъ, при содержаніи ихъ съ найма, производить жалованья по 150 р. сер. въ годъ, ограничить число ихъ *однимъ* на приходъ, устроить для нихъ при домахъ священниковъ одну

---

[1]) Въ настоящее время, когда польская литература провозглашаетъ во всѣ голоса и на всѣ тоны свою національность, стараясь увѣрить, что западныя области наши до Смоленска и Пскова составляютъ исконную Польшу, когда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ учреждаются сельскія школы, гдѣ, по примѣру, данному австрійскимъ правительствомъ въ Галиціи, вводятъ учебники на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи, печатанные польскимъ шрифтомъ, и когда латинское духовенство и помѣщичьи приказчики внушаютъ крестьянамъ мысль, что они поляки, а не русскіе, необходимо болѣе, чѣмъ когда либо, открытіе при церквахъ поселянскихъ безмездныхъ школъ для распространенія русской грамотности и точныхъ историческихъ свѣденій о западномъ краѣ, искони русскомъ. Эти элементарныя и въ высшей степени полезныя школы поручить діаконамъ, у которыхъ болѣе свободнаго времени, чѣмъ у священниковъ; но съ тѣмъ, чтобы діаконы были изъ окончившихъ курсъ семинаріи.

особую комнату съ перегородкою [1]), чтобы во всякое время они были въ распоряженіи священника.

Должность особыхъ нросфирней упразднить вовсе, возложивъ обязанность заготовленія просфоръ на вдовъ и дочерей дѣвицъ священнослужительскихъ. Бывшимъ же просфирнямъ, не дѣлая ни какого пособія отъ прихожанъ, назначить пенсіонъ изъ духовныхъ суммъ, соотвѣтственно званію ихъ мужей, такъ какъ должность эта предоставлялась только однимъ вдовамъ священниковъ и діаконовъ.

Послѣ этого остается рѣшить вопросъ: гдѣ найти должный источникъ для увеличенія жалованья священникамъ и наемнымъ псаломщикамъ?

По внимательномъ соображеніи тѣхъ средствъ, которыя предоставляли, до настоящаго времени, прихожане и правительство духовенству, утвердительно можно сказать, что не только достаточно будетъ этихъ средствъ, но даже представится возможность освободить простой сельскій классъ отъ всѣхъ почти повинностей, кромѣ устройства помѣщеній для причта (и то въ половину меньшемъ размѣрѣ) и содержанія въ благолѣпіи сельскихъ церквей, которыя находятся нынѣ еще въ болѣе бѣдственномъ положеніи, нежели самое духовенство.

Денежныя средства на этотъ предметъ можно образовать изъ тѣхъ суммъ, какія жертвуетъ ежегодно правительство на жалованье духовенству и изъ дохода церковной земли, которая останется отъ надѣла священниковъ 15 дес. пропорціею. Землю эту слѣдуетъ облюстровать повсемѣстно, для того, что-бы прихожане и правительство знали цыфру матеріальнаго состоянія духовнаго сословія и при всякой перемѣнѣ политико-экономическихъ условій государства могли тотчасъ же явиться на помощь духовенству и увеличить его содержаніе до необходимой нормы.

Но чтобы и тутъ избавить духовенство отъ всякихъ личныхъ столкновеній съ прихожанами, полезно было-бы образовать приходскіе совѣты изъ почетнѣйшихъ прихожанъ по выбору членовъ всего прихода. На совѣты эти возложить обязанность облюстриро

---

[1]) Объ одной комнатѣ.

ванія земли, т. е. вѣрнаго исчисленія съ оной дохода, завѣдываніе кружечнымъ и свѣчнымъ сборами и отсылкою ихъ по назначенію, содержаніе въ приличномъ благолѣпіи храмовъ и утвари церковной, уплату духовенству доходовъ съ земли, по исчисленнымъ предварительно окладамъ, и раскладку, а также взысканіе съ каждаго недостающаго для полнаго обезпеченія духовенства количества денегъ, устройство училищъ и богоугодныхъ заведеній и вообще попечительство о церквахъ и духовенствѣ.

Совѣты эти должны состоять въ вѣденіи губернскихъ комитетовъ по обезпеченію духовенства. Во всѣхъ поименованныхъ предметахъ и сборахъ должны участвовать не только одни поселяне, но и прихожане всѣхъ вообще сословій, такъ какъ отношенія ихъ и нужды въ дѣлахъ вѣры одинаковы съ сельскимъ классомъ.

Подробный разсчетъ указанныхъ средствъ на содержаніе духовенства и порядокъ распредѣленія оныхъ изложены въ особомъ приложеніи лит. В.

Но не одинъ матеріальный разсчетъ жизни имѣется въ виду. Нравственное преобразованіе духовенства, возвышеніе его на степень самостоятельныхъ пастырей, уменьшеніе и со временемъ окончательное уничтоженіе касты, прекращеніе народнаго ропота и польза общаго нравственнаго его исправленія, котораго должно ожидать отъ предлагаемыхъ реформъ, выше всѣхъ расчетовъ.

Реформы эти только въ началѣ могутъ пугать духовенство, но оно скоро пойметъ пользу ихъ; въ православномъ же народѣ западныхъ губерній они произведутъ даже благое впечатлѣніе, потому что результаты этихъ мѣръ облегчатъ бремя повинностей и будутъ представлять подобіе прежней организаціи уніатскаго духовенства до возсоединенія съ православіемъ.

Правительство, улучшая такимъ образомъ и одновременно участь простаго народа уменьшеніемъ налоговъ и бытъ духовенства увеличеніемъ средствъ его содержанія, дастъ священникамъ возможность посвящать болѣе времени паствѣ. Безъ новыхъ, тяжкихъ въ настоящую минуту для государственной казны, пожертвованій оно пріобрѣтетъ истинныхъ пастырей-руководителей народныхъ; вызвавъ же изъ неподвижности праздную и безполезную массу

причетниковъ, оно получитъ новыхъ дѣятелей на поприщѣ гражданскаго развитія государственныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ народному образованію средства къ желаемому преуспѣянію. Сравнивъ по содержанію наше западное духовенство съ пастырями другихъ исповѣданій, правительство возродитъ въ нашихъ священникахъ самостоятельную дѣятельность, необходимую въ западномъ краѣ для охраненія православнаго народа отъ происковъ латино-польской партіи, употребляющей тамъ всѣ мѣры къ униженію нашего духовенства въ глазахъ паствы и къ привлеченію послѣдней въ католичество.

Предложенныя реформы, не нарушая ни политическихъ, ни гражданскихъ законовъ имперіи, ни каноническихъ правилъ церкви, и будучи собственно мѣрами административными и вполнѣ справедливыми, могутъ со временемъ быть примѣнены и къ великороссійскимъ губерніямъ, гдѣ матеріальный и нравственный бытъ духовенства требуетъ также улучшенія, хотя содержаніе его отъ прихожанъ возбудитъ тамъ менѣе ропота, чѣмъ въ западномъ краѣ, потому что сельское населеніе коренныхъ русскихъ губерній богаче, болѣе привязано къ церкви и искони привыкло къ порядку, тамъ давно существующему, но новому для приходовъ запада.

Ограниченіе числа сельскихъ приходовъ, наемъ причетниковъ, дозволеніе рукополагать (въ видахъ уменьшенія духовной касты) въ священнослужители безъ обязательнаго условія брака, реформа семинарій, учрежденіе женскихъ школъ, увеличеніе средствъ содержанія священниковъ безъ обремененія прихожанъ и государственной казны новыми налогами, устройство для нихъ приличныхъ помѣщеній, обезпеченіе престарѣлыхъ священниковъ, образованіе приходскихъ совѣтовъ и наконецъ открытіе при церкви поселянскихъ училищъ—вотъ мѣры къ дѣйствительному и прочному утвержденію православія на западѣ Россіи.

Утвержденіе это въ настоящую минуту болѣе, чѣмъ когда либо, необходимо; ибо полная въ Россіи вѣротерпимость при автономіи, къ которой стремятся иностранныя исповѣданія, желающія выбросить изъ нашего законодательства прерогативы господствующей вѣры, не принесетъ намъ пользы, ни въ смыслѣ истиннаго

прогресса, ни въ видахъ утвержденія предержащей власти. И потому развитіе православныхъ элементовъ, при благоразумной остановкѣ западныхъ іезуитскихъ, либеральныхъ, протестантскихъ и другихъ чуждыхъ намъ стремленій, сохранитъ нашему отечеству, при всѣхъ перемѣнахъ, его ожидающихъ и чрезъ которыя съ Божіею помощью оное пройдетъ мирно и невредимо, мощную силу и историческую доблесть царелюбивыхъ предковъ нашихъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Лит. А. Витебскимъ губ. комитетомъ для обезпеченія православнаго духовенства полоцкой епархіи исчислено: одновременнаго расхода на постройку для причтовъ 468,342 р. и расхода ежегоднаго 29,370 р., на вознагражденіе священниковъ за необработку ихъ земель 26,700 р., за наемъ квартиръ для духовенства, пока не построятся домы, 14,205 руб. и 1071 руб. на пособіе духовенству при поступленіи въ должность. Всего ежегоднаго расхода 71,346 руб., а съ присоединеніемъ ежегодно ассигнуемой изъ казны на жалованье духовенству суммы до 70 т. р. будетъ 141,346 р., если же принять въ расчетъ предположенія того комитета о возвышеніи содержанія священникамъ до 500 р., тогда потребовалась-бы сумма ежегоднаго расхода до 195/т. р., а именно: на жалованье 267 священникамъ 133,500 р., на наемъ квартиръ до постройки домовъ 26,700 р. и до 35/т. на жалованье прочему причту.

Лит. Б. По витебской (полоцкой) епархіи на 124/т. душъ прихожанъ 267 священниковъ, 42 діакона, 270 дьячковъ, 186 пономарей и 225 просфирней, всего 990 человѣкъ, составляющихъ причтъ перковный. На каждаго священника среднимъ числомъ причитается 468 душъ и на каждый такой приходъ болѣе $3^1/_2$ членовъ причта; въ смежной же съ витебскою губерніею, лифляндской, по лютеранскому консисторіату, на 525,654 души прихожанъ только 111 пасторовъ и на каждаго изъ нихъ круглымъ счетомъ причитается 5,276 душъ.

Лютеранскіе пасторы и адъюнктъ-пасторы лифляндской губерніи среднимъ числомъ получаютъ слишкомъ 775 р. серебромъ [1]); православ-

---

[1]) Пасторы получаютъ не менѣе 1000 руб., а нѣкоторые и до 3000 руб.; цифра же эта уменьшается до 775 руб., потому что въ общій расчетъ вошли

ные же священники витебской губерніи отъ 100 до 180 р., т. е. почти въ 7 разъ менѣе первыхъ. Если даже и существующія натуральныя повинности прихожанъ обратить въ денежныя, то и тогда священникъ получитъ только до 270 р. въ годъ, или въ три раза менѣе пастора.

Лит. В. До настоящаго времени правительство ассигновало ежегодно полоцкой епархіи до 70/т. р., а повинности прихожанъ, по переложеніи ихъ на деньги, составляли (по исчисленію губернскаго комитета) 71/т., всего 141/т. р. сер., и при такихъ пожертвованіяхъ содержаніе священника, какъ объяснено въ приложеніи лит. Б, достигало едва до 270 р. сер. въ годъ, сумма очевидно едва достаточная для самой бѣдной жизни одинокаго человѣка, а священники наши большею частію имѣютъ значительныя семейства.

Если оставить при сельскихъ приходахъ только священниковъ и наемныхъ псаломщиковъ и назначить жалованье первымъ 500 р., а послѣднимъ по 150 р., то при настоящемъ состояніи епархіи изъ 267 приходовъ потребовалась-бы сумма 173,550 р., или на 32/т. болѣе той, которая жертвовалась донынѣ. Для восполненія этой послѣдней суммы нужно было-бы прибѣгнуть къ новому налогу прихожанъ; но объясненныя въ запискѣ обстоятельства положительно доказываютъ, что не только увеличеніе налога не возможно, но необходимо озаботиться объ уменьшеніи повинностей прихожанъ, чтобы возстановить должныя отношенія между пастыремъ и паствою.

Въ этихъ послѣднихъ видахъ и въ цѣли лучшаго обезпеченія духовенства, необходимо соединить православные приходы такъ, чтобы при каждомъ среднимъ числомъ состояло до 600 душъ [1]) прихожанъ и тогда, при православномъ народонаселеніи полоцкой епархіи 124/т. душахъ, составилось бы въ той епархіи, вмѣсто 267, только 206 приходовъ и на содержаніе при нихъ 206 священниковъ и столькихъ же псаломщиковъ потребовалось бы суммы 133,900 р. сер., т. е. 8/т. менѣе отпускаемой нынѣ ежегодно.

адъюнктъ-пасторы (викаріи), лица безсемейныя и потому получающія меньшее содержаніе.

[1]) Не стѣсняя преосвященныхъ непремѣннымъ требованіемъ, чтобы каждый приходъ былъ не менѣе 600 душъ, слѣдуетъ, кажется, назначить только число приходовъ въ епархіи и предоставить мѣстной духовной власти сообразоваться въ подробностяхъ съ условіями края, не запрещая разрѣшать образованіе приходовъ и менѣе 600 душъ, но такъ, чтобы по всей епархіи не выходить изъ общаго, утвержденнаго святѣйшимъ синодомъ, числа прихожанъ.

Но чтобы еще болѣе облегчить сельскій классъ въ повинностяхъ, было бы полезно ввести слѣд. мѣры: церковную землю, за исключеніемъ 15 дес. въ надѣлъ священнику, отмежевавъ особо, облюстровать и исчисленный доходъ съ оной обратить въ итогъ суммы, требуемой для содержанія духовенства.

Священникъ, имѣя землю въ 15 дес. и получая 500 р. сер. ежегодно жалованья, если не вполнѣ будетъ обезпеченъ, то вдвое противъ прежняго улучшитъ свой бытъ и значительно приблизился бы, по независимости своихъ средствъ, къ священникамъ другихъ исповѣданій; а прихожане если не совершенно могли бы освободиться отъ повинностей въ пользу духовенства, то, съ причисленіемъ дохода съ земель церковныхъ, значительно были бы въ повинностяхъ этихъ облегчены. При этихъ мѣрахъ получены были бы слѣдующіе результаты:

По витебской (полоцкой) епархіи состоитъ нынѣ въ пользованіи духовенства удобной земли 12,604 десятины; для надѣла каждаго изъ 206 священниковъ по 15 дес. потребовалось бы 3,090 дес., и въ остаткѣ 9,514 десят.; каждая десятина принесетъ въ той губерніи minimum валоваго дохода 10 р. 50 к. сер. [1]), изъ коихъ, отсчитывая $^2/_5$ на обработку и содержаніе рабочихъ, получится чистаго дохода 6 р. 20 к. сер., а съ 9,514 дес. 58,986 р. 80 к. сер. Прибавя къ этому сумму, жертвуемую правительствомъ ежегодно до 70/т. р. сер., составится 128,686 р. 80 к., менѣе требуемой до полной суммы на жалованье 4,913 р. 20 к., по раздѣленіи которой на 206 приходовъ будетъ причитаться на каждый по 23 р. 25 к., а на 600 человѣкъ прихожанъ причиталось бы къ платежу съ каждаго около 4 к. сер. въ годъ. Если же принять въ соображеніе, что и 70/т. руб., жертвуемыя правительствомъ, собираются съ тѣхъ же прихожанъ, то по раздѣленіи этой суммы на 124/т. душъ будетъ причитаться по $56^1/_8$ к., а всего съ каждаго прихожанина по $60^1/_2$ коп. сер.,—налогъ очень незначительный и противу прежняго въ половину меньшій, а что всего важнѣе, не будетъ посягательства на личный трудъ поселянина. Но какъ количество земли церковной неравномѣрно, не только отдѣльно по приходамъ, но даже и въ каждой

---

[1]) Считая съ каждой десятины чистаго урожая, за отдѣленіемъ на посѣвъ $2^1/_2$ зеренъ, съ одной десятины будетъ $3^1/_2$ четверти хлѣба, полагая каждую четверть въ 3 руб. сер., получится 10 р. 50 к. Строгая повѣрка этихъ данныхъ на мѣстѣ приведетъ безъ сомнѣнія еще къ лучшимъ экономическимъ результатамъ.

губерніи, такъ-что въ одной губерніи на приходъ причитается *60 дес.*, а въ другой доходитъ до *200 дес.*, то люстрацію церковныхъ земель произвести посредствомъ приходскихъ совѣтовъ одновременно по всѣмъ 9 губерніямъ и исчислить вообще валовый доходъ ихъ, какой будетъ подлежать съ земли, и особо чистый доходъ, за отчисленіемъ расходовъ на обработку; этотъ послѣдній доходъ распредѣлить по числу всѣхъ приходовъ въ упомянутыхъ губерніяхъ, и если общая сумма дохода съ земель, съ присоединеніемъ къ ней суммы, жертвуемой правительствомъ, будетъ менѣе суммы, нужной на содержаніе духовенства, считая за норму 650 р. сер. на каждый приходъ, тогда недостающее количество распредѣлить между прихожанами по числу душъ такъ, чтобы повинности эти и жалованье духовенству по каждой губерніи были одинаковы, не возбраняя приходскимъ совѣтамъ, по желанію ихъ, увеличивать содержаніе своего духовенства, по своему усмотрѣнію; если же сумма эта будетъ превышать нормальную сумму содержанія духовенства, то остатокъ предоставить въ распоряженіе губернскихъ комитетовъ по обезпеченію духовенства, раздѣливъ по ровну на каждую губернію, для увеличенія жалованья священникамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ по особымъ обстоятельствамъ, какъ-то: по дороговизнѣ, по многосемейности и т. п., необходимо сдѣлать прибавку къ 650 р. сер.

Сборъ денегъ, слѣдуемыхъ съ прихожанъ, производить на слѣдующемъ основаніи: приходскіе совѣты, получа ежегодно свѣдѣнія изъ губерн. комитета, сколько слѣдуетъ къ сбору денегъ, а также сколько по уваженію совѣта нужно собрать на мѣстные приходскіе расходы, какъ-то: на поддержаніе церквей, училищъ, постройки домовъ и т. д., обязаны сдѣлать у себя внутреннюю раскладку, какъ найдутъ удобнѣе, по числу ли душъ, или по средствамъ каждаго прихожанина, и потомъ исчисливъ, сколько будетъ слѣдовать къ сбору съ податныхъ сословій, сообщить эти свѣдѣнія губерн. комитету для взысканія съ податныхъ лицъ по той системѣ, какая будетъ принята правительствомъ нашимъ по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса; неподатныя же лица должны вносить упадающія на нихъ суммы прямо въ совѣтъ, который и обязанъ слѣдуемыя деньги въ жалованье священникамъ и причетникамъ отсылать въ уѣздныя казначейства, а изъ остальныхъ за тѣмъ суммъ удовлетворять прочіе расходы.

Въ совѣтахъ этихъ должны присутствовать и приходскіе священники на равнѣ съ прочими членами прихода, представлять совѣту о нуждахъ церкви и указывать на нужды приходскія.

Жалованье же какъ священники, такъ и причетники должны получать прямо изъ уѣздныхъ казначействъ; а чтобы надѣлъ земельный 15 дес. не стѣснялъ духовенство въ исполненіи его обязанностей къ паствѣ и не давалъ повода къ новымъ нареканіямъ его на бѣдность, предоставить ему на волю принять и обрабатывать землю, или отказаться и передать прихожанамъ, отъ которыхъ получитъ за нее люстраціонный доходъ.

Сообщилъ **К. Береза.**

Библіографія.

Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи. Томъ II. Елисаветградскій уѣздъ. (Статистико-экономическое описаніе уѣзда). Составлено статистическимъ отдѣленіемъ при херсонск. губ. земск. управѣ. Съ двумя картами и 10 прилож.—Херсонъ, 1886.

Новый трудъ херсонскихъ статистиковъ отличается отъ вышедшей три года тому назадъ книги объ одесскомъ уѣздѣ большею полнотою въ разработкѣ деталей по вопросамъ оцѣночнаго содержанія и добавкою подробностей относительно экономическаго положенія сословныхъ группъ; все остальное: группировка данныхъ, добытыхъ при изслѣдованіи, методъ разработки оцѣночныхъ свѣдѣній и пр. осталось безъ измѣненія. Настоящая книга представляетъ томъ въ 547 страницъ текста и 85 страницъ приложеній. Въ нее вошли свѣдѣнія о елисаветградскомъ уѣздѣ слѣдующаго содержанія: территорія и населеніе, землевладѣніе и земледѣліе, сельско-хозяйственныя угодья и ихъ производительность, и въ заключеніе помѣщенъ сводъ оцѣночныхъ данныхъ. Съ точки зрѣнія спеціальныхъ задачъ историческаго журнала для насъ представляются болѣе важными данныя о заселеніи уѣзда, вошедшія въ составъ названной книги, въ видахъ историческаго обоснованія происхожденія разныхъ формъ землевладѣнія и видовъ экономическихъ отношеній между общественными группами. Очеркъ по исторіи колонизаціи названной области не великъ (127—141 стр.), но заключаетъ указанія, не обращавшія на себя вниманія старыхъ историковъ новороссійскаго края и нашедшія себѣ мѣсто и получившія соотвѣтствующее освѣщеніе въ изданіи статистическаго отдѣленія, именно, благодаря спеціальнымъ задачамъ послѣдняго.

По справкѣ о распредѣленіи населенія елисаветградскаго уѣзда по національнымъ группамъ видно, что 72% всего населенія составляютъ малороссы, за ними слѣдуютъ молдаване, великороссы, евреи, болгары, нѣмцы, поляки и др. Согласно съ этими цифровыми данными въ разбираемой главѣ обращено больше прежняго вниманіе на колонизацію запорожцевъ и малороссовъ, бѣжавшихъ изъ польскихъ областей, и на помѣщичью колонизацію,—колонизаціи же заграничной, преимущественно сербской, отведено заслуженное мѣсто на заднемъ планѣ картины. При составленіи этого очерка статистич. отдѣленіе пользовалось, кромѣ давно извѣстныхъ и отчасти устарѣвшихъ трудовъ г. Скальковскаго, недавно изданными мемуарами С. Пишчевича, также статьями разныхъ спеціальныхъ изданій, Полнымъ Собраніемъ законовъ и наконецъ матеріалами, почерпнутыми изъ устъ народа и изъ мѣстныхъ церковныхъ архивовъ.

Относительно запорожской колонизаціи указывается, что въ правобережныхъ приднѣпровскихъ степяхъ, кромѣ запорожскихъ зимовниковъ, гдѣ жили, какъ извѣстно, холостые козаки, были и слободы, населенныя семейнымъ посполитствомъ, которое составляло подданство запорожскаго войска. По этому поводу небезъинтереснымъ считаемъ замѣтить, что основаніе такихъ слободъ сдѣлалось особенно популярнымъ у запорожцевъ въ послѣдніе годы существованія Сѣчи, въ то время, когда на ихъ земляхъ поселены были сербы и другіе иностранные выходцы, а на южной окраинѣ Новой Сербіи учреждено Ново-козачье слободское поселеніе, составленное главнѣйше изъ бѣглыхъ малороссовъ, жившихъ дотолѣ на мѣстахъ, отведенныхъ сербамъ, отчасти изъ великороссовъ-раскольниковъ и изъ молдаванъ. Изъ сочиненія академика Гильденштедта, путешествовавшаго по елисаветградской провинціи въ 1774 г., и изъ «Примѣчаній на новороссійскій край» А. Пишчевича видно, что эти слободы запорожцами заводились по окраинѣ слободскаго поселенія; Гильденштедтъ говоритъ, что каждую весну запорожцы производили набѣги на слобожанъ, мѣшали имъ въ сельскихъ работахъ, угоняли рабочій скотъ и уводили въ свои новозаведенныя слободы самихъ слобожанъ. Такимъ образомъ эта колонизація запорожцевъ имѣла какъ-бы стратегическій характеръ, а ихъ слободы служили имъ форпостами въ предсмертной, отчаянной борьбѣ съ колонизаціей, приходившей извнѣ на ихъ земли.

Бѣглыми, въ качествѣ колонизаціоннаго матеріала, пользовалось и правительство, и помѣщики. Примѣры Ольвіополя, Новоархангельска, Петроострова и Новомиргорода—поселеній, основанныхъ бѣглыми малороссами при поддержкѣ русскаго правительства,—примѣры, взятые ав-

торами разбираемой книги изъ бумагъ, нынѣ уже опубликованныхъ А. А. Андріевскимъ, далеко не единственные въ этомъ родѣ; такихъ поселеній основано было значительное число, и они служили поводомъ постоянныхъ раздоровъ между русскими и поляками, изъ которыхъ послѣдніе были сильно заинтересованы въ удержаніи населенія отъ побѣговъ на новыя мѣста, такъ какъ сосѣднія съ русскими владѣніями польскія области и сами заселены были недавно, и побѣги составляли больное мѣсто ихъ, а новопоселяемыя слободы за польскимъ рубежемъ часто служили убѣжищемъ для гайдамакъ и всѣмъ, чѣмъ могли, помогали послѣднимъ въ набѣгахъ на Польшу, за которые поляки отплачивали той же монетою.

Колонизація такого рода должна была прекратиться только съ изданіемъ въ 1827 и 1828 г. указовъ «о прекращеніи бродяжничества въ новороссійскомъ краѣ», коими бѣглые обязывались приписываться къ помѣщикамъ, въ казенныя селенія и въ мѣщане; послѣдніе снимали землю у помѣщиковъ, чаще всего «за десятую», отъ чего и получили названіе «десятинщиковъ». Въ послѣднее время, послѣ воли, снова начали переходить въ елисаветградскій уѣздъ крестьяне изъ губерній кіевской и подольской и поляки изъ тѣхъ же мѣстъ, а параллельно съ этимъ начинается эмиграція крестьянъ изъ елисаветградскаго уѣзда въ другія мѣста. Въ елисаветградскомъ уѣздѣ приходится 28,44 души на 1 квадр. версту; онъ населенъ рѣже уѣздовъ, лежащихъ сѣвернѣе его, и гуще одесскаго, положеннаго южнѣе.

Помѣщичья колонизація пользовалась, въ качествѣ матеріала для заселенія своихъ дачъ, отчасти бѣглыми, какъ мы сказали выше, отчасти крѣпостными, переводя ихъ изъ другихъ имѣній и покупая у другихъ владѣльцевъ; так. обр. сюда переходили крѣпостные изъ полтавской, черниговской, кіевской, подольской, харьковской, курской, тамбовской, орловской, рязанской и другихъ губерній.

Отъ сербовъ въ настоящее время не осталось никакого слѣда, ни памяти въ уѣздѣ; они вполнѣ поглощены болѣе сильной средой и обрусѣли. Держатся еще другія національности, но также неизбѣжно идутъ къ обрусѣнію, только медленнѣе тѣхъ. Сильнѣйшимъ средствомъ ассимиляціи народностей, населяющихъ уѣздъ, какъ и вездѣ, служатъ смѣшанные браки. Болгары избѣгаютъ смѣшанныхъ браковъ и охотнѣе женятся на молдаванкахъ, чѣмъ на малороссіянкахъ: послѣднія слишкомъ самостоятельно и независимо поставлены въ семьѣ, чѣмъ коренныя болгарки и чѣмъ молдаванки, и сверхъ того болгары особенно цѣнятъ въ женщинѣ умѣнье прясть, вышивать, дѣлать сукна и ковры, каковыми добродѣтелями болѣе отличаются молдаванки, чѣмъ малорос-

ісянки, обыкновенно покупающія эти предметы домашняго хозяйства на базарѣ. Молдаване, входя въ близкія сношенія съ малороссами, легче ассимилируются съ ними, но замѣчается, что молдаванки выходятъ замужъ за малороссовъ охотнѣе, чѣмъ малороссіянки за молдаванъ. Малороссы нерѣдко женятся на молдаванкахъ и на болгаркахъ, но чаще на великороссіянкахъ. Только нѣмцы составляютъ исключеніе, не смѣшиваясь съ другими народностями и не поддаваясь чуждымъ вліяніямъ. «Въ общемъ же можно сказать, что все населеніе, за исключеніемъ нѣмцевъ (на обрусѣніе послѣднихъ сильно вліяетъ въ послѣднее время всеобщая воинская повинность), постепенно теряетъ свои національные признаки, все болѣе и болѣе сливаясь съ малоруссами, которые, въ свою очередь, приспособляются къ своимъ сосѣдямъ, принимая въ свой языкъ много чуждыхъ ему словъ (молдавскихъ, великорусскихъ и болгарскихъ) и нѣсколько видоизмѣняя свои обычаи».

Къ разбираемой книгѣ приложены двѣ карты елисаветградскаго уѣзда: на первой обозначены густота населенія, пункты сбыта, движенія грузовъ и цѣны за доставку имъ, на второй—величина поселеній и распредѣленіе частнаго и мірскаго землевладѣнія. Въ «приложеніяхъ» находимъ метеорологическія таблицы и таблицы о населеніи, образцы условій найма на полевыя работы и пр.

В. Я.

Три пьесы Ив. Карого. Херсонъ. 1886 г.

Съ предоставленіемъ въ послѣдніе годы нѣкоторыхъ правъ малорусской сценѣ, сталъ пополняться крайне бѣдный до той поры ея репертуаръ. Пьесы г. Карого являются въ немъ послѣдней новинкой. Онѣ появились на сценѣ въ началѣ 1886 года, а въ печати—во второй его половинѣ. Сценичность ихъ и способность автора схватывать новыя явленія жизни обратили на себя вниманіе. Въ вышедшемъ сборникѣ помѣщены одна историко-бытовая пьеса и двѣ изъ современной сельской жизни. Въ современныхъ пьесахъ замѣтна живая наблюдательность и характеры, не обычные въ малорусской драматургіи. Тѣневыя краски—лучшія на палитрѣ г. Карого. Эгоизмъ, кулачество, будничная зяурядность—вотъ явленія, которыя онъ замѣчаетъ всего удачнѣе. Лица идеальныя и героическія ему не удаются. На смѣну правдивыхъ красокъ выступаютъ фразеологія и слащавость.

«Бондаривна»—драма историческая только по имени. Мало въ ней общаго и съ извѣстной народной балладой этого названія, хотя

главныя лица тѣ-же, что и въ балладѣ. Трудно понять, по какимъ соображеніямъ авторъ отступилъ такъ далеко отъ народнаго преданія. Оно исполнено глубокаго драматизма, характеры лицъ, насколько они намѣчены въ пѣснѣ и разсказахъ, занимательнѣе и сложнѣе. Фабула зиждется не на мотивахъ отдаленнаго политическаго гнета эпохи Хмельницкаго, къ которой пріурочилъ г. Карый свою драму, а на болѣе близкомъ намъ, во всемъ сходномъ съ крѣпостнымъ правомъ, угнетеніи правобережныхъ пановъ средины прошлаго вѣка. Панъ староста каневскій, Николай Потоцкій, насколько выяснилась его личность, былъ самодуръ съ своеобразнымъ польско-козакофильскимъ оттѣнкомъ, отчасти вольтерьянецъ. У г. Карого это заурядный сластолюбецъ, да и роль его почти стушевана. Активнымъ лицомъ въ несчастной судьбѣ Бондаривны является приспѣшникъ старосты, Герцель, мелодраматическій злодѣй, вкусившій отъ Шекспира. Дочь Бондаря Тетяна, по намѣренію автора, должна олицетворять типъ героической козачки стараго времени. Она плѣняется разсказами запорожца Тараса о военныхъ подвигахъ и готова стать его женой, въ то время, какъ староста похищаетъ ее и убиваетъ, съ досады, что она ему не досталась. Рѣчи ея и Тараса занимаютъ въ драмѣ всего болѣе мѣста. Несмотря на обиліе словъ, мы не видимъ людей. Характеры ихъ «сдѣланы». Слова ихъ красивы, но холодны.

Пьеса лишена историческаго колорита. Мы не имѣемъ въ виду мелкихъ бытовыхъ подробностей и архаизмовъ. Надо, чтобъ въ людяхъ выведенной эпохи чувствовался опредѣленный историческій моментъ, тотъ «духъ времени», который сообщитъ свою печать всему остальному. Авторъ можетъ указать на Лессинга, который не высоко ставилъ спеціальныя условія исторической драмы и требовалъ только, чтобъ театръ поучалъ тому, «что всякій человѣкъ извѣстнаго характера сдѣлаетъ при данныхъ обстоятельствахъ». Но при этомъ условіи рѣчь о вѣкахъ и эпохахъ стала бы пустымъ звукомъ, и пьесы всѣхъ временъ и народовъ были бы похожи другъ на друга.

Сельская драма «Хто вииенъ» основана на мотивѣ несходства характеровъ жены и мужа и на угнетеніи невѣстки свекровью. Здѣсь лучше всѣхъ вводное лицо разбитной Варьки, любящей Гната (герой пьесы) и ради этой страсти совершенно спокойно разбивающей жизнь своей соперницы. Этотъ характеръ вылился цѣликомъ. Недуренъ и Гнатъ, заурядный человѣкъ, и злой, и добрый, смотря по условіямъ, въ какія ставитъ его жизнь, и по вліяніямъ, подъ какими находится. Типъ свекрови-матери не новъ. Пьеса вообще этимъ характеромъ напоминаетъ замѣчательный, тоже малорусскій, реалистическій этюдъ Сте-

ценка «Доля». Но нельзя ставить этого г. Карому въ вину. Мотивъ семейнаго гнета очень распространенъ въ самой народной поэзiи и слѣдовательно есть отголосокъ явленiя слишкомъ обычнаго въ сельской жизни. Какъ вырабатывается этотъ типъ домашней тиранки въ малорусской женщинѣ, вообще любящей и доброй? Эта, столь извѣстная, старческая придирчивость свекровей, доводящая иногда до семейнаго ада, является, можетъ быть, результатомъ утомленiя трудовою жизнiю, наслѣдiемъ прожитой невзгоды. Обстановка крестьянской жизни придаетъ ей мелочныя, тяжелыя формы... Надо сказать, что непрiязнь къ невѣсткѣ, какою она выведена у г. Карого, сообщается отчасти и читателю. До того нервно-плаксива и слащава его Софiя. Таковы же и другiя добродѣтельныя лица пьесы. За то дивчата и парубки въ народныхъ сценахъ нарисованы чрезвычайно правдиво.

Найболѣе интересна по темѣ и по лицамъ комедiя «Розумный и дурень». На сценѣ современное и дѣйствующее поколѣнiе, выросшее въ пореформенную эпоху.

Старый Окунь честно нажилъ когда-то добро чумачествомъ. Теперь онъ мирно доживаетъ вѣкъ при дѣтяхъ. У него два сына,—двѣ совершенно разныя натуры. Старшiй, Михайло, заправляетъ всѣмъ хозяйствомъ. Это человѣкъ инстинктовъ наживы, глубоко постигшiй тѣ пружины, съ помощью которыхъ можно прожить и обобрать сельскiй людъ, пользуясь его довѣрчивостью и невѣдѣнiемъ. При содѣйствiи мелкотравчатаго «аблаката» онъ устраиваетъ выгодныя аферы съ шинками, взявъ право торговли на свое имя и перепродавъ его евреямъ. Онъ настраиваетъ отца противъ младшаго брата и достигаетъ передачи всего имущества себѣ «для удобства управленiя». Данило, меньшiй братъ, кой чему учился, кой что прочелъ. Это человѣкъ совѣстливый, направленный на добро. Онъ становится поперекъ дороги брату, и тотъ принуждаетъ его покинуть домъ и идти на заработки.

У Данила есть невѣста, на которую засматривается и старшiй братъ. Онъ не столько любитъ ее,—къ любви такiе люди не склонны,—сколько очарованъ ея умомъ, однимъ изъ тѣхъ самородковъ, какими поражаетъ иногда наше крестьянство. Самой Маринѣ больше по душѣ Данило. Но его лишили наслѣдства, а она бѣдна и выросла «въ злыдняхъ». За Михайломъ она забудетъ нужду, станетъ богатой хозяйкой, всѣми уважаемой. Борьба сердечныхъ стремленiй съ крутыми условiями жизни кончается торжествомъ «благоразумiя».

Теперь она вѣрная помощница мужа во всѣхъ хищныхъ его затѣяхъ, вся преданная культу благополучiя, выше всего цѣнящая достатокъ. «Цилуй, тильки не помны одежи»! Вся она въ этихъ словахъ.

Одна изъ плутней Михайла разоблачена. Отецъ, отъ имени котораго совершена сдѣлка, долженъ или платить крупный штрафъ, или сѣсть въ острогъ. Практическіе сынъ и невѣстка уговариваютъ старика избрать этотъ дешевый способъ отдѣлаться отъ штрафа. Въ это время возвращается Данило и освобождаетъ отца отъ позора своими заработанными деньгами. Онъ застаетъ свою невѣсту женою брата.

Михайло, Марьяна и старики—живыя лица. Блѣднѣе идеалистъ Данило. Изъ царства тѣней взята также пораженная стрѣлой Купидона Марта, своею любовью наполняющая совсѣмъ ненужный четвертый актъ, гдѣ рисуются сцены на рыбныхъ промыслахъ.

Блѣдность идеальныхъ лицъ у г. Карого зависитъ оттого, что главная его сила въ наблюденіи, а такія лица сочиняетъ онъ по готовымъ образцамъ. Въ малорусскихъ пьесахъ накопились отъ старыхъ временъ нѣкоторыя черты сентиментализма и условности, которыя давно пора оставить. Ихъ фальшивый тонъ нисколько не маскируется для насъ народной рѣчью. Народными сельскія пьесы должны быть не по языку только, но по складу изображаемыхъ людей, по формѣ ихъ мысли, по типу ихъ развитія. Г. Карый имѣетъ всѣ данныя, чтобъ стать правдивымъ, не связаннымъ никакой условностью, наблюдателемъ народной жизни. Къ защитѣ высшаго духовнаго строя, къ лицамъ «добродѣтельнымъ» также строго должны примѣняться требованія правды и реализма, какъ и къ другимъ. Иначе г. Карый заставитъ, пожалуй, согласиться съ старымъ афоризмомъ, по которому самая скучная вещь на свѣтѣ—добродѣтель.

Г.

Коротка исторія литературы рускои, Омельяна Огоновскаго.

Имя профессора львовскаго университета Ом. Огоновскаго въ Галиціи и въ Россіи пользуется почетной извѣстностью. Въ Галиціи г. Огоновскаго знають и цѣнятъ преимущественно за его полезную общественную дѣятельность, какъ человѣка, словомъ и дѣломъ отстаивающаго жизненные интересы русскаго населенія. Въ Россіи извѣстность г. Огоновскаго не выходитъ за предѣлы ученаго міра, и здѣсь въ лицѣ проф. Огоновскаго признаютъ крупнаго научнаго дѣятеля, обогатившаго науку нѣсколькими полезными работами. Наибольшей извѣстностью пользуются слѣдующія сочиненія г. Огоновскаго:

1) *Слово о полку Игоревѣ*. Львовъ. 1876 г. Предпославъ въ началѣ изслѣдованія небольшія замѣчанія о состояніи русской образованности въ XII в., г. Огоновскій далѣе опредѣляетъ историческую и по-

этическую стороны Слова, предлагаетъ замѣчанія объ авторѣ Слова и характеристику Игоря, говоритъ о языкѣ и поэтическихъ мотивахъ Слова, изданіяхъ и переводахъ и наконецъ предлагаетъ самый текстъ памятника, переводъ на галицко-русскій языкъ, и массу интересныхъ объясненій на отдѣльныя мѣста Слова. Не смотря на то, что литература Слова громадна, что надъ разъясненіемъ этого памятника работали лучшіе ученые въ Россіи и что г. Огоновскому, писавшему свое изслѣдованіе во Львовѣ, не были извѣстны нѣкоторыя цѣнныя русскія изслѣдованія по этому предмету, трудъ г. Огоновскаго оказался на высотѣ современныхъ научныхъ требованій и внесъ много новаго, любопытнаго и полезнаго.

2) *O przyimkach w językach starosłoweńskim, ruskim i polskim* въ V т. журнала краковской академіи наукъ: «Rozprawy i sprawozdania» 1879 г.—Проф. А. А. Кочубинскій въ своемъ сочиненіи «Итоги славянской и русской филологіи», на стр. 89, такъ отзывается объ этомъ сочиненіи г. Огоновскаго: «Трудолюбивая компиляція по отношенію къ старославянскому языку, съ экскурсіями въ сравнительную грамматику, сработанная главнымъ образомъ по Миклошичу. Вообще, полезный обзоръ предлоговъ въ сказанныхъ трехъ языкахъ, съ ихъ этимологическимъ и синтаксическимъ значеніями».

3) *Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache* (Lemberg, 1880.) являются третьимъ крупнымъ по объему и весьма цѣннымъ въ научномъ отношеніи изслѣдованіемъ г. Огоновскаго. Въ началѣ изслѣдованія находятся главнѣйшія историко-литературныя данныя о географической распространенности малорусскаго языка и его нарѣчіяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ спеціальное изслѣдованіе о звукахъ, словообразованіи, именахъ, глаголахъ и предлогахъ. Ясность въ изложеніи и систематичность въ группировкѣ филологическихъ фактовъ составляютъ крупныя достоинства г. Огоновскаго, какъ филолога. Для всякаго, приступающаго къ спеціальному изученію малорусскаго языка, «Studien» Огоновскаго могутъ служить аріадниной нитью на извилистыхъ путяхъ филологической науки. Изученіе этого сочиненія принесло бы пользу также малорусскимъ писателямъ, поставивъ на твердую научную почву ихъ практическое знаніе языка, не всегда свободное отъ недоразумѣній и ошибокъ въ частныхъ случаяхъ. «Studien» проф. Огоновскаго тѣмъ болѣе цѣнны, что въ области изученія звуковъ и формъ малорусскаго языка и въ области синтаксиса сдѣлано немного и немногими учеными, Миклошичемъ, Потебней, Житецкимъ, П. Лавровскимъ и Смаль-Стоцкимъ. Многое совсѣмъ не затронуто; такъ, не опредѣлено значеніе церковнославянскаго языка въ южной Руси, нѣтъ историческаго словаря мало-

русскаго языка, не опредѣлены его заимствованія изъ языковъ татарскаго, румынскаго, нѣмецкаго, ни степень его вліянія на языки румынскій и бѣлорусское нарѣчіе, нѣтъ критики литературныхъ памятниковъ, нѣтъ порядочнаго толковаго словаря.

Небольшія историко-литературныя статьи г. О. Огоновскаго разбросаны въ лучшихъ изданіяхъ галицкихъ, въ «Зорѣ» и «Дѣлѣ».

Въ «Зорѣ» прошлаго 1886 года напечатана «Краткая исторія» кіево-галицкой литературы съ древнѣйшихъ временъ по XIX ст. Изъ объявленія редакціи «Зори» объ изданіи журнала на 1887 годъ видно, что въ предстоящемъ году въ «Зорѣ» будетъ напечатана «Исторія русской литературы XIX в.» Эти новые труды проф. Огоновскаго представляютъ первый опытъ систематическаго изложенія южнорусской письменности съ древнихъ временъ до настоящаго времени. Въ краткомъ, но ясномъ и живомъ предисловіи въ 1 № «Зори» авторъ опредѣляетъ общій ходъ развитія южнорусской литературы, отношеніе книжной письменности къ безъискуственной народной поэзіи и раздѣляетъ исторію южнорусской литературы на пять періодовъ: 1) Отъ начала южнорусской литературы, т. е. отъ XI в. до нашествія татаръ (1440). Это славянско-русскій періодъ. 2) Отъ татарскаго нашествія до соединенія южной и западной Руси съ Польшею (1386). Это періодъ упадка литературной жизни на Руси. 3) Отъ соединенія Руси съ Польшей до основанія Петромъ Могилой въ Кіевѣ коллегіи (1632 г.),—періодъ польско-русскій. 4) Отъ основанія коллегіи до Ивана Котляревскаго,—періодъ схоластическій и 5) отъ Ивана Котляревскаго до настоящаго времени,—періодъ народный. Это дѣленіе южнорусской литературы на пять періодовъ нельзя признать вполнѣ удачнымъ. Недоразумѣніе читателя вызываетъ третій періодъ, почему-то называемый авторомъ польско-русскимъ. Появленіе въ этомъ періодѣ «Перестроги» и посланій Іоанна Вишенскаго и выдающееся положеніе въ системѣ народнаго обученія греко-славянскихъ наукъ не оправдываетъ наименованія этого періода русско-польскимъ. Національное самосознаніе южнорусскаго народа въ это время было весьма развито, что выразилось и въ тогдашней литературѣ, и въ этой именно области противоположеніе всего русскаго польскому (въ языкѣ, вѣрованіяхъ и бытѣ) было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ схоластическій періодъ южнорусской литературы. Основательнѣе было бы назвать этотъ періодъ греко-русскимъ, по сильному вліянію византійской школы на русскую и по случаю появленія въ южной Руси конца XVI и начала XVII ст. такихъ дѣятелей изъ грековъ, какъ Никифоръ и Ѳеофанъ.

Въ №№ 2—6 «Зори» находится историческій очеркъ русской литературы съ XI до половины XIII ст., о м. Иларіонѣ и Даніилѣ Мнихѣ,

о сборникахъ Святослава, Печерскомъ Патерикѣ, Русской Правдѣ, Поученіи Владиміра Мономаха, Лѣтописи Нестора и Лѣтописи кіевской и наконецъ о Даніилѣ Заточникѣ и Словѣ о Полку Игоревѣ. Для русскихъ ученыхъ эта часть изслѣдованія г. Огоновскаго не представляетъ интереса, какъ краткая компиляція на основаніи обширной русской научной литературы о древне-русской письменности.

Въ №№ 7—8 говорится о южно-русской литературѣ времени татарскаго ига, о м. Кириллѣ, Серапіонѣ и м. Кипріанѣ, затѣмъ о Кормчей, Пчелѣ, Златой цѣпи, апокрифахъ древнихъ списковъ, волыно-галицкой лѣтописи и княжескихъ грамотахъ. Принадлежность м. Кипріана и въ особенности владимірскаго еп. Серапіона южнорусской литературѣ представляется весьма сомнительной.

№№ 8—16 находится сначала общій историческій и литературный обзоръ жизни южнорусскаго народа въ XV, XVI и въ первой половинѣ XVII ст. и затѣмъ статьи о м. Фотіѣ (какъ намъ кажется, напрасно отнесенномъ въ число южнорусскихъ писателей), Григоріѣ Цимблакѣ, Симеонѣ Будномъ, Христофорѣ Бронскомъ, Мелетіи Смотрицкомъ, Иванѣ Вишенскомъ, Кириллѣ Транквилліонѣ-Ставровецкомъ, Захаріи Копыстенскомъ, Лаврентіи Зизаніи и Исаіѣ Копинскомъ. Далѣе слѣдуетъ статья о первыхъ типографахъ, Фіолѣ, Скоринѣ, Ѳедоровѣ и Слезкѣ, и о рукописныхъ переводахъ Библіи. Это одна изъ лучшихъ главъ въ изслѣдованіи г. Огоновскаго, по полнотѣ и фактичности. Также хорошо составлена слѣдующая затѣмъ глава о грамматикахъ, словаряхъ, лѣтописяхъ и законодательныхъ памятникахъ XV и XVI ст. Разсмотрѣніе «польско-русскаго» періода завершается обзоромъ повѣстей и сказокъ: о Соломонѣ и Китоврасѣ, Александрѣ Македонскомъ, Троянской войнѣ, Стефанитѣ и Ихнилатѣ, Индіи богатой, Димитріѣ Басаргѣ, Девгеніи Акритѣ, Синагрипѣ, Варлаамѣ и Іосафѣ. И въ этой главѣ, составленной преимущественно по Пыпину, есть любопытные факты и указанія, напр. указаніе на малорусскій переводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ XVII ст.

Въ №№ 17—24 находится обзоръ, большею частью компилятивный, южно-русской схоластической литературы XVII и XVIII ст. Сдѣлавъ предварительно общую характеристику южнорусской образованности и литературы XVII в., г. Огоновскій предлагаетъ статьи о Петрѣ Могилѣ, Іоанникіѣ Галятовскомъ, Лазарѣ Барановичѣ, Иннокентіѣ Гизелѣ, Симеонѣ Полоцкомъ и Димитріѣ Тупталѣ Ростовскомъ. Далѣе слѣдуетъ статья о южнорусскихъ мистеріяхъ, интермедіяхъ и вертепной драмѣ, и статья о лѣтописяхъ и хроникахъ Ин. Гизеля, Леонтія Боболинскаго, Самовидца, Григорія Грабянки, Самойла Велички, Лукомскаго, Ханенка, Симоновскаго, Конисскаго и Ригельмана. Эти двѣ

статьи—однѣ изъ лучшихъ по группировкѣ историко-литературныхъ фактовъ. Послѣдняя заключительная или точнѣе сказать переходная глава къ предстоящему изслѣдованію о новой южнорусской литературѣ посвящена Климентію, Зиновію и Гр. Сковородѣ, которые уже отчетливо обнаружили наклонность выйти, по выраженію автора, «на шляхъ широкій, далекій, на шляхъ народнои просвиты».

Вообще «Краткая исторія русской литературы» г. Огоновскаго полезный трудъ, особенно для галичанъ. Ничто такъ не поднимаетъ національнаго самосознанія, какъ знакомство съ литературой и словесностью роднаго народа, выражающихъ идеальныя стремленія лучшихъ людей. Изученіе литературы не только углубляетъ и расширяетъ чувство уваженія къ народу, какъ коллективной нравственной личности, но и обосновываетъ это чувство на твердыхъ разумныхъ основаніяхъ. Соотвѣтственно съ тѣмъ расширяется міросозерцаніе и улучшается моральная сторона интеллигентныхъ индивидуумовъ. Въ итогѣ возникаетъ взаимное пониманіе и нравственная связь между интеллигенціей и народомъ, городомъ и селомъ, паномъ и мужикомъ, жизнь того и другаго начинаетъ улучшаться и облагораживаться, по мѣрѣ ихъ взаимнаго сближенія и общей дѣятельности на поприщѣ цивилизаціи и культуры.

Н. С.

Виленскій календарь на 1887 годъ. Четвертый годъ изданія. Вильна. 1886 г.

Въ замѣткѣ о «Виленскомъ календарѣ» на прошлый годъ, помѣщенной въ «Кіевской Старинѣ» за февраль минувшаго года, мы указали на то, что изданіе «Виленскаго календаря» выдается между многими этого рода изданіями по строго обдуманному плану, сказывающемуся какъ на составѣ общихъ календарныхъ статей и справочныхъ свѣдѣній, такъ и на подборѣ разнаго рода восполнительныхъ статей, имѣющихъ мѣстный интересъ—историческій и современный, религіозный, общественный, экономическій и т. под. Съ удовольствіемъ константируемъ, что этотъ планъ настойчиво и умѣло выдерживается и въ изданіи календаря на текущій 1887 г. Въ самомъ составѣ календарныхъ статей и справочныхъ свѣдѣній общаго свойства примѣчается желаніе редакціи восполнить отдѣлы этихъ статей и свѣдѣній внесеніемъ въ оные такихъ частей, которыми округляется содержаніе ихъ за прежніе годы, такъ что календарь каждаго года удерживаетъ свою относительную пригодность, календарь минувшаго года не утрачиваетъ интереса при календарѣ новаго года и въ свою очередь не ограничиваетъ интереса ново-

годняго календаря перестановкою цифръ въ святцахъ и т. п. Какъ на примѣръ полезнаго восполненія обыкновенныхъ календарныхъ свѣдѣній въ Виленскомъ календарѣ на 1887 г., укажемъ въ частности на статистическій отдѣлъ и здѣсь—на часть его, озаглавленную: «Образованіе въ сѣверо-западномъ краѣ Россіи» (стр. 168—172). И для посторонняго наблюдателя назидательно всматриваться въ цифры, представляемыя статистикою образованія въ сѣверо-западномъ краѣ, дающею видѣть несомнѣнные успѣхи его и возбуждающею пожеланія дальнѣйшаго развитія этой силы, на могуществѣ которой прежде всего покоятся надежды русскаго дѣла въ краѣ. Впрочемъ не останавливаясь на тѣхъ отдѣлахъ и статьяхъ календаря, которые болѣе или менѣе входятъ въ общій составъ всякихъ изданій этого рода, отмѣтимъ помѣщенныя въ Виленскомъ календарѣ на 1887 г. статьи литературнаго характера, представляющія тотъ или другой мѣстный интересъ, во многомъ общій юго-западному краю съ сѣверо-западнымъ.

Въ церковномъ отдѣлѣ, въ видѣ продолженія историческихъ, назидательныхъ чтеній, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ, теперь помѣщены свѣденія о чудотворныхъ иконахъ, особенно объ иконахъ мѣстныхъ и вообще всей западно-русской окраины [1]). Помимо общей религіозной назидательности этого рода чтеній, сказанія о мѣстныхъ иконахъ и святыняхъ имѣютъ большое значеніе для исторіи края, въ особенности исторіи церкви, судьбы православія въ борьбѣ съ иновѣріемъ, исторіи отдѣльныхъ мѣстностей, даже лицъ и фамилій, въ немалой также степени и для исторіи народнаго быта, народныхъ преданій и вѣрованій. Безъ сомнѣнія, въ сказаніяхъ о мѣстныхъ иконахъ и святыняхъ всегда было и останется немало легендарнаго, уже потому, что основою этихъ сказаній очень нерѣдко служатъ устные разсказы и преданія. Но это не умаляетъ указаннаго выше интереса этихъ сказаній. Авторъ статьи объ иконахъ не одинъ разъ ссылается на монастырскія или церковныя записки, содержащія эти сказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, отъ имени редакціи, приглашаетъ приходскихъ священниковъ доставлять ей имѣющіяся на мѣстѣ свѣдѣнія о чудотворныхъ иконахъ, съ тѣмъ, чтобы они основаны были на историческихъ данныхъ и т. д. Полагаемъ, что работа какъ надъ собраніемъ и изданіемъ существующихъ письменныхъ сказаній, уже извѣстныхъ, но неизданныхъ, такъ и надъ отысканіемъ и приведеніемъ въ извѣстность другихъ, была бы полезна и въ смыслѣ разработки матеріаловъ для исторіи края въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ его.

---

[1]) Къ календарю приложены снимки четырехъ иконъ: минской, коложской, былыничской и супрасльской.

Послѣ статьи, представляющей оживленное описанiе отраднѣйшаго событiя для края въ минувшемъ году, какимъ было посѣщенiе его ихъ императорскими величествами, государемъ императоромъ и государынею императрицею, съ августѣйшими дѣтьми и прочими особами царствующаго дома, слѣдуютъ въ календарѣ историческiе очерки изъ прошлой судьбы края, какъ-то: 1) *Религiозное состоянiе Литвы предъ появленiемъ въ ней iезуитовъ и начало дѣятельности ихъ въ Вильнѣ*, 2) *Историческiй очеркъ городскаго населенiя въ Западной Россiи* и 3) *Вильна и Виленцы въ 1812 г.* Первыя двѣ статьи дѣльно обработаны въ научномъ отношенiи, съ признаками болѣе самостоятельнаго отношенiя къ предмету въ послѣдней статьѣ. Нѣтъ нужды говорить о современной назидательности такихъ историческихъ воспоминанiй, какiя вызываются обоими очерками. Но по силѣ живой современной назидательности еще болѣе замѣчательна статья: *Вильна и Виленцы 1812 г.* Виленскiе эпизоды этого года давно были разсказаны Кукольникомъ; въ статьѣ «Виленскаго календаря» разсказъ этотъ кое въ чемъ пополненъ. Какъ было бы желательно, что бы эти эпизоды почаще припоминались самими потомками тѣхъ, которые были участниками ихъ въ 1812 году! Съ полнымъ правомъ авторъ статьи: *Вильна и Виленцы 1812 г.* могъ заключить свой разсказъ выраженiемъ такой надежды: «будемъ надѣяться, что тяжкiя внушенiя историческихъ событiй и давняго прошлаго и не столь отдаленнаго времени, не пропадутъ безслѣдно, будемъ чаще приводить себѣ на память это прошлое и заимствовать у него уроки благоразумiя, честнаго отношенiя къ своей родинѣ, вѣрѣ и Богомъ данному правительству».

Какъ и въ прошломъ году, въ календарѣ помѣщены некрологи скончавшихся въ минувшемъ году лицъ изъ служившихъ въ западномъ краѣ Всѣхъ некрологовъ 14. Не повторимъ того, что было въ прошлый разъ сказано нами о живомъ интересѣ этого рода некрологическихъ очерковъ, интересѣ, возбуждаемомъ особенностями службы, служебнаго и жизненнаго положенiя русскихъ людей, проходившихъ все свое жизненное поприще или часть его въ сѣверо-западномъ краѣ. Нѣкоторые изъ некрологовъ представляютъ особенно назидательныя характеристики; начертаны онѣ, какъ видно, лицами, проникнутыми тѣмъ-же духомъ вѣрнаго служенiя долгу, который одушевлялъ почившихъ дѣятелей и не изнемогалъ среди постигавшихъ ихъ испытанiй. время которыхъ, къ счастiю, миновало для продолжателей ихъ трудовъ. Отчетливѣе другихъ составлены некрологи Виноградова, Зюзюкина, Малиновскаго, кн. Оболенскаго, еп. Смарагда, протоiерея Чудовскаго, уч. Шолковича и Юшкевича. Чудовскiй, памятный и намъ

еще по Жировицамъ и немалое время по его служенію въ Новогродкѣ, могъ-бы своею личностью и своею дѣятельностью представить, кажется намъ, и болѣе обильный матеріалъ для біографической характеристики, если-бы авторъ не стѣснялся предѣлами очерка въ формѣ некролога.

Въ календарѣ на 1886 годъ помѣщена была статья: „Необходимыя условія для прибыльнаго земледѣлія въ Россіи". Новый опытъ въ томъ-же направленіи представляетъ помѣщенная въ календарѣ 1887 г. статья: «Жизнь растеній, какъ основной источникъ знаній для земледѣлія». Въ предисловіи авторъ статьи превосходно выясняетъ ту простую, но большинствомъ не усматриваемую, сознаваемую лишь немногими истину, что упадокъ земледѣлія, вызывающій общія сѣтованія и жалобы, наиболѣе существенную причину имѣетъ именно въ недостаткѣ сельско-хозяйственныхъ научныхъ знаній, въ неумѣньи хозяйничать и отчасти въ жизни не по средствамъ, расточительности. Въ глубокомъ сознаніи этой истины и предприняты авторомъ эти научно-популярныя изложенія по вопросамъ о земледѣліи, имѣющія продолжаться и въ слѣдующихъ изданіяхъ календаря. Дай Богъ, чтобы это доброе и разумное слово науки падало не на каменистую почву: впрочемъ капля и камень пробиваетъ!

И. Малышевскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

Гетманская усыпальница.

Ученый изслѣдователь украинской старины никогда бы не пожалѣлъ о потраченномъ времени, если бы вздумалъ посѣтить мѣстечко Сорочинцы полтавской губерніи, миргородскаго уѣзда. Сорочинцы, нѣкогда полковой городъ, сохраняютъ доселѣ остатки земляныхъ валовъ, насыпаныхъ когда-то вокругъ мѣстечка въ цѣляхъ военныхъ, а нынѣ раскапываемыхъ обывателями въ совершенно мирныхъ цѣляхъ. Уцѣлѣвшій валъ съ восточной стороны представляетъ довольно значительную крутизну; на ней храмъ старинной постройки, внизу тихо струится одинъ изъ рукавовъ рѣки Псла, такъ называемый Затонъ, отражая въ своихъ хрустальныхъ водахъ лазуревыя облака Украйны. Съ противоположной стороны Затона, которая представляетъ собою низменность, именуемую Оболонью, церковь и крутые, отвѣсные берега вала очаровательны. Церковь, простой и вмѣстѣ изящной архитектуры, носитъ на себѣ печать далекой старины. При взглядѣ на нее въ душѣ зрителя невольно и незамѣтно возникаетъ цѣлый рядъ воспоминаній о давно минувшихъ временахъ, людяхъ, событіяхъ. Все это было и прошло, пронеслось и исчезло, остался храмъ, нѣмой свидѣтель превратности судьбы, пережившій событія и людей для того, чтобы служить живой связью прошлаго съ настоящимъ, напоминать грядущимъ поколѣніямъ о быломъ ихъ родины, ихъ предковъ.

Это сорочинская Преображенская церковь; построена она бывшимъ полковникомъ миргородскимъ Даніиломъ Павловичемъ Апостоломъ, не задолго до его смерти; въ лѣтописи Самовидца подъ 1734 годомъ читаемъ: «Въ року же наставшемъ 1734, генваря 17 дня, гетманъ и кавалеръ Даніилъ Апостолъ въ Глуховѣ умеръ въ покои, при вѣрности ея императорскому величеству, которого тѣло проважено было до Сорочинець и тамъ въ *новосооруженной* отъ него жъ каменной церквѣ погребено архіепископомъ кіевскимъ Рафаиломъ Заборовскимъ, съ церемоніею преизрядною, февруарыя 5 дня». Церковь каменная о пяти главахъ, древняго византійскаго стиля, отштукатурена какъ внутри, такъ и снаружи, при чемъ снаружи по карнизамъ и пилястрамъ отдѣлана множествомъ лѣпныхъ украшеній чрезвычайно оригинальнаго и довольно древняго рисунка; ни фронтоновъ, ни портиковъ, ни колоннъ нѣтъ. На цоколь церковь не поднята вовсе, такъ что уровень ея помоста приходится въ уровень съ землей. Когда смотрите на церковь извнѣ, она представляется зданіемъ весьма значительныхъ размѣровъ, могущимъ вмѣстить большое число молящихся; но когда входите во внутрь ея, васъ поражаетъ какъ незначительность ея объема, такъ и толщина ея стѣнъ и сводовъ. По всему видно, что она предназначалась не для прихода, но для небольшой, именно гетманской, семьи—служить ей при жизни мѣстомъ молитвы, по смерти мѣстомъ вѣчнаго упокоенія. Утративъ давно первое значеніе, церковь сохранила второе, и ее нельзя иначе назвать, какъ «гетманскою усыпальницею».

Церковь о трехъ престолахъ; главный—во имя Преображенія Господня, сѣверный во имя Покрова Пресв. Богородицы и южный—во имя Животворящей Тройцы. Полъ въ церкви желѣзный, изъ кованныхъ квадратныхъ плитъ. Иконостасъ деревянный, рѣзной, покрытый сусальной позолотой; рисунокъ его довольно кудрявый, изображающій вѣтви деревъ и растеній со множествомъ листьевъ и цвѣтовъ. Живопись на иконостасѣ также старая; при этомъ только лики святыхъ и обнаженныя части ихъ рукъ и ногъ писаны масляными красками; все-же остальное на иконахъ, какъ-то: одежды, вѣнцы, сіянія на главахъ святыхъ и прочія части вырѣзныя, лишь отчасти представляющія слабый рельефъ и покрытыя, смотря по вдохновенію мастера, то матовой, то полированной и потому когда-то ярко блиставшей позолотой. Теперь и та и другая позолота

сильно потускнѣла. Позади обоихъ клиросовъ, къ пилонамъ, поддерживающимъ главные своды и главный куполъ, придѣланы особыя мѣста, предназначавшіяся, вѣроятно, для избранныхъ молящихся. Мѣста эти, для 4-хъ, 5-ти человѣкъ каждое, подняты на одну ступеньку выше общаго пола церкви, отгорожены отъ остальнаго пространства покрашенной, массивной рѣшеткой съ дверькой; внутри имѣютъ двѣ лавочки, прикрѣпленныя къ стѣнамъ пилоновъ, а стѣны этихъ послѣднихъ обиты темно-зеленымъ съ черными мелкими цвѣточками сукномъ, начиная отъ пола до вышины роста человѣка. Здѣсь надъ правымъ мѣстомъ на стѣнѣ хранится рѣзное деревянное, раскрашенное въ нѣсколько цвѣтовъ, изображеніе фамильнаго герба гетмана Даніила Апостола, на щитъ котораго, на красной орденской лентѣ, возложенъ крестъ ордена св. Александра Невскаго; въ полѣ щита, въ видѣ полукруга, рельефными буквами славянскаго шрифта, девизъ ордена: «*за труды и отечество*». Далѣе въ церкви около южныхъ дверей, съ боку царскихъ вратъ южнаго престола, стоитъ деревянный крестъ, съ рѣзнымъ рельефнымъ изображеніемъ Распятія Христа въ натуральную величину. Въ стѣнѣ, рядомъ съ правымъ клиросомъ, противъ южнаго престола, вдѣлана бѣлая металлическая доска, на которой вырѣзана надгробная надпись, свидѣтельствующая, что здѣсь гдѣ-то, подъ церковью, или около церкви, похороненъ генералъ-маіоръ Георгій Лесли. Доска двумя продольными чертами раздѣлена на три части, и надпись вырѣзана на нихъ на трехъ языкахъ: налѣво отъ зрителя на польскомъ, по срединѣ на русскомъ и на послѣдней на латинскомъ. Надпись русская написана силлабическими стихами. Подъ текстомъ, слѣва символическое изображеніе, въ срединѣ гербъ, надо полагать, самого Георгія Лесли, справа часовой циферблатъ съ цифрами и стрѣлкой, показывающей цифру VIII, а надъ циферблатомъ латинская надпись: «*ita cursum consumavi*» и славянскій ея переводъ: «*тако теченіе соверших*ъ». Русская надпись имѣетъ слѣдующее заглавіе: *Всепресвѣтлѣйшаго императорскаго россійскаго маестату* высокоблагородному и высокопревосходительному генералу майору Георгію Лесли, 11-го дня февраля, при брегу Днѣпровомъ, сильно отъ варваръ аттакованному, безмѣрно израненному и мужественно умершему, въ незабвенную память *Эпитафіонъ* или *гробное надписаніе*.

Слѣдуетъ за тѣмъ самая эпитафія въ объемѣ 44 силлабическихъ стиховъ, въ которыхъ, по общему масштабу, воспѣваются добродѣтели Лесли отца, убитаго въ войну съ Турціею въ 1737 г. и Лесли сына, попавшаго въ плѣнъ при защитѣ отца. Мы опускаемъ эти тяжелые стихи, какъ не дающіе никакого историческаго факта, не заключающіе ни искорки поэзіи.

Въ ризницѣ церковной не много уцѣлѣло предметовъ древности. Особое вниманіе обращаютъ на себя: 1) Фелонь серебрянной парчи, съ серебрянными пуговками на бокахъ; риза эта шита на чрезвычайно плотнаго и высокаго человѣка, почему теперешними и не такъ давно бывшими здѣшними священно-служителями не надѣвается вовсе; 2) Серебрянный вызолоченный напрестольный крестъ 1765 года; 3) Евангеліе въ бархатномъ переплетѣ, обдѣланное въ массивную серебрянную вызолоченную оправу, напечатанное въ 1717 году въ Москвѣ и 4) Типиконъ, печатанный въ 1755 году. Понятно, что все это даръ самаго строителя церкви и членовъ его семьи. Болѣе важный въ историческомъ отношеніи остатокъ древности составляетъ, безъ сомнѣнія, фамильный склепъ гетмана Даніила Апостола, устроенный подъ поломъ въ самой церкви. Это усыпальница собственно гетмана и его семьи; но, какъ утверждаютъ старожилы, здѣсь же хоронили и другихъ, близкихъ имъ или знатныхъ людей. Прежде доступъ въ склепъ постороннимъ лицамъ для осмотра его былъ довольно свободенъ и разрѣшался властью мѣстнаго настоятеля церкви; но это вело къ разнымъ неудобствамъ, а иногда и къ прямымъ злоупотребленіямъ. Отъ слишкомъ частаго открыванія склепа и дѣйствія атмосфернаго воздуха покойники въ гробахъ стали весьма быстро и сильно разлагаться; притомъ любопытствующіе не ограничивались простымъ осмотромъ, а пытались иногда брать «на память» части одеждъ покойниковъ, пуговицы, позументъ, украшавшіе одежды и т. п. Такимъ образомъ историческіе памятники расхищались и пропадали безслѣдно. Все это заставило епархіальное начальство наложить свое *veto*, и доступъ въ склепъ всѣмъ безъ исключенія былъ воспрещенъ. Теперь склепъ открывается лишь въ промежутки времени лѣтъ черезъ 10—15, когда церковный надъ нимъ полъ требуетъ ремонта. Счастливый случай осмотрѣть склепы представился мнѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ минувшаго года; по поводу починки пола, вслѣдствіе гнилости балокъ,

въ той именно части, которая закрывала входъ въ гетманскую усыпальницу, склепъ былъ открытъ, и желающіе осматривать оный были свободно допущены туда, а въ числѣ ихъ и я.

Склепъ—каменный, устроенъ подъ поломъ, какъ разъ по серединѣ церкви, подъ большимъ паникадиломъ; онъ имѣетъ форму четырехсторонней камеры со сводчатымъ, въ видѣ арки, потолкомъ, значительно удлиненной въ восточномъ и западномъ направленіи. Внизъ онъ углубляется на десять ступенекъ ниже уровня церковнаго пола, т. е. приблизительно аршина на три или немного меньше. Ступеньки ведущія туда тоже каменныя. Конечно, склепъ можно было осматривать только при помощи плохаго освѣщенія восковыми свѣчами, такъ какъ не только въ немъ, но и въ самой церкви довольно темно. Длина склепа аршинъ восемь, ширина аршина четыре, высота немного выше роста человѣческаго. При входѣ, съ послѣдней ступеньки вы видите по правую и по лѣвую сторону сложенные гробы, именно по два гроба подъ обѣими стѣнами въ рядъ и поверхъ ихъ еще по одному на каждомъ, т. е. всего четыре гроба. Затѣмъ, все остальное пространство впереди, т. е. восточная часть завалена самымъ безпорядочнымъ образомъ всевозможныхъ размѣровъ гробами и ихъ остатками. Здѣсь находятся и дѣтскіе гробы, длиною менѣе аршина, и гробы среднихъ размѣровъ. Вообще все въ склепѣ представляетъ самый хаотическій видъ. Большинство гробовъ совершенно развалились отъ гнилости и представляются въ видѣ гнилыхъ обломковъ съ кой-гдѣ уцѣлѣвшими обрывками обивочной матеріи; сосчитать поэтому число всѣхъ покойниковъ въ склепѣ невозможно; лишь приблизительно можно сказать, что всѣхъ гробовъ въ немъ 15—18 или 20.

Такъ какъ болѣе или менѣе сохранились только первые четыре гроба, стоящіе тотчасъ у входа, то мы и занялись подробнымъ осмотромъ только ихъ однихъ. Гробъ, стоящій направо отъ входа, на полу, хранитъ въ себѣ останки самого гетмана Даніила Апостола. Длиною гробъ около трехъ аршинъ; онъ дубовый на точеныхъ ножкахъ, обитъ чернымъ бархатомъ; крышка его по краямъ обгнила, и обивка на ней сохранилась только кой-гдѣ; но самый гробъ сохранился хорошо, за исключеніемъ его дна, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прогнило. Снаружи, на изголовьи гроба, прибита четырехугольная металлическая дощечка около 5 вершковъ въ

квадратѣ; на ней масляннными красками нарисованъ большой кругъ, изображающій часовой циферблатъ съ одной только стрѣлкой, поставленной на цифрѣ V; на правой сторонѣ его написаны римскія цифры, начиная отъ XII до V включительно; на лѣвой-же цифръ нѣтъ, но значится написанное по окружности славянскимъ шрифтомъ слово «*преста*». Въ большомъ кругѣ нарисованъ еще малый кругъ, а въ немъ ландшафтъ, изображающій заходъ солнца, въ видѣ человѣческаго лица, съ сіяющими лучами. Очевидно, что эта надпись и рисунокъ есть аллегорическое изображеніе времени дня, когда послѣдовала кончина гетмана. Когда была приподнята крышка гроба, то взорамъ представился довольно высокаго роста покойникъ, одѣтый въ кафтанъ, достигающій колѣнъ. Мягкія части головы и лица совершенно исчезли, превратившись отчасти въ похожую на сажу пыль, въ изобиліи покрывающую костный скелетъ головы и лица. Кафтанъ изъ парчи, первоначальный цвѣтъ которой, а также рисунокъ ея тканья опредѣлить, конечно, невозможно; все это сильно измѣнилось отъ времени; теперь кафтанъ имѣетъ цвѣтъ зеленовато-грязный, застегнутъ на правой сторонѣ на нѣсколько металлическихъ пуговицъ, имѣющихъ оливкообразную форму и еще кой-гдѣ уцѣлѣвшихъ отъ расхищенія; рукава довольно длинные, съ обшлагами, къ кистямъ рукъ постепенно съуживающіеся. На головѣ изъ такой-же парчи, какъ и кафтанъ, небольшая шапочка, по покрою напоминающая священническую скуфью; отъ времени, а быть можетъ и отъ чрезмѣрнаго усердія къ древностямъ многихъ прежнихъ посѣтителей гетманской усыпальницы отдѣлка шапочки сильно пострадала; замѣтно, что она была украшена узорчатымъ шитьемъ или чѣмъ-либо подобнымъ, что потомъ исчезло. Черезъ лѣвое плечо широкая лента, несомнѣнно орденская. На лѣвой сторонѣ груди на кафтанѣ нашита золотомъ звѣзда ордена св. Александра Невскаго, которымъ покойникъ былъ пожалованъ въ 1731 г.; въ кружкѣ ея девизъ ордена: «*за труды и отечество*». Остальныя принадлежности костюма совершенно разложились; сохранились только на ногахъ кожаные туфли. Мягкія части рукъ и ногъ также совершенно разложились, превратившись въ маркую черную пыль, покрывающую обнажившіяся кости.

Второй гробъ стоитъ сверху сейчасъ описаннаго; обивка его почти совершенно исчезла. Въ немъ покоятся останки какого-то военнаго сановника. Всѣ мягкія части тѣла и здѣсь совершенно разложились и превратились въ черную, пылеобразную, въ видѣ сажи насѣвшую массу. Покойникъ одѣтъ въ короткій мундиръ со стоячимъ высокимъ воротникомъ и расходящимися полами. Воротникъ расшитъ золотымъ шитьемъ, а полы, карманные клапаны на бокахъ полъ и рукавные обшлага обшиты позументомъ, изображающимъ дубовые листья; по бортамъ полъ, на клапанахъ и обшлагахъ металлическія плоскія пуговицы. На рукахъ шелковыя вязанныя перчатки; на ногахъ длинные шелковые чулки и кожаные башмаки. Очень можетъ быть, что это и есть останки того генералъ-маіора Георгія Лесли, о которомъ гласитъ упомянутая выше эпитафія. Третій гробъ, нижній съ лѣвой стороны, обитъ шелковой полосатой матеріей, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поистрепавшейся; гробъ довольно длинный, также на точеныхъ ножкахъ. Заключенные въ немъ останки покойника накрыты кускомъ черной матеріи; изъ одеждъ болѣе или менѣе сохранился только длинный шелковый, чернаго цвѣта, шлафрокъ съ рукавами, а на ногахъ башмаки; покойникъ сильно разложился; за исключеніемъ костнаго скелета, все остальное исчезло. Можно предполагать, что въ этомъ гробѣ похоронена женщина, а шелковая обивка гроба и такой-же шлафрокъ указываютъ, что женщина эта принадлежала къ высшему богатому кругу. Очень можетъ быть, что это прахъ жены гетмана Апостола. Наконецъ, четвертый гробъ, стоящій на верху третьяго, также съ лѣвой стороны у входа, заключаетъ въ себѣ останки и одежды на столько разложившіеся и измѣнившіеся, что болѣе или менѣе ясное представленіе ихъ и описаніе почти невозможны. Гробъ этотъ также сильно обгнилъ. Остальные гроба, развалившіеся и сгнившіе, свалены въ безпорядочную кучу щепъ, обломковъ, выпавшихъ ножекъ и массы древесной пыли; заняться осмотромъ ихъ было невозможно, да и самый осмотръ, вѣроятно, не далъ-бы ничего интереснаго. Я оставилъ покойниковъ почивать въ мирѣ и ждать трубнаго гласа...

Александръ Ксензенко.

Каштелянъ брацлавскій, Василій Загоровскій, въ полонѣ у татаръ.

«Родъ Загоровскихъ, пишетъ авторъ статьи: «Мазепа и его прекрасная Елена» [1]), принадлежитъ къ числу старинныхъ южно-русскихъ дворянскихъ родовъ на Волыни... Роду Загоровскихъ принадлежало не малое число селъ и деревень. При большомъ богатствѣ семья пользовалась и знатностью: нѣкоторые изъ членовъ этого рода исполняли важныя государственныя должности, являясь напр. въ качествѣ королевскихъ пословъ при иноземныхъ дворахъ, или занимая выдающіяся должности въ своемъ воеводствѣ. Обезпеченные прекрасно въ матеріальномъ отношеніи, нѣкоторые изъ нихъ испытывали однакоже невзгоды въ семейной жизни. Надъ Загоровскими точно тяготѣлъ какой-то злой рокъ. Особенно извѣстенъ семейными неудачами Василій Загоровскій, брацлавскій каштелянъ и владимірскій городничій, послѣ развода съ первою своею женою, княжною Марушею Збаражскою, женившійся вторично и брошенный также и второю женою, княжною Екатериною Чарторійскою».

Объ этомъ Василіи Загоровскомъ въ актовыхъ книгахъ Центральнаго Архива при университетѣ св. Владиміра (кн. грод. владим., № 939, л. 37—39) мы нашли документъ, въ краткихъ чертахъ воспроизводящій его злосчастную жизнь и, быть можетъ, самый конецъ оной. Дѣло происходитъ въ началѣ послѣдней четверти тревожнаго XVI вѣка.

Богатый и знатный дворянинъ, занимавшій важную должность каштеляна брацлавскаго воеводства, которому жить-бы да поживать, въ довершеніе всѣхъ невзгодъ семейныхъ, попадаетъ въ полонъ къ татарамъ, при отраженіи, надо полагать, одного изъ набѣговъ татарскихъ, такъ частыхъ въ то время. Незадолго предъ этимъ его бросила жена,—первая или вторая, не знаемъ. Имѣнія, дѣти, домъ—все осталось на произволъ случая. Томясь въ неволѣ, испытывая всѣ ужасы заключенія у дикарей, мучась неизвѣстностью собственной судьбы, зависящей отъ произвола хана, его прибли-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., ноябрьск. кн., стр. 528.

женныхъ, даже стражи, Загоровскій останавливается на выкупѣ, какъ единственномъ средствѣ отвратить постигшую его бѣду. Онъ предлагаетъ за себя 400 червоныхъ, поступалъ даже 500 и надѣялся, что такая или иная сумма была бы принята. Но гдѣ и какъ добыть ее? Имѣнія его были, какъ видно, въ разстройствѣ и дома въ наличности потребной суммы не было. И вотъ Загоровскій шлетъ письмо къ своему сосѣду и благопріятелю, бѣглецу московскому, князю Андрею Курбскому, прося его дать ему въ займы и прислать въ мѣсто его заключенія 500 червонцевъ. Но что если смерть постигнетъ скорѣе выкупа? Плѣнникъ спокойно ввѣряетъ судьбу свою волѣ Божіей; но его тревожитъ судьба дѣтей, оставленныхъ матерью, гуляющею на волѣ, и онъ поручаетъ ихъ опекѣ и покровительству князя Курбскаго и своего близкаго родственника Яна Бокия, котораго братъ томился съ нимъ въ неволѣ, ближайшее же попеченіе о дѣтяхъ и управленіе домомъ и имѣніемъ ввѣряетъ женѣ брата своего, а ихъ крестной матери, Загоровской, по всей вѣроятности, вдовѣ. Съ особенною заботливостію онъ проситъ ее и опекуновъ позаботиться объ обученіи и воспитаніи его дѣтей и не допускать къ нимъ его жены, а ихъ матери, во избѣжаніе, конечно, дурнаго вліянія; но онъ не только не хочетъ насиловать естественнаго чувства дѣтей, когда они придутъ въ возрастъ, а напротивъ самъ завѣщаетъ имъ оказывать ей, какъ матери, почтеніе и любовь. Прописавъ и еще о какихъ-то, вѣроятно, имущественныхъ дѣлахъ своихъ съ войтомъ владимірскимъ, извѣстныхъ кн. Курбскому и вообще высказавъ всѣ свои желанія и распоряженія какъ-бы въ предсмертный часъ, Загоровскій даетъ всему письму своему видъ и значеніе духовнаго завѣщанія и проситъ князя въ этомъ смыслѣ вписать оное въ книги гродскія владимірскія, въ замѣнъ же печати, которой у него не оказалось, присовокупляетъ подпись своего соузника Ѳедора Бокия.

Письмо дышетъ тѣмъ трогательнымъ тономъ и чувствомъ, которые такъ естественны въ положеніи человѣка, утратившаго все, что дорого было ему въ жизни и самую свободу и въ вопросѣ о ней, какъ и о самой жизни борющагося между надеждою и отчаяніемъ. Въ письмѣ отразились черты времени и вся трагическая судьба его автора; тутъ въ завиткѣ цѣлая драма, которая можетъ

быть восполнена другими, столь же случайно попадающимися документами.

Вѣроятно, внесеніе частнаго письма въ гродскія книги, въ качествѣ духовнаго завѣщанія, встрѣчало какія либо формальныя препятствія, для устраненія которыхъ кн. Курбскій прибѣгъ къ посредничеству всесильнаго тогда князя Константина Острожскаго, старосты владимірскаго. По письму послѣдняго къ владимірскому подстаростѣ Краевскому и было вписано въ гродскія владимірскія книги письмо Загоровскаго, котораго текстъ приводимъ здѣсь.

Лѣта по нароженю Исуса Хрыста, Сына Божого, тисеча пятьсотъ семдесятъ семого, месеца априля, двадцать второго дня.

Приездилъ на врядъ кгродскій, въ замокъ господаръскій володимеръскій, до мене Станислава Кграевского, столника подляского, подстаростего володимерского, его милость князь Андрей Михаиловичъ Курпскии ярославскии, зъ листомъ его велможное милости, князя Костентина Острозского, воеводы киевского, маршалка земли волынское, старосты володимерского, до мене писанымъ, и съ копеею зъ листу его милости пана Василя Загоровскаго, кашталяна браславского, маршалка его королевское милости, городничого володимерского, до его милости писаного, подъ печатю княжати, его милости, для записаня до книгъ, до мене писаного, и просилъ мене его милость князь Курпскии, абымъ я, ведлугъ писаня листу княжати его милости, тую копею въ книги кгродские записати казалъ. А такъ я тое копеи огледевши и достаточне ее вычитавши, слово отъ слова въ книги кгродские вписати велелъ, которая такъ ся въ собе маетъ.

Копея зъ листу пана Загоровского властною рукою писана.

«Милостивый государъ, княжо Андрей Курпскии!

Убогии вязень всего доброго вашмости, въ милосердью Бозскомъ, властне яко пану и добродею своему, уживати зычу.—Тотъ упадъ мой въ руки людей царевича его милости кримского, а меновите князя Девлея мурзы, до которого-мъ пришолъ зъ ласки Божское, справедливымъ судомъ Его светымъ за грехи мое на службе Речи Посполитое, вязнемъ въ руки; мамъ за то, ижъ до сего часу у его ми-

лости не есть тайно; толко ижъ о то идетъ, абы человекъ бедный хотя и въ убогомъ жилищу, толко бы въ прирожоной волности кости свои озле гробовъ родителей своихъ въ гробъ за часомъ воли Бозское погребъ. Про то покорне, а унижене вашмости, моему милостивому пану, чоломъ бью, утри мое слезы крывавые, а въ томъ упаде моемъ стань мнѣ милостивымъ отцомъ и добродеемъ. Хотя жъ еще окупу за мене не менятъ, але до цара его милости откладаютъ: ведже уже я чоломъ билъ, абы отъ мене, яко человека убогого, чотыреста золотыхъ чирвоныхъ взяли, а на остатокъ и пятсотъ поступовалемъ; про то вашей милости, моего милостиваго пана и добродея, покорне, а унижене прошу: часу тое моее пригоды, покажи хрестиянскую любовъ надо мною, а золотыхъ пятсотъ червоныхъ, ослобожуючи мене съ тое тяжкое неволи, позычити мне пожалуй, которые, скоро ме Богъ милостивый съ тое неволи вызволитъ, шлюбую и обецую цнотливымъ словомъ моимъ, съ покорнымъ, а униженымъ подякованемъ, вашей милости отдати и вечне заслуговати, а особливе Богъ милостивый то вашей милости будетъ платити. А если пакъ се зде душу мою Богъ съ тѣла моего озметъ, тогды, яко ми ся вашмость обецалъ и руку на томъ далъ, ижъ сполечне съ паномъ Яномъ Бокиемъ детки и убогий домокъ мой въ опеце и обороне своей до летъ ихъ держати, а потомъ гды сподобитъ ихъ Богъ летъ годныхъ науце дойти, на науку ихъ дать: тогды, якъ и теперь, тымъ писанемъ властное руки моей вашихъ милостей дву, то есть особу вашмости и пана Яна Бокия, брата моего, опекунами и оборонцами деткамъ и убогой маетносце моей обираю и прикладаю подъ тымъ способомъ, абы детки мои, до болшихъ летъ ихъ, ее милость, пани Александровая Загоровская, яко матка ихъ хрыщоная, въ дому моемъ выховывала и сама домомъ моимъ, убогою маетносткою редила, а кгды летъ таковыхъ, науце годныхъ, дойдутъ, же бы ихъ ку вашмости на науку дала и што заплаты научителемъ приходити будетъ, же бы позбираючи платила, а рады вашмости во всемъ держала, и тотъ долгъ пятьсотъ червоныхъ золотыхъ, або въ нихъ часть именечка моего, што бы за то стояло, вашмости въ тыхъ пенезехъ пяти сотъ чирвоныхъ золотыхъ въ заплате за то дала, а отъ всѣхъ кривдъ, которые бы ся отъ кого колвекъ деяли, чоломъ бью, рачъ милостивую оборону

деткамъ и убозству моему делати. Звлаща еслибы войтъ володимерскій зъ войтовства, которое, безъ певного зо мною постановеня и дубникъ, не можетъ кгвалтомъ отнимать, тогды, где бы кгвалтовне съ того выбилъ, прошу, абы урядовне противко нему вашмость поступили, а до книгъ замковыхъ то записавши и вознымъ обведши, правомъ противо нему, яко и я самъ, попирати рачъ, бо съ книгъ листъ судовый у писара кгродского, што зо мною право доконченe взялъ, роскажешъ вашмость подъ печатью урядовою взять: ведьже я и милосердье вделати близокъ, толко бы листы таковые, яко обецалъ, мне отъ него дошли. Жена тежъ моя, которая, отъ мене, мужа своего, и отъ детокъ нашихъ отъ часу немалого отъехавши, по своей воли живетъ, а присязе своей досыть не чинитъ, тая абы и теперь въ дому моемъ убогомъ до детокъ моихъ нехай не бывала бы: ведже кгды дастъ Богъ летъ они зъуполнихъ доростутъ, нехай ее, яко матку свою, водлугъ повинности своее, честуютъ и ей услугуютъ: але поколь лѣтъ еще мети не будутъ, кгды жъ мною и ими взгордила, нехай въ домъ мой къ нимъ, а ни до найменшое убогое маетностки моее ничого не маетъ. А тые золотые, кгды будетъ воля вашмости до тое потребы моее, а праве горачое и слезное, не боронити, толко рачъ ихъ вашмости на руки пану Бокию дати, до которогомъ писалъ, абы съ тымъ окупомъ, который за брата своего пана Ѳедора Бокия способитъ, и тие пятъ сотъ золотыхъ, черезъ слугу моего Марка при якомъ купцу, до Криму, або где царъ будетъ, послали.—За тымъ поручамъ се милостивой ластце вашмости, чоломъ бью и повторе слезне чоломъ бью, не опускай же мя въ той моей тяжкой неволи, а стань ми отцомъ и добродеемъ, бо ширенъ ку вамъ писать не могу, часу столко, яко то бидному вязню, не стало, толко чоломъ бью повторе и потрете, для Бога, для Бога змилуйтеся надо мною, своимъ слугою.

Данъ на полю, недалеко Пыкова, въ недѣлю четвертую, вступивши въ постъ велики, року семдесятъ семого. И тотъ листъ и поручене мое за властный кгрунтовный тестаментъ вамъ у себе ховати, а на уряде велѣти записати рачъ: бомъ ачъ печати, будучи въ неволи, не мелъ, алемъ его всего самъ моею рукою писалъ, до которого на свядецство и панъ Ѳедоръ Бокий и свою руку подписалъ.

Слуга вашмости поволне Василей Загоровскій властною рукою. Өедоръ Бокии Печихвостскіи рукою властною».

Сообщ. **А. А. Өедотовъ-Чеховскій.**

Къ родословной Полубoтковъ.

Черниговской губерніи, глуховскаго уѣзда, въ с. Ховзовкѣ, въ приходской церкви есть и теперъ синодикъ, писанный въ 1776 году и хранящій въ себѣ имена славнаго нѣкогда въ Малороссіи рода Полуботковъ, отрасли котораго существують доселѣ. Появленіе здѣсь помянника Полуботковъ, а быть можеть и самое сохраненіе его въ теченіе столь долгаго времени, объясняется тѣмъ, что при ховзовской церкви было нѣсколько священниковъ изъ фамиліи Кирницкихъ, или Кирнѣцкихъ, родоначальникъ которыхъ Василій состоялъ на службѣ при Василіѣ Полуботкѣ, полковникѣ переяславскомъ; онъ-то, въ благодарность за какія либо благодѣянія, самъ, или чрезъ сына, и завелъ синодикъ его для всегдашняго поминовенія. Синодикъ начинается замѣткой объ этомъ Полуботкѣ и служившемъ при немъ Кирницкомъ:

«Полуботокъ, при коемъ Кирнѣцкой отъ 747 по 768 июня 29-е находился въ первыхъ дѣлахъ».

Замѣтка эта сдѣлана рукою сына или внука упомянутаго Кирницкаго и глухо указываеть на поводъ и время учрежденія поминовенія. За симъ, послѣ словъ: *Помяни Господи*, вписаны слѣд. имена рода Полуботковъ:

Леонтія, Павла, Андрея, Маріи, Василія, Катерины, Софіи, Анны, Александра (бригадиръ коробовскій), Парасковіи (жена его коробовскаго, а сестра Василіева[1]), была прежде за Лѣсевицкимъ), Иоанна Миклашевскаго (за коимъ была Софія), Димитрія[4]) (за коимъ была Анна).

Кромѣ сдѣланныхъ уже здѣсь вставокъ и поясненій, составитель помянника сдѣлалъ еще слѣд. дальнѣйшія поясненія:

---

1) Т. е. Василія Полуботка.

2) Дочь его же.

3) Другая дочь его же.

4) Изъ слѣдующей за этимъ именемъ фамиліи первой буквы разобрать не возможно, а за тѣмъ читается: *асковъ*.

Леонтій, полковникъ переясловскій, Павелъ полковникъ чернѣговскій и вице-гетманъ, Андрей, бунчуковый товарищъ, Василій, праправнукъ Леонтіевъ, полковникъ, имѣлъ двѣ жены: Катерину, генерала Владимира Васильевича Изьмайлова дочь, съ нею жилъ 22 года, имѣвъ 2 сына и 2 дочери, почитая мертво родившіе, умерла бездѣтна [1]), другую Марву Матвѣеву, дочь полковника Куликовскаго, и съ ней полтора года живъ, 768 года іуня 29 дня (умре); осталась жена бездѣтна.

Очевидно, составитель помянника былъ близокъ къ Полуботкамъ и интересовался ихъ родомъ не ради одного молитвеннаго поминовенія, а потому и сообщаемыя имъ о семъ родѣ свѣдѣнія можно считать достовѣрными.

Изъ другихъ помѣтокъ на томъ же синодикѣ видимъ, что Кирнѣцкій Михаилъ былъ священникомъ ховзовской церкви, что прежняя церковь сгорѣла, но въ 1776 году уже была готова новая, существующая доселѣ, что послѣ Михаила Кирнѣцкаго былъ Іоаннъ Верещинскій; но въ 1772 г. былъ «произведенъ во иерея» сынъ Михаила Андрей Кирнѣцкій; Іоаннъ же «началъ жить у монастырѣ Петропавловскомъ» ($1^1/_2$ вер. отъ с. Ховзовки).

Д. Онацкій.

Вниманію археологовъ.

Верстахъ въ четырехъ отъ большой дороги, идущей изъ Глухова въ Путивль, расположено небольшое с. Ховзовка, глуховскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Клевени, которая здѣсь служитъ границей между курской и черниговской губерніями. Приблизительно въ полуверстѣ къ с.-з. отъ Ховзовки въ Петропавловскій монастырь, находится давно забытое, никому невѣдомое «Городище», извѣстное и у мѣстныхъ жителей подъ этимъ именно названіемъ. Говорятъ, что на этомъ мѣстѣ, Богъ вѣсть когда, былъ укрѣпленный городъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что это слѣдъ одного изъ тѣхъ древнеславянскихъ укрѣпленій, остатки которыхъ сохранились до нашего времени въ Приднѣпровьѣ подъ именемъ «городищъ». Не мѣшало бы археологамъ заглянуть сюда и покопаться.

---

[1]) Послѣдняя, малопонятная фраза, по всей вѣроятности, поставлена не на мѣстѣ и относится ко второй женѣ Маврѣ.

Что нибудь да нашли бы здѣсь. Вѣдь это и путь и мѣстность вполнѣ историческія.

«Городище» тянется отъ запада къ востоку приблизительно на 250 шаговъ, въ видѣ довольно высокаго съ двумя уступами вала, примыкающаго съ западной стороны къ широкому, ровному полю, еще очень недавно представлявшему роскошные лѣса съ могучими вѣковыми дубами. На восточной своей оконечности валъ спускается чрезвычайно крутою стѣною къ лѣвому берегу Клевени. Повышеніе его идетъ постепенно въ направленіи къ западу, гдѣ валъ заканчивается чрезвычайно высокой могилой, задняя стѣна которой опускается въ когда-то существовавшій очень широкій и глубокій ровъ. Вдоль всего вала, въ томъ же направленіи, идетъ сначала одинъ, а потомъ два ряда углубленій, сближающихся между собою; на самой же могилѣ въ юго-западной ея части находится небольшое отверстіе, какъ лисья нора. Говорятъ, что года 3—4 тому назадъ отверстіе это было настолько большое, что чрезъ него можно было человѣку пройти въ могилу, а теперь и головы туда просунуть нельзя. Тщетно небольшое деревцо, выросшее какъ разъ надъ отверстіемъ, съ нѣжностью матери распростираетъ свои молодыя вѣтви, чтобы закрыть его отъ злой непогоды: непогода беретъ свое и забиваетъ отверстіе... Говорятъ, что ховзовское крестьянское общество приступило было къ раскопкѣ могилы; но потомъ... дѣло какъ-то разстроилось.

Въ населеніи тѣхъ мѣстъ сохранилось слѣдующее преданіе.

Въ могилѣ хранится дорогой кладъ, когда и кѣмъ зарытъ— лишь Богъ про то вѣдаетъ, а что есть тамъ кладъ, такъ это вѣрно. Охотника лишь нѣтъ, чтобы достать его. А достать его можно только на первый день Христова Воскресенья, когда крещеный людъ съ краснымъ яичкомъ спѣшитъ въ храмъ Божій къ святой заутрени. Былъ одинъ смѣльчакъ когда-то, давно, не за нашей памяти,—дьячекъ одинъ, да нѣтъ! не судилось видно. Только зазвонили къ заутрени, онъ и пошелъ къ отверстію... вздрогнуло тѣло, да дѣлать нечего! Вошелъ въ могилу—темно и страшно... Подходитъ къ двери, а она сама собой растворяется. Подходитъ къ другой, третьей... и всѣ такъ же. Наконецъ растворилась послѣдняя дверь (по счету двѣнадцатая), и какія груды серебра, золота и иныхъ каменьевъ блеснули разомъ въ глазахъ дьячка! Но тутъ... о

ужасъ!.. глядитъ, какъ разъ у тѣхъ грудъ на толстыхъ цѣпяхъ сидятъ двое чертей съ хвостами и стерегутъ заклятое добро. «Голову давай!» съ страшнымъ гуломъ отдалось подъ сводомъ могилы, когда дьякъ сдѣлалъ шагъ, чтобъ денегъ набрать. Отъ страха дьякъ не помнитъ, какъ онъ бросился вонъ бѣжать; только слышалъ, какъ быстро захлопывалась дверь, чрезъ которую онъ пробѣгалъ. Счастливъ еще онъ, что не затворило его тамъ; только послѣдняя дверь полу одну притворила—такъ и отнесло всю полу... «Въ рукахъ былъ кладъ, да взять не умѣлъ, прибавляютъ разсказчики; съ старыми людьми нужно было посовѣтоваться. Когда черти стали говоритъ: «давай голову!»—ну и бросилъ бы имъ хоть куриную головку,—правъ бы вышелъ».

Д. Онацкій.

Два акта для исторіи „руины" правобережной Украйны. 1672—1682 г.г.

Предлагаемые два акта, списанные съ подлинниковъ[1]), дополняютъ исторію запустѣнія Малороссіи праваго берега Днѣпра, разсказанную Костомаровымъ въ его «Руинѣ».

I.

Петро Дорошенко гетманъ зъ войскомъ запорозкимъ. Пану полковникови черкаскому, сотникомъ, атаманомъ городовымъ и всему старшому и меншому товариству, войтомъ и всѣмъ посполитимъ людемъ, такъ въ мѣстѣ Черкасехъ, яко и по иншихъ того полку местахъ мешкаючымъ, доброго здоровя и щасливого поводженя отъ Господа Бога мѣти зычимъ.

Южъ насъ повторе вѣдати доходитъ, же прочане частокроть пересмыкаются зъ сего боку на тамъ тую сторону. Яко теды въ першомъ нашомъ унѣверсалѣ послалисмо о томъ заказъ войсковый, такъ и теперъ знову сурово приказуемъ, же быстe на всѣхъ шляхахъ, въ полку своемъ найдуючыхся, уставичную мѣючи сторожу,

---

[1]) Первый актъ изъ собранія А. С. Лашкевича, а второй В. В. Тарновскаго.

жадного живого духа, опрочъ купцовъ, на тамтую сторону прочанъ не пускали; а мѣли бы надъ заказъ нашъ силоватися, теды маетки и всю худобу у таковыхъ отбирати, самихъ зась до вязеня брати позволяемъ и росказуемъ. А если бы, за нечулостю старшыхъ, мѣли бы переходити отъ того часу прочане, теды таковыхъ старшыхъ и меншыхъ, хто не будетъ пилно сего росказу нашого пилновати, не толко на маеткахъ, але и на здоровю карати кажемъ суду войсковому. Що все иначей абы не было, повторе, подъ неласкою войсковою, приказуемъ.

Затымъ поручаемъ Господу Богу и звыклую нашу вамъ засылаемъ зычливость. Зъ Чегирина, 27 февруарія, року 1672.

Петъро Дорошенко гетманъ рука власная. (М. П.)

II.

Іо Дука, зъ ласки Божей господаръ земель молдавскихъ и земель украинскихъ.

Всѣмъ вобецъ і каждому зособна, кому о томъ вѣдать будетъ належне потреба, меновите всякого стану и кондиціи людемъ, живучимъ при святой обители Лебединской (ознаймуемъ), ижъ поглядаючи господарство мое на хвѣючоеся (шаткое) здання ваше, же и въ недавномъ часѣ роспустними руками допустилисте законниковъ Божиихъ брати зъ-межи васъ и зъ панства нашего украинского достоенства найяснейшого цесара, его милости, въ заграничное панство провадить: прето тимъ нашимъ универсаломъ васъ упевняемъ, абисте нѣ въ чомъ наймнѣй не вонтпили, а нѣ къ кому иншому склонятися мѣли, кромѣ щикгулной прихилности ку намъ и защиту нашому, при спокойномъ помѣшканю, о которое горливе стаhалемся и учинилемъ и волности стародавнїе уконфѣрмовалемъ, такъ ижъ кримскіе, ногайскіе, бѣлогородскіе и тигинскіе (sic) орди и иншіе заграничніе, пріятелскіе и непріятелскіе, войска на Украину и ногою не постанутъ. Слушне упевнивши васъ, и повторе документомъ тимъ при той святой обители на слободу взиваемъ на лѣтъ пять заживати вшелякихъ волностей, помножати собѣ вшелякихъ достатковъ гандлемъ, якимъ хто зхочетъ, сиченнямъ медовъ, вареннямъ пивъ, куреннямъ горѣлокъ и паханнямъ поля, хто чимъ звикъ, при зуполной волности. Для тимъ далшого валіору руку мою власную

подписавши, печать притиснути росказалемъ. Данъ въ Церекуновцѣ 1 іюля, 1682.

Іо Дука. (М. П.),

На оборотѣ: «унѣверсалъ Іо Дука, господара земель молдавскихъ и украинскихъ, позволяючий людемъ слободу на пять лѣтъ, при монастырю Лебединскому селячимся, данний року 1682».

Собщ. **Ал. Лазаревскій.**

Еще о портретѣ И. С. Мазепы.

(Изъ письма въ редакцію).

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» на нынѣшній годъ (стр. 188—191) помѣщена замѣтка о портретахъ Мазепы, по поводу найденнаго на стѣнѣ великой церкви кіево-печерской лавры, снимокъ съ котораго приложенъ къ помянутой книжкѣ «Кіевской Старины».

При чтеніи этой замѣтки мнѣ припомнилось, что какое-то свѣдѣніе о портретѣ Мазепы есть въ старыхъ моихъ бумагахъ, а мнѣ теперь 75 лѣтъ.

На дняхъ, перебирая запыленные мои шпаргалы давно прошедшаго времени, я нашелъ между ними клочекъ бумаги, касающійся портрета Мазепы, находившагося въ кіево-братскомъ монастырѣ и уничтоженнаго митрополитомъ кіевскимъ Самуиломъ Миславскимъ. Это коротенькій разсказецъ о портретѣ Мазепы извѣстнаго въ свое время любителя и знатока старины, Максима Ѳедоровича Берлинскаго, переданный одному изъ моихъ соучениковъ по гимназіи въ 1829 году. Въ то давно прошедшее время я былъ ученикомъ кіевской гимназіи, а М. Ѳ. Берлинскій преподавалъ естественныя науки: минералогію, ботанику и зоологію. Какъ извѣстно М. Ѳ. Берлинскій издалъ въ 1820 году описаніе Кіева и былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ ученымъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ.

Въ упомянутой выше замѣткѣ «Кіевской Старины» сказано: «есть серія портретовъ такъ называемаго польскаго источника, на которыхъ Мазепа изображенъ человѣкомъ весьма преклонныхъ лѣтъ (а онъ умеръ 64—69 л.) съ клинообразною, сѣдою, раздвоенною

бородою (а гетманы и козаки носили только усы)». По свидѣтельству Берлинскаго, на бывшемъ на стѣнѣ кіево-братскаго монастыря портретѣ Мазепа изображенъ также съ бородою.

Какъ-бы то ни было; но забытый съ 1829 года листокъ посылаю при семъ въ редакцію «Кіевской Старины», на тотъ конецъ, не пригодится-ли онъ почему либо редакціи. Это записка, писанная ко мнѣ въ 1829 г. А. Я. Р.

Андрей Цимбалистовъ.

Вотъ отъ слова до слова текстъ этой записки.

«Я сейчасъ спрашивалъ у Максима Ѳедоровича о портретѣ Мазепы; но по нещастію митрополитъ Самуилъ лишилъ насъ удовольствія видѣть его. Максимъ Ѳедоровичъ разсказывалъ мнѣ вотъ какимъ образомъ «что онъ былъ нарисованъ въ Братскомъ монастырѣ возлѣ дверей; по словамъ прежнихъ стариковъ, былъ онъ схоженъ (sic) съ Гетманомъ очень, съ бородою и усами сѣдыми, съ густыми и большими бровями, въ зеленой шинели съ небольшимъ воротникомъ, и собою былъ очень прекрасенъ. Митрополитъ Самуилъ, пріѣхавши въ Кіевъ, велѣлъ сей портретъ разбить въ прахъ; но въ Исторіи Бантышъ-Каменскаго нарочно сдѣланъ для презрѣнія такимъ дурнымъ и безъ бороды *(Слѣдуютъ тщательно замаранныя два-три слова)*. Братскій монастырь, также Никольскій и колокольню Софійскую онъ выстроилъ.—Максимъ Ѳедоровичъ обѣщалъ мнѣ дать свои записки о Малороссіи».

Записка писана на лоскуткѣ, составляющемъ 16-ю долю листа обыкновенной писчей бумаги, когда-то бѣлой, теперь совершенно пожелтѣвшей. Счастливой случайности, которая сберегла отъ утраты этотъ лоскутокъ, и любезному сообщенію почтеннаго старца г. Цимбалистова мы обязаны свѣдѣніемъ, которое безъ сего погибло бы, какъ и доселѣ оставалось въ совершенной неизвѣстности, именно, что въ Кіевѣ, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, существовалъ, кромѣ написаннаго на стѣнѣ великой лаврской церкви, другой еще портретъ гетмана Мазепы, въ большой церкви братскаго монастыря, тѣмъ же Мазепою сооруженной. Особенность этого свѣдѣнія та, что въ противуположность лаврскому портрету Мазепа изображенъ былъ здѣсь старцемъ, съ бородою, а не одними усами. Зеленая шинель съ собольимъ воротникомъ—это таже эпанча, что и на лаврскомъ изображеніи. Братскій портретъ, полагать надо, написанъ былъ также на стѣнной штукатуркѣ и къ ней-то конечно

относится выраженіе записки: «велѣлъ сей портретъ *разбить въ прахъ*», совсѣмъ неприложимое къ портрету, писанному на холстѣ и только висѣвшему на стѣнѣ. Митрополитъ Самуилъ, «лишившій насъ, говоря словами записки, удовольствія видѣть этотъ портретъ», будучи уроженцемъ Кіева и воспитанникомъ кіевской академіи, многіе годы служилъ на сѣверѣ Россіи и когда подъ конецъ прибылъ на каѳедру кіевской митрополіи, то былъ пораженъ тѣмъ, что даже профессора академіи не могли говорить правильно и съ соблюденіемъ надлежащаго акцента по русски. Съ жаромъ онъ принялся руссифировать и вообще реформировать устарѣвшую академію. Не мудрено, что въ такомъ настроеніи онъ не придалъ значенія историческому памятнику и уничтожилъ оный навсегда; притомъ въ его время, во всей силѣ своего феноменальнаго голоса, анаѳемствовалъ Мазепу знаменитый кіевскій протодіаконъ Заградскій, по разсказамъ старожиловъ, приведшій въ испугъ своею гортанью Великую Екатерину, а при митр. Евгеніѣ глубокимъ старцемъ садившійся на ступенькахъ амвона, когда владыка садился иа свою каѳедру. Разсказъ о братскомъ портретѣ Мазепы Берлинскій могъ слышать отъ очевидцевъ и въ этомъ отношеніи свидѣтельство записки едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Иное дѣло ея выраженія о сходствѣ портрета съ самимъ Мазепою и что этотъ послѣдній «собою былъ очень прекрасенъ»; этой части преданія, очень удаленнаго отъ времени Мазепы, нельзя придавать значенія, а прибавка о портретѣ Мазепы въ Исторіи Б.-Каменскаго совсѣмъ не заслуживаетъ опроверженія и можетъ считаться лишь выраженіемъ сожалѣнія о портретѣ безвозвратно погибшемъ.

Ред.

Справка о Г. Н. Тепловѣ.

Въ предъидущей книгѣ «Кіев. Старины» г. Барсуковъ напечаталъ документы, представляющіе интересную параллель. Это—записка Теплова о своей службѣ и свѣдѣнія о томъ же предметѣ изъ архива департамента герольдіи. Вымѣтки изъ дѣлъ герольдіи на каждомъ шагу противорѣчатъ словамъ Теплова, желающаго какъ можно преувеличить давность своихъ служебныхъ заслугъ. Записка составлена Тепловымъ на склонѣ лѣтъ и подтверждаетъ какъ нельзя

болѣе отзывъ о немъ Безбородка: «Тепловъ исчезаетъ отъ лѣтъ и болѣзней, но лжетъ еще больше на старости» [1]).

Съ развязной уклончивостью Тепловъ обходитъ вопросъ о своемъ происхожденіи, забываетъ упомянуть о годѣ рожденія и начинаетъ свою исторію прямо съ шестнадцатилѣтняго возраста. Отдѣльной біографіи ментора Разумовскаго еще нѣтъ; но имя его мелькаетъ чуть не на каждой страницѣ исторіи средины прошлаго вѣка. Записки современниковъ, преданія и разрозненныя замѣтки гласятъ слѣдующее: Григорій Тепловъ, родившійся 1720 г., былъ сынъ жены истопника въ псковскомъ архіерейскомъ домѣ и воспитанникъ Ѳеофана Прокоповича. Такъ какъ у него не было фамиліи, то Прокоповичъ изобрѣлъ ему таковую, съ намекомъ на общественное положеніе матери [2]). Первоначальное образованіе онъ получилъ въ школѣ, учрежденной Ѳеофаномъ при Александро-Невской лаврѣ, а потомъ долгое время, но еще въ отрочествѣ, учился за границей. Шестнадцати лѣтъ онъ пристроился уже къ академіи наукъ, хотя переводчикомъ сталъ только въ 1740, а не въ 1736, какъ увѣряетъ въ своей запискѣ.

Въ вѣкъ Екатерины II въ ходу были въ высшемъ кругу такъ называемые сатирическіе каталоги. Составлялась роспись книгъ дѣйствительно существующихъ или вымышленныхъ. Заглавія ихъ заключали указанія на особенность или смѣшную сторону лица, выставляемаго авторомъ. Одинъ изъ такихъ каталоговъ, вышедшій изъ придворныхъ сферъ, напечаталъ когда то М. Лонгиновъ [3]). Въ этой росписи досталось порядкомъ всѣмъ. Кириллу Разумовскому приписана была книга Мирабо «L'ami des hommes» (брошюра трактующая объ умноженіи народонаселенія), такъ какъ у гетмана за одинадцать лѣтъ родилось десять человѣкъ дѣтей. Тепловъ выставленъ сочинителемъ книги «Le je ne sais quoi»... (не знаю что...), съ намекомъ, конечно, на его таинственное происхожденіе. «Теплова, коментируетъ г. Лонгиновъ, считали то сыномъ Ѳеофана Прокоповича, то какого-то истопника».

---

[1]) „Кн. Безбородко“ Григоровича, стр. 253.

[2]) Бантышъ-Каменскій, „Словарь достопам. людей“, т. V, стр. 133; Helbig, „Russiche Günstlinge“, стр. 313; Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, т. I, стр. 15.

[3]) Русск. Архивъ 1871 г., № 8.

Похожденія его отъ молодыхъ лѣтъ поразительны, и поразительна также ловкость, съ какою онъ выходилъ изъ самыхъ трудныхъ положеній. Честолюбіе толкало его во всѣ рискованныя предпріятія, но всегда во время, съ самоувѣреннымъ нахальствомъ, онъ успѣвалъ стать на ту сторону, куда клонился успѣхъ. Шестнадцати лѣтъ онъ былъ уже запутанъ въ дѣлѣ Волынскаго. На допросѣ въ тайной канцеляріи, въ цѣпяхъ, онъ смѣло утверждалъ, что разрисовалъ только пресловутое генеалогическое древо въ домѣ Волынскаго, ничего не зная о цѣли рисунка. Самообладаніе спасло его. Гельбигъ приписываетъ ему главную иниціативу въ дѣлѣ Мировича. По свидѣтельству нѣмецкаго мемуариста, въ искуственно произведенной смутѣ, трагически кончившейся, Мировичъ будто бы игралъ только исполнительную роль. Онъ увѣренъ былъ въ своей безопасности и, такъ какъ его не разувѣряли до послѣдней минуты, онъ улыбаясь шелъ и на казнь [1]).

Періодъ могущества Теплова начинается съ временемъ возвышенія Разумовскихъ. Войдя въ довѣріе Алексѣя Разумовскаго, онъ выбранъ былъ имъ воспитателемъ для младшаго брата и сопровождалъ будущаго гетмана за границу. Пробывши два года въ чужихъ земляхъ, Кириллъ Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ и восемнадцати лѣтъ былъ назначенъ президентомъ академіи наукъ. Истиннымъ президентомъ сталъ конечно Тепловъ и подъ его жесткой рукой запищали и Ломоносовъ и Тредьяковскій. За какую то критику его книжки «Знанія, вообще до философіи касающіеся», Тепловъ ругалъ піиту «изрядно» и угрожалъ проколоть шпагой [2]).

Съ возстановленіемъ гетманства для Кирилла Разумовскаго, Тепловъ сдѣлался негласнымъ правителемъ Малороссіи. Офиціально онъ былъ завѣдующимъ гетманской канцеляріей, но въ сущности политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ и менторомъ ясневельможнаго и совершенно взялъ въ руки «бразды правленія». По выраженію Соловьева, «Тепловъ стоилъ четверыхъ великороссійскихъ членовъ прежней малороссійской коллегіи [3]). Онъ мало съ кѣмъ ладилъ, но пользовался неограниченнымъ довѣ-

---

[1]) „Русск. Старина“ 1886 г., № 10. стр. 20.

[2]) Васильчиковъ, т. 1, стр. 186.

[3]) „Истор. Россіи“, т. XXIII, стр. 47.

ріемъ гетмана. Этого довѣрія не могли поколебать даже постоянныя просьбы старухи матери гетмана, съ женскимъ инстинктомъ разгадавшей Теплова и постоянно умолявшей сына удалить его отъ себя. Бывшій воспитатель вершилъ большинство дѣлъ. Самъ гетманъ и жена его, рожденная Нарышкина, скучали въ Глуховѣ и въ Батуринѣ и постоянно рвались въ Петербургъ, къ покинутой свѣтской и придворной жизни. Къ этому времени относится знаменитая записка Теплова «О непорядкахъ, которые происходятъ отъ злоупотребленія правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи». Но о ней ниже.

Въ 1763 году Тепловъ становится статсъ-секретаремъ Екатерины II. Тутъ онъ измѣняетъ Разумовскому и придумываетъ противъ него по истинѣ предательскій планъ. Онъ подъучаетъ гетмана просить о дарованіи потомству его наслѣдственнаго гетманскаго достоинства, побуждая его собирать старшинъ для поддержки такого требованія, и въ то же время представляетъ правительству объ опасности, грозящей отъ такого волненія и отъ намѣреній гетмана. Тогда приняты были мѣры противъ замысловъ гетмана, и Разумовскому велѣно было подать въ отставку, въ ноябрѣ 1764 года[1]).

Современникъ этихъ событій, таинственный авторъ «Исторіи Руссовъ», передалъ разсказъ о первой встрѣчѣ Теплова съ Разумовскимъ во дворцѣ послѣ этого событія. Тепловъ встрѣтилъ опальнаго вельможу объятіями, а бывшій тутъ Григорій Орловъ произнесъ въ слухъ: «И лобза, его же предаде»!

По свидѣтельству всѣхъ историковъ, Тепловъ игралъ видную роль въ событіяхъ воцаренія Екатерины II. Незадолго передъ тѣмъ онъ пожалованъ былъ Петромъ III чиномъ статскаго совѣтника и камергерствомъ. Тепловъ былъ авторомъ перваго манифеста Екатерины II и формулы присяги. Онъ же былъ секретаремъ чрезвычайнаго совѣта, собиравшагося въ первые дни ея правленія. Черезъ нѣсколько времени Бестужевъ открылъ, что когда то онъ доносилъ о перепискѣ Екатерины II съ Разумовскимъ, предшествовавшей событіямъ воцаренія[2]).

Безпримѣрная перемѣнчивость «коварника», какъ называлъ его Ломоносовъ, находитъ нѣкоторую аналогію въ характерѣ и

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Соловьевъ и всѣ историческія свидѣтельства.

[2]) Соловьевъ, т. XXV, 102.

образѣ дѣйствій его воспитателя. Высоко талантливый Прокоповичъ менѣе всего грѣшилъ стойкостью привязанностей и убѣжденій. Онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ принаравливался къ каждой перемѣнѣ власти. Въ 1709 году онъ превозносилъ Меньшикова, называя его Іосифомъ и Давидомъ и клялся «всегда на прославленіе добродѣтелей его подвигатися», а въ слѣдъ за паденіемъ вельможи называлъ его «воплощеннымъ порокомъ, негоднѣйшимъ изъ всѣхъ двуногихъ существъ нечестивцемъ, вышедшимъ изъ пигмеевъ»[1]. Извѣстно также его коварство по отношенію къ Лопатинскому и Стефану Яворскому.

Уступая въ талантѣ и способностяхъ Прокоповичу, Тепловъ былъ щедро одаренъ природою и владѣлъ выдающимся образованіемъ. Не удивительны его политическая роль и появленіе при дворѣ Екатерины, гдѣ, по словамъ Грабовскаго, «вельможи при Государинѣ бывшіе, кромѣ князя Потемкина, не знали русскаго правописанія».

Тѣмъ не менѣе императрица не любила его и тяготилась его присутствіемъ при дворѣ. Онъ нылъ и стоналъ о своихъ недостаткахъ и, будучи уже очень богатымъ владѣльцемъ, писалъ кн. Щербатову: «Весьма ложною я нахожу пословицу: «за Богѳмъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ». Таланты и качества часто за безцѣнокъ идутъ въ свѣтъ, и мнѣ кажется счастливъ тотъ, кто самъ для себя проворствуетъ. Не родился я ни богатъ, ни знатенъ и вижу, что въ такую же нищету потомки мои возвращаются, въ которой я родился»[2]. А между тѣмъ, кромѣ пожалованной Тепловки и другихъ имѣній, «Тепловъ не упустилъ уже тогда примежевать къ своей землѣ землю Лизогубовъ, верстъ на десять въ окружности»[3]. Государыня отдалила отъ себя Теплова между прочимъ вслѣдствіе жалобъ, поступившихъ отъ сосѣдей его крестьянъ. Вѣроятно вспоминая это, онъ въ томъ же письмѣ называетъ «малороссіянцевъ» дураками и ябедниками.

Образцемъ чисто іезуитской казуистики можетъ служить его знаменитая «Записка о непорядкахъ», такъ превосходно разобран-

---

[1]) Письмо къ герцогу Карлу Фридриху Голштинскому.—Труды К. Дух. Ак., 1865 г., № 3).

[2]) Русск. Архивъ, 1869 г., стр. 216.

[3]) Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 560.

ная Максимовичемъ. Подъ видомъ защиты «правъ и обыкновеній, грамотами подтвержденныхъ», онъ рекомендуетъ уничтоженіе каждаго изъ нихъ. Записка его не встрѣтила полнаго успѣха и многое утвержденное старымъ правомъ и обычаемъ сохранялось, какъ извѣстно, для такъ называемыхъ «малороссійскихъ губерній» еще долгое время. Особенно ненавистно было Теплову выборное начало и вольный переходъ крестьянъ, «отъ котораго бѣдные помѣщики часъ отъ часу въ большую бѣдность приходятъ». Есть всѣ основанія думать, что первая мысль о закрѣпощеніи малороссійскихъ крестьянъ заронена была Тепловымъ, хотя осуществленія ея онъ не увидѣлъ уже. Тепловъ умеръ въ 1779 году.

В. Г.

Ненаучные пріемы въ научномъ дѣлѣ.

(По поводу одного газетнаго извѣстія о рѣдкомъ портретѣ Мазепы).

Въ № 6-мъ газеты «Кіевлянинъ» на нынѣшній годъ помѣщена замѣтка неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: «Рѣдкій портретъ Мазепы». Сказавъ о томъ, что къ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» нынѣшняго года приложенъ снимокъ съ портрета Мазепы, написаннаго масляными красками на стѣнѣ великой церкви кіево-печерской лавры, и что «крайне сомнительно, чтобы этотъ портретъ дѣйствительно изображалъ Мазепу», авторъ, въ противоположность сему «столь *и*покрифическаго характера» портрету, «позволяетъ себѣ напомнить о старинномъ гравированномъ портретѣ Мазепы, работы извѣстнаго варшавскаго гравера конца XVII и начала XVIII ст. Норблина, въ значительной степени болѣе соотвѣтствующемъ историческимъ даннымъ о Мазепѣ». Онъ представляетъ затѣмъ и самое описаніе гравюры Норблина. Это, говоритъ, «маленькое поясное изображеніе, всего въ 9,1 сантим. вышины и 8,3 сантим. ширины. Мазепа изображенъ дряхлымъ старикомъ. Надвинутая почти на самые глаза гетманская шапка, узкіе глаза, продолговатый насъ, большой ротъ, при чемъ разстояніе отъ верхней губы до носа весьма значительно; усовъ нѣтъ, а вмѣсто бороды два рѣдкіе клочка волосъ на подбородкѣ. Взглядъ

острый, приницательный, съ какимъ обыкновенно представляютъ старыхъ іезуитскихъ патеровъ. На гетманѣ накинутъ плащъ, спереди котораго двѣ застежки. На шеѣ медаль, висящая на цѣпи. На медали изображеніе какого-то бюста, весьма можетъ быть, изображеніе Петра I».

Замѣтка имѣетъ, по видимому, цѣль научную. Отъ чего въ самомъ дѣлѣ не указать читающей публикѣ на историческую недостовѣрность только что изданнаго редакціею «Кіевской Старины» портрета Мазепы и на существованіе другаго, гораздо болѣе достовѣрнаго, но мало кому извѣстнаго и чрезвычайно рѣдкаго портрета того же историческаго лица? Но недостаточно только указать, а надо еще доказать. Что же авторъ приводитъ въ доказательство своего мнѣнія о томъ и другомъ портретѣ Мазепы?

О портретѣ лаврскомъ, изданномъ «Кіевскою Стариною», онъ говоритъ только, что «не существуетъ никакихъ положительныхъ указаній на то, чтобы этотъ портретъ дѣйствительно изображалъ Мазепу; напротивъ, многое заставляетъ предполагать, что если даже неизвѣстный художникъ пытался изобразить портретъ Мазепы на стѣнѣ лаврской церкви, то этого онъ не достигъ, такъ какъ ни одна изъ чертъ лица не отражаетъ въ себѣ характера той исторической личности, которая такъ прекрасно очерчена въ извѣстной монографіи покойнаго Н. И. Костомарова «Мазепа и Мазепинцы».

Относительно портрета Мазепы, представляемаго гравюрою Норблина, авторъ замѣчаетъ, что онъ «въ значительной степени болѣе соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ о хитромъ, умномъ, крайне двуличномъ и вѣроломномъ характерѣ того лица, съ именемъ котораго народное преданіе связываетъ понятіе объ измѣнѣ и проклятіи». И далѣе: «все изображеніе Мазепы (въ гравюрѣ Норблина) производитъ впечатлѣніе человѣка лукаваго, жестокаго, самаго подлаго характера, какимъ въ дѣйствительности былъ Мазепа».

И такъ въ основу сужденія объ исторической подлинности портрета вообще и въ частности портрета Мазепы авторъ замѣтки ставитъ не историческія данныя о внѣшнемъ видѣ изображаемаго историческаго дѣятеля (чертахъ его лица, цвѣтѣ самаго лица, глазъ, волосъ и т. п., равно возрастѣ, ростѣ, фигурѣ, костюмѣ

и проч.), какія данныя имѣемъ мы напр. о кіевскомъ князѣ Святославѣ и отчасти даже о самомъ Мазепѣ (свидѣтельство шведскаго мемуариста, показаніе Герцика, показанія генеральной старшины, спрошенной по дѣлу о портретѣ Мазепы на иконѣ въ каменскомъ монастырѣ), и не тѣ же данныя о его національности, происхожденіи, образѣ жизни и дѣятельности, основныхъ чертахъ его характера и т. д.; съ другой стороны и не свѣдѣнія о томъ, когда и гдѣ жилъ художникъ, писавшій извѣстный портретъ и *могъ* ли онъ написать портретъ точный (т. е. могъ ли видѣть и знать изображаемое лице, или имѣть хорошій его портретъ, равно владѣлъ ли своимъ искусствомъ въ достаточной степени), но только непремѣнное требованіе, чтобы портретъ, будь онъ писанъ за 150 или 200 лѣтъ, представлялъ изображаемое лице съ отраженіемъ тѣхъ чертъ характера, какія находитъ въ немъ современная намъ исторія. Требованіе странное, не выполнимое и ужъ конечно совсѣмъ не научное. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ неизвѣстный художникъ, писавшій портретъ Мазепы на стѣнѣ лаврской церкви, знать то, что напишетъ о немъ Костомаровъ спустя около 200 лѣтъ. Если Норблинъ до нѣкоторой степени предъугадалъ то, что сказалъ авторъ замѣтки о его гравюрѣ, перефразируя отзывъ Костомарова о Мазепѣ, или же автору замѣтки удалось прозрѣть то, что думалъ о Мазепѣ Норблинъ, то это въ одинаковой степени одно лишь недоразумѣніе... На самомъ дѣлѣ оба современные художники, пиша портреты Мазепы задолго до его измѣны, представляли его себѣ конечно не такимъ, какимъ онъ объявленъ послѣ обнаруженія измѣны, какимъ явился въ представленіи народномъ послѣ слишкомъ полуторастолѣтняго ежегоднаго его анаѳемствованія и какимъ представляетъ его себѣ авторъ замѣтки, прочитавши монографію о немъ Костомарова. Они должны были считать Мазепу такимъ же, какимъ вообще считали его современники, а современники въ большей части представляли его себѣ человѣкомъ умнымъ, любезнымъ, сладкорѣчивымъ, властолюбивымъ и твердымъ, но вмѣстѣ и гибкимъ, даже набожнымъ и благочестивымъ, такъ какъ онъ благодѣтельствовалъ монастырямъ, строилъ много церквей, и никто, кромѣ жертвъ его ненависти и мести, не видѣлъ въ немъ «человѣка лукаваго, жестокаго, самаго подлаго характера». Автору замѣтки до всего этого дѣла нѣтъ; онъ знаетъ одно, что Мазепа

измѣнникъ, что онъ проявилъ въ своей жизни хитрость, лукавство, вѣроломство, коварство и что разъ эти качества были присущи его душѣ, то должны были отражаться и на его лицѣ, ибо лице зеркало души. Нужды нѣтъ, что не всякое лице одинаково подвижно и выразительно и что нѣтъ данныхъ, говорящихъ о томъ, что на лицѣ Мазепы отражались именно перечисленныя выше качества; авторъ убѣжденъ, что Мазепа долженъ глядѣть старымъ іезуитскимъ патеромъ и что тотъ портретъ, на которомъ онъ представленъ инымъ, не имѣетъ исторической достовѣрности. Такимъ онъ и объявляетъ портретъ, написанный на стѣнѣ лаврской церкви; не найдя въ немъ выраженія хитрости, лукавства и проч., онъ не входитъ уже въ разсмотрѣніе соображеній и доводовъ, приведенныхъ редакціей «Кіевской Старины» въ подтвержденіе принадлежности этого портрета Мазепѣ и сходства съ нимъ. Намъ нѣтъ надобности повторять эти соображенія предъ нашими читателями, автору же замѣтки мы рекомендовали бы вновь прочесть ихъ и представить соотвѣтственное опроверженіе, иначе мы вправѣ считать и считаемъ его заявленіе о лаврскомъ портретѣ неосновательнымъ, а пріемы сужденія о немъ совсѣмъ не научными.

Не иное же значеніе имѣетъ и сообщеніе его о гравюрѣ Норблина. Авторъ ни чѣмъ не подтверждаетъ принадлежности этого портрета Мазепѣ и сходства съ нимъ, кромѣ надписи *Mazeppa* въ верхней части гравюры, съ правой стороны; а это въ связи съ самымъ портретомъ напоминаетъ отчасти того малорусскаго маляра, который, нарисовавши льва и опасаясь, чтобы его не признали за другое животное, счелъ нужнымъ надписать: *се левъ, а не собака.* Напрасно авторъ говоритъ: «несомнѣнно, что данныя для изображенія Мазепы у Норблина были, и притомъ онъ легко могъ ихъ собрать, такъ какъ личность Мазепы была хорошо извѣстна въ Варшавѣ, гдѣ въ молодости гетманъ занималъ выдающееся мѣсто при дворѣ короля Яна Казиміра». При этомъ дворѣ Мазепа занималъ мѣсто камеръ-пажа и оставилъ Варшаву еще въ 1663 г., гравюра жъ Норблина, какъ говоритъ авторъ, сдѣлана въ 1703—5 годахъ. Если по истеченіи 40 съ лишнимъ лѣтъ и были въ Варшавѣ лица, которыя хорошо помнили Мазепу, то конечно они помнили его не такимъ, какимъ онъ представленъ на гравюрѣ Норблина. На ней нѣтъ никакихъ слѣдовъ ни той красоты, которою Мазепа

несомнѣнно обладалъ въ молодости, ни той бодрости и энергіи, которыя онъ сохранялъ и въ старости, ни тѣхъ типичныхъ чертъ его лица, о которыхъ сохранились свидѣтельства современниковъ. Какъ портрету источника польскаго, гравюрѣ Норблина ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдано предпочтеніе предъ портретами мѣстными, писанными или гравированными въ Кіевѣ, быть можетъ съ натуры, или образцовъ съ нею свѣренныхъ. О гравюрѣ Норблина можно и должно упоминать при перечисленіи портретовъ Мазепы; но придавать этому портрету значеніе достовѣрнаго, близкаго къ оригиналу, нѣтъ никакого основанія. Хитрость, лукавство, подлость— черты внутреннія и установлены за Мазепою, такъ сказать, заднимъ числомъ; судить же о сходствѣ портрета съ изображеннымъ лицемъ только по одной подписи никто не рѣшится. Въ коллекціи напр. карточекъ Мазепы, находящейся у проф. В. Б. Антоновича, есть портретъ съ выраженіемъ также взгляда «остраго и проницательнаго», но до такой степени напоминающій извѣстнаго писателя П. А. Кулиша, что для устраненія неизбѣжнаго смѣшенія этихъ двухъ лицъ, раздѣленныхъ чуть не двумя столѣтіями, слѣдовало бы надписать на немъ: *се Мазепа, а не Кулишъ.* Нѣкоторое *а не* не мѣшало бы, можетъ быть, добавить и къ надписи на гравюрѣ Норблина...

Изъ-за чего же авторъ названной замѣтки такъ превозноситъ эту гравюру? Изъ за чего онъ такъ взываетъ, и не одинъ разъ, къ собственнику гравюры профессору Бецу, чтобы тотъ издалъ ее или далъ на то свое согласіе? Что вызвало съ его стороны упрекъ по адресу двухъ кіевскихъ ученыхъ, совсѣмъ по видимому неповинныхъ въ дѣлѣ гравюры Норблина? «Крайне странно, говоритъ онъ, что такой знатокъ исторіи Малороссіи, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, и собиратель малороссійскихъ древностей А. М. Лазаревскій, несомнѣнно знающіе о существованіи гравюры Норблина, не обратили на нее вниманія». Чего онъ хотѣлъ отъ почтенныхъ ученыхъ, мы право недоумѣваемъ. Ужъ если «нынѣшній владѣлецъ гравюры Норблина, проф. В. А. Бецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ нѣсколько портретовъ гетмановъ изъ извѣстной коллекціи В. В. Тарновскаго», то что мѣшало бы ему принять на себя изданіе и «малоизвѣстнаго и рѣдкаго экземпляра портрета Мазепы», которому онъ, или авторъ замѣтки, придаетъ «особенный интересъ»? Но и въ послѣднихъ словахъ своей замѣтки авторъ все-таки взываетъ, чтобы проф. Бецъ далъ

(кому. неизвѣстно) на изданіе столь рѣдкаго портрета свое согласіе. По неволѣ подумаешь, что «умыселъ тутъ былъ иной»...

Впрочемъ авторъ замѣтки, насчитывая три экземпляра гравюры Норблина, допустилъ, кажется, ошибку, за которую не можетъ поблагодарить его кіевскій собственникъ столь рѣдкаго портрета Мазепы. Дѣло въ томъ, что въ библіотекѣ гр. Красинскихъ (а не Красицкаго) въ Варшавѣ хранится шелковый платъ, на одной сторонѣ котораго оттиснута плащаница, а на другой портретъ Мазепы, что конечно не однородно съ гравюрою Норблина; портретъ же Мазепы. бывшій у г. Иваницкаго и подаренный имъ краковскому музею, принадлежитъ болѣе позднему времени и есть произведеніе придворнаго художника короля Станислава Августа Понятовскаго. Тѣмъ большую поэтому рѣдкость представляетъ гравюра, составляющая собственноссь проф. В. А. Беца; она просто *unica*...

Но одна рѣдкость въ этомъ, какъ храбрость въ военномъ, дѣлѣ не составляетъ всего. Большую напр. рѣдкость составляетъ въ настоящую пору фотографическій снимокъ съ портрета Мазепы, находящагося на стѣнѣ лаврской церкви, сдѣланный однимъ изъ кіевскихъ фотографовъ при освѣщеніи магніемъ для одного высокопоставленнаго лица въ Москвѣ. Мы видѣли портретъ въ натурѣ, фотографный снимокъ въ негативѣ и тотъ-же снимокъ послѣ перевода на бумагу, и не нашли ничего общаго между этимъ послѣднимъ и оригиналомъ, какъ не находятъ и другіе, видѣвшіе и снимокъ и оригиналъ. Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что получить съ помощью фотографіи ясный и опредѣленный снимокъ съ стараго закопченнаго портрета, давно утратившаго яркость красокъ, дѣло чрезвычайно трудное, едва достижимое, притомъ не иначе, какъ съ помощью самой добросовѣстной и искусной ритушевки, при тщательной повѣркѣ по оригиналу. Видѣнный нами негативъ далъ лишь самый слабый отпечатокъ изображенія Мазепы, въ которомъ, не говоря о выраженіи лица, трудно было отличать даже главныя его линіи и черты. Снимокъ отдѣлалъ, можно сказать просто сдѣлалъ ремесленникъ ритушеръ по собственному вдохновенію, не справляясь съ оригиналомъ, и получились не тотъ складъ и поворотъ головы, не тѣ черты лица, не то выраженіе,—вышло, какъ выразился одинъ изъ видѣвшихъ оригиналъ, «нѣчто; напоминаю-

щее короля зулусовъ, Ситевайо»... Усердный ритушеръ всадилъ даже въ шапку Мазепы огрызокъ какого-то пера, котораго и признаковъ нѣтъ въ натурѣ. И что же? Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, забудутся обстоятельства и время изготовленія снимка, снимокъ перейдетъ въ десятыя руки съ переиначенными о немъ свѣдѣніями, придетъ, пожалуй, кому нибудь охота сдѣлать по нему гравюру и явится новый рѣдкій портретъ Мазепы, работы какого нибудь новѣйшаго Норблина. *И будутъ послѣдняя горша первыхъ.*

Н. Цыбульскій.

Гдѣ находился кіевскій домъ Саввы Туптала сотника?

Въ № 19 «Кіевлянина» за текущій годъ, въ статьѣ подъ названіемъ *Историческій домъ*, разсказывается, будто въ Кіевѣ, на углу Хоревой и Межигорской улицъ, находится домъ кіевскаго сотника Саввы Туптала и что въ этомъ домѣ родился его сынъ, св. Димитрій, бывшій митрополитъ ростовскій, извѣстный не только святостію жизни, но своими историческими и проповѣдническими сочиненіями.

Для предохраненія кіевлянъ отъ заблужденія, въ которое могутъ вводить авторы подобныхъ замѣтокъ, считаемъ не излишнимъ сообщить достовѣрныя свѣдѣнія о вышеупомянутомъ домикѣ и о домѣ, въ которомъ дѣйствительно жительствовали родители св. Димитрія Ростовскаго.

Старинный двуэтажный домикъ на углу Хоревой и Межигорской улицъ на Подолѣ извѣстенъ намъ съ 1833 года, т. е. 53 года. Въ то время онъ былъ не жилой и покрытъ былъ не желѣзомъ, какъ нынѣ, а по старинѣ—черепицею; въ нижнемъ его этажѣ со сводами имѣлись желѣзныя двери и желѣзныя ставни, а на углу, по карнизу, отдѣляющему нижній этажъ отъ верхняго, росъ кустъ красной смородины, красовавшійся здѣсь нѣсколько лѣтъ до перехода этого дома во владѣніе купца Калинникова. Глядя на этотъ старинный домъ, семинарсты и студенты академіи дѣйствительно называли его иногда домомъ св. Димитрія ростовскаго; но изъ кіевскихъ старожиловъ никто не усвоялъ его ни св. Димитрію, ни родителю его, кіевскому сотнику Саввѣ Тупталѣ. За болѣе точною справкою мы обращались къ жительствовавшему на противоположномъ углу Хоревой и Межигорской улицъ 97-лѣтнему

старцу, протоіерею о. Іоакиму Игнатовичу, который учился въ кіевской академіи въ концѣ прошлаго столѣтія; но и онъ, проживішій почти столѣтіе въ Кіевѣ, на сей же улицѣ, не слыхалъ о принадлежности этого дома родителю св. Димитрія ростовскаго, хотя могъ бы объ этомъ знать не только отъ другихъ, но и отъ своего тестя, протоіерея воскресенской церкви Маниковскаго, въ приходѣ котораго находился этотъ домъ. Покойный протоіерей Игнатовичъ называлъ этотъ домъ домомъ *Артемихи*, а въ Дневникѣ митрополита кіевскаго Серапіона († 1822 года) значится, что Артемиха была кіевская гражданка, славившаяся въ прошломъ столѣтіи искусствомъ приготовлять извѣстное кіевское варенье. Вотъ и вся достовѣрная исторія этого старинного дома. Внутренность его мнѣ извѣстна потому, что около 1838 года въ немъ въ лѣтнее время квартировалъ мой товарищъ по семинаріи А. Крупскій.

Что касается родины св. Димитрія ростовскаго, то она извѣстна всякому, мало мальски знакомому съ мѣстной исторіей; родился онъ не въ Кіевѣ, а въ м. Макаровѣ, находящемся въ 40 вер. отъ Кіева и въ 5-ти верстахъ вправо отъ кіево-житомірскаго шоссе, въ чемъ можно удостовѣриться изъ Дневника св. Димитрія. Въ томъ же дневникѣ значится, что домъ Саввы Туптала находился подлѣ кіево-подольской Притиско-Николаевской церкви, противъ нея, и таковой дѣйствительно существовалъ между этою церковью и кіево-флоровскимъ монастыремъ въ дворѣ бывшемъ купца Курлюкова, а нынѣ купца Новикова. Одноэтажный этотъ домъ, въ видѣ каменицы со сводами, сломанъ уже въ 40 годахъ купцемъ Курлюковымъ, о чемъ мы знаемъ отъ покойнаго инженеръ-полковника Чеспока, владѣвшаго тѣмъ дворомъ послѣ Курлюкова.

Столь же невѣрно въ названной статьѣ извѣстіе объ основаніи іорданскаго женскаго монастыря родственниками св. Димитрія послѣ поступленія его въ настоятели кіево-кирилловскаго монастыря. Іорданскій николаевскій женскій монастырь извѣстенъ еще съ XVI вѣка и чуть ли не былъ тѣмъ монастыремъ св. Николая, въ которомъ въ XI вѣкѣ постриглась мать преподобнаго Θеодосія печерскаго.

Л. П.

Отъ редакціи.

Журналъ **„Кіевская Старина“** выходитъ *неизмѣнно* 1-го **числа каждаго** мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

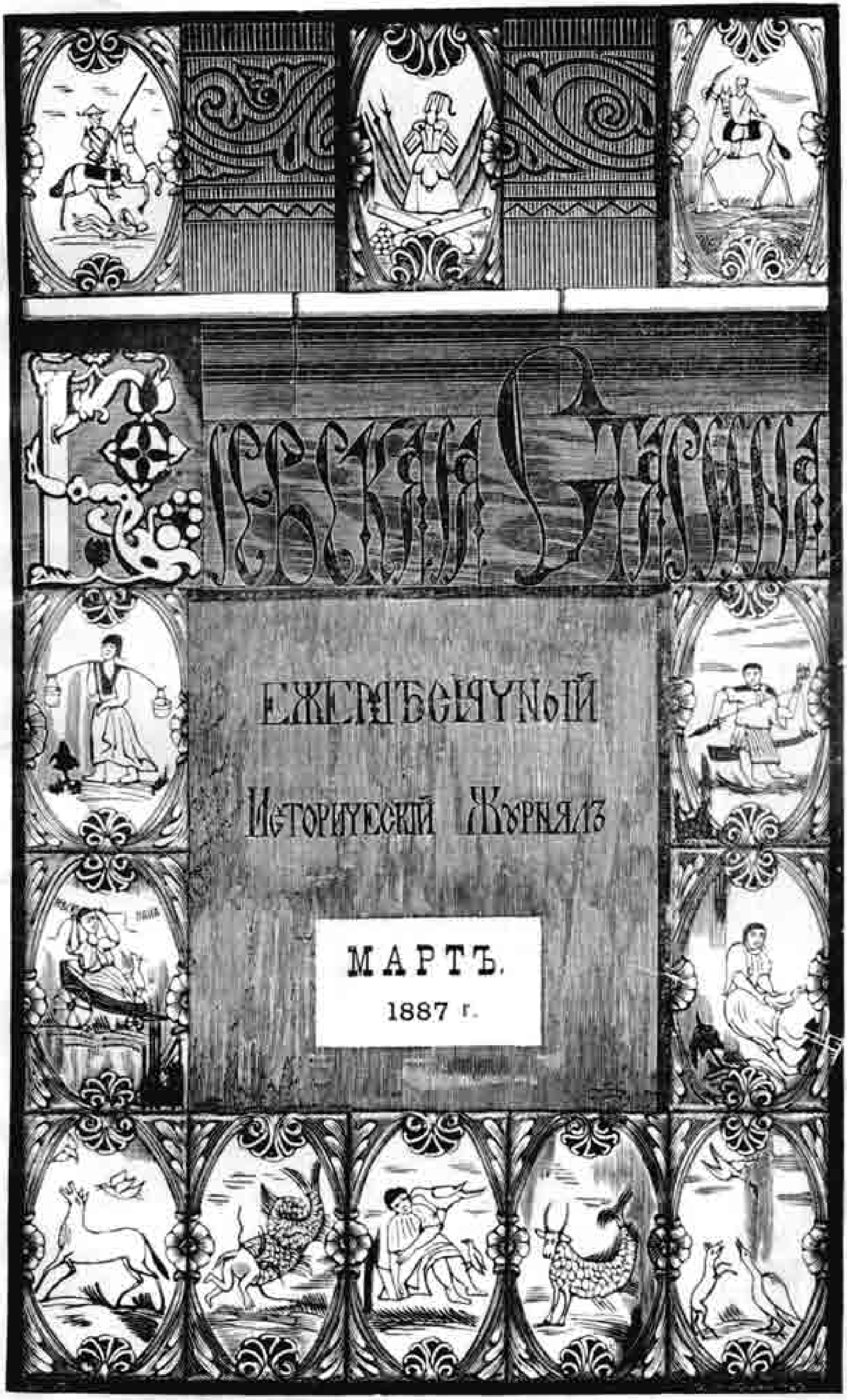
Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка сю не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1886 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Трехсвятительская улица, № 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.